

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 19 (141)

Academic Journal

Series:
Historical Studies.
History of Russia

Moscow
2014

ВЕСТНИК РГГУ
№ 19 (141)

Научный журнал

Серия
«Исторические науки. История России»

Москва
2014

УДК 91(05)
ББК 66

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Серия «Исторические науки. История России»

Редакционная коллегия:

Е.И. Пивовар – ответственный редактор
А.Б. Безбородов – заместитель ответственного редактора
М.А. Скляр – ответственный секретарь
Т.Г. Архипова
А.Ю. Бахтурина
Л.Е. Горизонтов
В.И. Дурновцев
Н.В. Елисеева
В.И. Журавлева
А.А. Киличенков
Т.Ю. Красовицкая
И.В. Курукин
А.П. Логунов
В.Я. Петрухин
П.П. Шкаренков
А.Л. Юрганов

Номер подготовили:

А.А. Киличенков

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Е.И. Нестерова

Коммерческий агент Японии во Владивостоке Сэваки Хисато: жизнь рангакуся в Стране восходящего солнца и на окраине Российской империи (вторая половина XIX в.) 9

А.М. Лаврѣнова

Чины Отдельного корпуса жандармов в восприятии российских революционеров 21

М.Ю. Черниченко

Инфляция и инфляционная паника в тылу войск генерала А.И. Деникина в отражении экономической публицистики Белого юга России (1919 г.) 33

С.В. Карпенко

Расстройство железнодорожного транспорта и топливный кризис во врангелевской Таврии: причины и взаимовоздействие (апрель – ноябрь 1920 г.) 41

Е.А. Кириллова

НЭП и новая жилищная политика: от домкомбедов – к жилтовариществам (Петроград, начало 1920-х гг.) 53

Н.С. Тимофеева

Египтолог В.И. Авдиев: неизвестные документы о пути в науку 66

Б.Б. Цыретарова

Санитарно-эпидемическая обстановка и борьба с эпидемиями в Бурятии в годы Великой Отечественной войны 78

Сообщения

С.В. Костерин

Из истории Варшавской группы Конституционно-демократической партии: переход от политической деятельности к благотворительности (начало 1920-х гг.) 88

А.М. Юдина

Концерты Д. Эллингтона в СССР как барометр советско-американских отношений в начале 1970-х гг. 97

Новая Россия и постсоветское зарубежье

Н.И. Харитонова

- Приднестровский конфликт: новые подходы
к изучению прошлого и настоящего 105

Е.В. Гышпа

- К изучению исторического опыта выхода Хакасской автономной
области из состава Красноярского края: периодическая печать
и формирование общественного мнения 120

История и теория исторической науки

С.В. Юферова

- Губернская реформа Екатерины II: освещение
в отечественной историографии 132

А.И. Еремин

- Черновики документации русской классической гимназии
конца XIX – начала XX в. как источник для изучения
истории повседневности 141

А.В. Сызранов

- Новые отечественные исследования по истории суфизма
в Поволжье в XX в. 154

Д.Р. Зайнутдинов

- Проблематика государственно-правового развития
антибольшевистских военных диктатур в современных
отечественных исследованиях по истории Белого движения 165

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

- К изучению мотивации социального поведения военспецов в годы
Гражданской войны (на примере биографии генерала В.И. Селивачева) 173

А.В. Серегин

- Русская военная эмиграция: из истории изучения
в отечественной историографии 183

В.В. Тихонов

- Историки и советская власть в 1920–1940-е гг.: патроны и клиенты 193

Г.Н. Ланской

- Журналы РГГУ как историографический источник о прошлом
Историко-архивного института 205

- Abstracts 214

- Сведения об авторах 223

CONTENTS

Articles

E. Nesterova

Japanese commercial agent in Vladivostok Sewaki Hisato: Rangakusha's Life in the Land of the Rising Sun and on the outskirts of the Russian Empire (the second half of the 19th century) 9

A. Lavryonova

Ranks of the Gendarme Corps in the Perception of Russian Revolutionaries 21

M. Chernichenko

Inflation and Inflation Panic in the Rear of General A.I. Denikin's Troops as reflected in the Economic Journalism of the "White" South of Russia (1919) 33

S. Karpenko

The Disruption of Railway Transport and Fuel Crisis in General P.N. Vranghel's Taurian province: Factors and Interaction (April – November 1920) 41

E. Kirillova

The New Economic Policy and the New Housing Policy: From House Committees of the Poor To Housing Cooperatives (Petrograd, the beginning of the 1920s) 53

N. Timofeeva

Egyptologist V.I. Avdiyev: Unknown Documents about his Way in Science. 66

B. Tsyretarova

Sanitary-epidemic Situation and Epidemic Control in Buryatia during the Great Patriotic War 78

Comments

S. Kosterin

From the History of the Warsaw Group of the Constitutional-Democratic Party: The Transition from Political Activity to Charity (the beginning of the 1920s) 88

A. Yudina

D. Ellington's Concerts as a Barometer of Soviet-American Relations in the beginning of the 1970s 97

Contemporary Russia and Post-Soviet States

N. Kharitonova

- The Transnistrian Conflict: New Approaches to the Study
of Its Past and Present 105

E. Tyshka

- A Study of Historical Experience of the Khakas
Autonomous Region Seceding from the Krasnoyarsk Region:
The Periodicals and Formation of the Public Opinion 120

The History and the Theory of Historical Science

S. Yuferova

- Provincial Reform of Catherine II: Interpretation
in the Domestic Historiography 132

A. Eremin

- The Draft Documentation of the Russian Classical Gymnasium
of the Late XIX – Early XX Centuries as a Source for Studying
the History of Everyday Life 141

A. Syzranov

- New Domestic Research on the History of Sufism
in the Volga region in the XX century 154

D. Zaynutdinov

- The Issues of the State and Legal Development of Anti-Bolshevik
Military Dictatorships in Modern Domestic Research
on the History of the White Movement 165

V. Chicheriukin-Meyngardt

- About Studying Military Specialists' Motivation
and Behavior during the Russian Civil War 173

A. Seregin

- Russian Military Emigration: From History
of the Research in Russian Historiography 183

V. Tikhonov

- The Historians and the Soviet Power in 1920s – 1940s: Patrons and Clients 193

G. Lanskoj

- RSUH Journals as a Historiographical Source about the Past
of the Institute for History and Archives 205

- Abstracts 214

- General data about the authors 225

Е.И. Нестерова

КОММЕРЧЕСКИЙ АГЕНТ ЯПОНИИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ СЭВАКИ ХИСАТО: ЖИЗНЬ РАНГАКУСЯ В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА И НА ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (вторая половина XIX в.)

В статье на основании сведений, содержащихся в зарубежных источниках и литературе, реконструируется жизненный путь японского бюрократа-интеллектуала Сэваки Хисато, ставшего первым японским коммерческим агентом во Владивостоке. Микроисторический анализ дает возможность на примере жизни конкретного человека показать сложность той модернизации, которую переживала Япония накануне и во время реставрации Мэйдзи, а также позволяет сделать вывод о том, что с начала установления русско-японских дипломатических отношений Япония уделяла российскому Дальнему Востоку большое внимание, направляя сюда немногочисленных в те времена чиновников, знавших иностранные языки и особенности европейской культуры.

Ключевые слова: Российская империя, Япония, Дальний Восток, Дальний Восток России, Владивосток, русско-японские отношения, внешняя торговля, коммерческое агентство, коммерческий агент, Сэваки Хисато (Тэдзука Рицудзо).

В середине XIX в. США и Германия предприняли попытку открыть на Дальнем Востоке России свои консульства, но им удалось добиться лишь назначения в Николаевск-на-Амуре коммерческих агентов. Вопрос о дипломатических представительствах вновь возник в середине 70-х гг. XIX в. В 1875 г. Россия и Япония подписали Санкт-Петербургский договор, позволивший Японии иметь консула в Корсакове (Сахалин). Другим центром, привлечшим внимание иностранцев в этом регионе, стал Владивосток. Именно здесь в 1875–1876 гг. были открыты коммерческие агентства США,

Японии, Германии. Систематическая деятельность американского и немецкого коммерческих агентств была непродолжительной и, по всей видимости, окончилась к началу 80-х гг. XIX в. А вот начавшему работать в июне 1876 г. японскому коммерческому агентству была суждена долгая жизнь. Оно действовало непрерывно вплоть до начала Русско-японской войны и возобновило свою работу после ее окончания. До учреждения в 1907 г. во Владивостоке поста консула в должности императорского коммерческого агента побывало пять человек: Сэваки Хисато (1876–1878 гг.), Мацудайро Таро (1879–1881 гг.), Тэрами Киити (1881–1889 гг.), Футацубаси Кен (1889–1900 гг.), Каваками Тосицуне (1900–1904 гг., 1906–1907 гг.).

Открытию агентства предшествовала секретная миссия, направленная в 1875 г. японским МИДом во Владивосток, для изучения обстановки в порту, расположенном неподалеку от северных границ Страны восходящего солнца. Посол Японии в России Эномото Такэаки в памятной записке на имя министра иностранных дел писал: «Необходимо использовать любые возможности для открытия консульства в целях развития нашей торговли во всех портах Приамурского генерал-губернаторства, начиная с Камчатки. Если же это будет невозможно, то вполне приемлемо направить туда коммерческого агента»¹. Возглавил эту миссию ставший вскоре первым японским коммерческим агентом во Владивостоке Сэваки Хисато, известный также как Тэдзука Рицудзо (во избежание путаницы в статье используется последнее имя – Сэваки Хисато, хотя известно, что до начала 1860-х гг. он именовался Тэдзука Рицудзо, что соответствует японской традиции смены имен).

В последнее время среди историков наблюдается повышение интереса к региональным аспектам дипломатических отношений в конце XIX – начале XX в.² Настоящая статья представляет собой попытку восстановить основные вехи биографии первого японского коммерческого агента во Владивостоке Сэваки Хисато. Нам известна лишь одна японская книга, изданная в Токио в 1938 г., посвященная Сэваки и давно ставшая библиографической редкостью: «Тэдзука Рицудзо то Сэваки Хисато» автора Ивасаки Кацуми. Изучение его биографии именно в контексте развития российско-японских отношений важно и для того, чтобы исправить складывающееся ошибочное мнение, что японскими коммерческими агентами были купцы, занимавшиеся сбором информации для своего правительства³.

Сэваки Хисато, тогда еще Тэдзука Рицудзо, родился в восьмой день шестого месяца пятого года эпохи Бунсэй (25 июля 1822 г.) в деревне Суо, расположенной в княжестве Тёсю (восточная часть

префектуры Ямагути). Его отец, врач Тэдзука Харутака, принадлежал к самурайскому сословию, мать происходила из рода Сэваки.

Детство и юность Сэваки пришлось на сложный период последних десятилетий правления сёгуната Токугава, когда двухсотлетняя самоизоляция подходила к концу. В XVIII в. интерес к европейской науке и культуре оформился в направление, получившее название «рангаку» (голландская наука). В 1720 г. сёгун Токугава Иосимунэ позволяет чтение книг, ранее запрещенных в Японии, но не содержащих описание христианской доктрины; в 1740 г. двум ученым, Норо Гэндзё (1693–1761) и Аоки Конъё (1698–1769), было разрешено изучение голландского языка. Несмотря на трудности, к началу XIX в. в разных уголках Японии были люди, изучавшие «голландскую науку» (рангакуся). В конце XVIII – начале XIX в. некоторые крупные даймё в своих княжествах оказывали ученым-голландоведам покровительство, поддерживая их интерес к европейским достижениям.

Однако главными городами изучения рангаку являлись Нагасаки, так как это было единственное место, откуда в Японию могли проникнуть голландские книги⁴, и Эдо (Токио). В возрасте 16 лет Сэваки отправляется в Нагасаки, где приступает к изучению голландского языка под руководством Такасима Сюхан (1798–1866), известного своими убеждениями: чтобы противостоять Западу, нельзя отставать от него в области вооружения. Такасима, ставший создателем японской артиллерийской школы, интересовался огнестрельным оружием и, ориентируясь на иностранные образцы, пытался создать собственное. В его школе ученики, присланные из разных княжеств (преимущественно Сацума, Сага, Тёсю), изучая голландский язык, занимались переводом книг, посвященных производству вооружения, тактике ведения боя.

Отметим, что 40-е гг. были не самым хорошим временем для приобщения к европейской науке в Нагасаки. Инцидент Зибольда (1829 г.) и события 1839 г. (банся но гоку) ухудшили общий климат в отношении изучения европейских знаний. После удачной демонстрации возможностей европейской артиллерии и маневров в Токумаругахара начались черные дни и у учителя Сэваки. По доносу в октябре 1842 г. Такасима был арестован и обвинен в подготовке заговора. Несколько лет он провел в тюрьме, а с 1846 по 1853 г. – под домашним арестом. По всей видимости, в связи с этими событиями Хисато в 1842 г. покидает Нагасаки и отправляется в Эдо. С 1842 по 1846 гг. он посещает школу известного медика рангакуся Цубой Синдо (Цубой Нобумити) (1795–1848), учениками которого были Сугита Сэйкэй, Огата Коан, Кавамото Комин.

Нам точно неизвестно, где находился Сэваки в 1846–1850 гг. Вероятнее всего, он вернулся в Нагасаки и продолжил обучение в школе Такасима Асагоро, сына Такасима Сюхан. Именно в это время в Нагасаки Сэваки совместно с Осима Такато (1826–1901), будущим «отцом» японской черной металлургии, самураем из клана Намбу, перевел на японский язык книгу голландца У. Хугуенина (1755–1834), подробно описывавшую процесс выплавки чугуна⁵.

За годы обучения Сэваки овладел не только распространенным среди рангакуся голландским, но и редким в Японии английским языком. Изучение и популяризация европейских знаний стали делом его жизни.

Явным признанием успехов Сэваки на этом поприще стало его приглашение в княжество Сакура от влиятельного даймё Хотта Масаёси (1810–1864). Хотта еще в начале 30-х гг. приступил к созданию в Сакуре центра изучения западных наук. В 1835 г. он основал медицинскую школу, в которой работал известный медик-рангакуся Мицукури Гэмпо и где среди других предметов изучались приемы западной медицины. В середине 40-х гг. Хотта открыл первую в Японии медицинскую академию, где преподавались только европейские медицина и хирургия. Возглавить ее был приглашен известный рангакуся из Эдо Сато Тайдзэн (Вада) (1804–1872)⁶. В 1850 г. в Сакуру приезжает Сэваки. Пробыв там несколько лет, он возвращается в Эдо и открывает в 1853 г. частную школу, в которой дает желающим уроки английского и голландского.

К началу периода бакумацу (1853–1869), характеризовавшегося тем, что, с одной стороны, у Японии, вынужденной прервать самоизоляцию, резко выросло число контактов с иностранцами и увеличилась потребность в европейских знаниях, с другой – наблюдался всплеск ксенофобских настроений, все большую роль центра изучения рангаку и ёгаку (европейской науки) стал играть Эдо. В обществе существовал устойчивый интерес к европейским достижениям. Ключом к ним было знание иностранных языков. Фукудзава Юкити в своей «Автобиографии» вспоминал, что в то время частные школы в Японии были «домашними школами», в которых группа студентов собиралась в доме учителя. Многие ученики были, как и сам Сэваки, самурайского происхождения, имели хорошее классическое образование и сделали в будущем блестящую карьеру. Так, Нисимура Сигэки (1828–1902), земляк Сэваки, будучи самураем высшего ранга и крупным чиновником, изучал голландский язык, а в 1861 г. взялся за освоение английского. Цуда Сэн, выходец из Сакура, учивший под началом Сэваки голландский язык, стал основоположником современной агрономии в Япо-

нии⁷. Дж. Фишер среди его учеников называет Суги Кодзи, Канда Кохэй (Канда Такахира), Ниси Аманэ⁸.

В 1856 г. Сэваки Хисато стал чиновником бакуфу. В то время ученые, занимавшиеся «западными штудиями» в столице, могли найти себе применение на «государственной службе» преимущественно в одном из двух ведомств бакуфу – Гайкокугата (своего рода МИД) и Бансё сирабэсё (Центр изучения варварских книг). Именно в Бансё сирабэсё с февраля 1856 г. и стал служить Сэваки Хисато.

Интересна история создания этого заведения. В 1855 г., спустя два года после прибытия командора Перри, правительство открыло в Эдо Ёгакусё (Центр западных исследований), содержавшийся за счет средств бакуфу. Основной задачей сотрудников центра, работавших под руководством Кога Кинъитиро, был перевод иностранных книг и документов. В феврале 1856 г. функции этого заведения расширились, а название изменилось. Учреждение, называемое теперь Бансё сирабэсё, не сбрасывая со счетов необходимость практического перевода, было нацелено на изучение языков, для того чтобы быстро переводить материалы, которые могли быть полезны, с акцентом на книгах, посвященных вооруженным силам, военному делу, географии и технологиям производства⁹. Как отметил Д. Хоммис, у этого учреждения была тройная цель: перевод, внедрение европейских достижений, контроль¹⁰.

Бансё сирабэсё создавалось как школа для обучения и подготовки прямых слуг бакуфу (бакусин), но в 1858 г. в нее стали принимать и байсин – вассалов дайме, хатамото и гокэнин, а в 1863 г. она стала доступна для выходцев из любых княжеств Японии¹¹.

Процедура отбора кандидатур будущих преподавателей была непростой. Два чиновника бакуфу, Мицукури Гэмпо и Кацу Кайсю, независимо друг от друга составили списки ученых, сведущих в западной науке и проживавших в Эдо. Эти документы они передали Коге, а после его одобрения бумаги были отправлены чиновникам, в чью компетенцию входила выработка правил существования нового заведения¹².

В итоге для работы в качестве учителей пригласили 15 блестящих «голландоведов» из различных княжеств, в числе которых были Мицукури Гэмпо, Сугита Сэйкэй, Кавамото Комин, Мацуки Коан. Сэваки Хисато из Сакуры также попал в число избранных¹³.

Преподаватели в основном были выходцами из самурайского сословия, шестеро (больше трети) специализировались на медицине. Двое – Мицукури Гэмпо и Сугита Сэйкэй – заняли высшую ступень в иерархии, став профессорами. Профессора занимались исследова-

ниями и периодически читали лекции; кроме того, они контролировали деятельность всего педагогического персонала. Шестеро, в том числе и Сэваки, стали преподавателями, пятеро были приняты инструкторами более низкого ранга. Именно на преподавателей и инструкторов ложилась основная тяжесть нагрузки: ежедневная работа со студентами, перевод книг и документации, присланной бакуфу. Особенностью этого заведения стала выплата зарплаты преподавателям. Так, Сэваки получал 15 рё (в 1862 г. один рё соответствовал годичной норме риса, потребляемой одним человеком¹⁴).

Преподаватели Бансё сирабэсё периодически получали задания по переводу дипломатических документов. Так, Ниси Аманэ переводил документы, оставленные русским кораблем, появившимся на Хоккайдо, договор между Китаем и Британией. Такие разовые поручения давались часто. Помимо дипломатических документов переводили газетные заметки. Сэваки занимался переводом новостей из газет на голландском языке. Параллельно с основной работой не прекращались и научные изыскания. В 1859 г. он совместно с Ниси Аманэ опубликовал первую в Японии грамматику английского языка¹⁵. Выполняли преподаватели Бансё сирабэсё и практические задания. Когда прусский посланник подарил бакуфу телеграфное устройство, то перед Като была поставлена задача отправиться в резиденцию европейского дипломата и научиться пользоваться этим чудом техники. Другой преподаватель, Итикава Канэясу, должен был изучить западную технологию печати газет¹⁶.

Несмотря на то что Бансё сирабэсё был ориентирован на технологическую и военную экспертизу, здесь не только переводили книги и статьи, касавшиеся западной технологии и военного производства, но и начали перевод работ по гуманитарным и социальным дисциплинам¹⁷. Бансё сирабэсё стал первым институтом ёгаку, в котором обучали западным техникам живописи.

По мере развития дипломатических отношений с другими государствами становилось понятно, что голландский язык в качестве основного изучаемого языка не удовлетворяет потребностям развития страны. Важные дипломатические вопросы приходилось решать с англоговорящими странами и Россией, немецкий и французский также стали необходимы для дипломатических контактов¹⁸.

Первое японское посольство в Америку возвращалось, везя в багаже книги по разным отраслям знания, то же самое можно сказать о японских делегациях, побывавших в начале 60-х гг. XIX в. в Европе. В 1860–1867 гг. правительство бакуфу направило за границу семь посольств. Первое посольство (более 90 человек) было

направлено в США, второе – в Европу, третье – во Францию, четвертое – в Англию, пятое – в Россию, шестое – снова во Францию, седьмое – в США. В связи с этим Японии стали остро необходимы переводчики не только с голландского, но и с английского, немецкого, французского, русского языков. В ответ на этот запрос в 1862 г. произошла очередная трансформация Бансё сирабэсё, теперь оно стало называться Ёсё Сирабэсё (Центр изучения западных книг). В том же году был получен приказ о начале преподавания немецкого языка, и немецкий стал частью программы. В 1863 г. вывеска учреждения вновь изменилась: двери для студентов и преподавателей распахнуло Кайсэйдзё. В 1864 г. Кайсэйдзё состояло из пяти департаментов: голландского, английского, французского, немецкого и русского. В каждом отделении велась работа по девяти направлениям: астрономия, геология, физика, математика, сельское хозяйство, химия, механика, рисование и печать.

В Кайсэйдзё Сэваки Хисато продолжил работать в качестве преподавателя английского языка. Он и его коллеги по департаменту Тимура Горо и Хори Тацуносукэ заложили фундамент научного систематического изучения английского языка в Японии, равно как Мураками Хидэтоси, Хаяси Сёдзюро, Кобаяси Тэйсукэ – французского, Итикава Ицуки и Като Хироюки – немецкого¹⁹.

Несмотря на работу в государственном учреждении (Бансё сирабэсё и Кайсэйдзё были государственными учреждениями, призванными аккумулировать знания для реализации курса «процветание страны и укрепление армии»), в начале 60-х гг. заниматься ёгаку было небезопасно. Осложнение внутривосточного климата, произошедшее после заключения ансэйских договоров, привело к росту антиевропейских настроений. Консерваторы, возмущенные содержанием договоров, обрушили свой гнев не только на иностранцев, но и на ученых ёгаку, посчитав их «предателями». Кикиути Дайроку, внук Мицукури Гэмпо, вспоминал, что его дед получал письма с угрозами расправы. В начале 1860-х гг. Сэваки во время посещения представительства клана Тёсю сделал несколько замечаний по внешней политике. Молодой самурай, приняв его за сторонника политики «открытых дверей», внезапно бросился на него. Сэваки пришлось спасаться бегством. Преследуемый группой молодых людей, размахивающих мечами, он вынужден был прыгнуть в ров с холодной водой, окружавший замок Эдо, в котором чуть не утонул²⁰.

Таким образом, Сэваки входил в круг немногочисленных японских бюрократов-интеллектуалов, как назвал их Т. Хэйвенс, реализовавших свой интерес к достижениям западной цивилизации,

находясь на службе у правительства бакуфу, а позже – императора Мэйдзи. Подобно предшествующему поколению японских ученых, изучавших Запад, они служили бакуфу как советники и переводчики, но в своем понимании западной культуры намного опередили предшественников, которые были не более чем техническим персоналом. Вместе практически со всеми японскими интеллектуалами они поняли необходимость «обогатить страну и укрепить армию», ту интенцию, которая была превращена в лозунг революции, последовавшей за Реставрацией²¹. Вопрос о том, какую позицию занял Тэдзука во время свержения правительства бакуфу, остается открытым.

По всей видимости, Кайсэйдзэ было закрыто в течение двух лет. В своей автобиографии Фукудзава Юкити пишет: «Не было никого в нашей стране, кто провел бы это время, спокойно читая книги. Кайсэйдзэ, основанный сёгуном Токугава, был закрыт, и здание его лежало в руинах. Многие последователи ёгаку, жившие в Эдо, разбросаны кто туда, кто сюда, и их местонахождение было неизвестно»²².

Разные группы интеллектуалов-чиновников, в том числе и знакомые Сэваки, продемонстрировали различные стратегии поведения в момент смены власти. Канда Такахира с самого начала пошел служить новому правительству, но при этом сочувствовал позиции Кэйки. Като Хироюки считал безнадежными усилия сёгуна по созданию совета даймё после Реставрации. Фукудзава Юкити остался нейтральным, так как не мог выбрать ни одну из сторон²³. Ниси Аманэ и Суги Кодзи вместе с членами дома Токугава отправились в ссылку в провинцию Сидзуока, где они находились до того момента, пока не были призваны в столицу новым правительством²⁴. Сэваки в мае 1871 г. поступил на службу во внешнеполитическое ведомство. Д. Стефан упоминает о том, что он занимался журналистикой и был соучредителем газеты «Ёмиури симбун»²⁵. Известно, что Сэваки Хисато был дружен с такими видными политиками, как Хакубун Ито (Ито Хиробуми) и Каору Иноэ, также уроженцами провинции Суо.

Анализируя позицию интеллигентов-бюрократов, Т. Хэйвенс отмечает, что они не демонстрировали тот или иной тип поведения (лояльность или нелояльность к бакуфу или трону). Их отношение в значительной степени определял личный интерес, который в обязательном порядке имел общую для всех составляющую – желание продолжить изучение и распространение западной культуры. Вскоре после 1868 г. большинство присоединилось к движению за восстановление власти императора и работало на идею, разделяемую почти всеми политическими силами, – усиление нации²⁶. Фукудзава Юкити отмечал: «Сегодня большинство последователей

ёгаку в нашем обществе получило государственные должности, некоторые из них работают конфиденциально. Причина кроется не столько в желании большего дохода, но и из-за врожденной склонности, поддержанной их образованием, к получению официального статуса, представления, что никакая стоящая работа не может быть осуществлена вне рамок правительства»²⁷.

О личной жизни Сэваки нам известно немного. Будучи в Сакуре, он женился на девушке по имени Ёсино, у него родились две дочери – Томико и Ёсико. В июне 1872 г. Сэваки выдал замуж свою старшую дочь. Ее супругом стал Такаки Канэхиро (Такаки Кэнкан) (1849–1920), военно-морской хирург, изучавший западную медицину. Младшая вышла замуж за Тоёдзуми Хидэката (1845–1900), впоследствии ставшего начальником медицинской службы японского флота. В 1874 г. у Сэваки Хисато появился первый внук – Ёсихиро²⁸, а в 1875 г. у Ёсико родилась дочь Тоёко.

Во Владивосток Х. Сэваки впервые попал по заданию МИДа весной 1875 г., отправившись 16 апреля 1875 г. из порта Нагасаки на русском военно-морском транспортном судне «Японец». По всей видимости, выбор фигуры Сэваки Хисато был неслучаен. Отправляя в начале 70-х гг. XIX в. многочисленные делегации в европейские страны, японское правительство стремилось включать в их состав людей, владевших иностранными языками и разбиравшихся в особенностях жизненного уклада на Западе. Командировка продолжалась чуть меньше месяца. Во Владивостоке Сэваки познакомился с несколькими японцами, среди которых были Кюдзо из Ното (префектура Исикава), Тёкити из Акита, проживавшими в городе с 1868 г. Особенно подружился Сэваки с Кюдзо, приехавшим во Владивосток после побега с иностранного китобойного судна²⁹. Помощь «старожилов» позволила Сэваки собрать обширный материал, позже обобщенный в докладной записке «Журнал наблюдений о Владивостоке» («Урадзивасутоку кэмбундзасси»), впервые представившей на японском языке информацию об условиях жизни во Владивостоке.

Оценив владивостокский рынок сбыта, он нашел его очень выгодным, так как цены на товары в четыре-пять раз превышали японские. Определился он и с ассортиментом, назвав в качестве товаров первой необходимости рис, кирпич, соль, каменный уголь, известь, ячменную муку, лесоматериалы для хозяйственных нужд. Сэваки высказался за развитие японской розничной торговли, хотя и видел сложность развития этого дела из-за отсутствия регулярного морского сообщения с Японией. «Если через каждые 1–2 месяца не будет приходить японский пароход, сообщение с Японией станет недостаточным, – писал он. – Поэтому, если решиться на отправку,

например, торгового судна компании “Мицубиси” и быть готовыми в течение первого года к убыткам, то вполне очевидно, что через несколько лет доходы компании начнут расти»³⁰.

Оказавшись в России, Сэваки сосредоточил свое внимание не только на торговых проблемах, но и занялся анализом региональной ситуации в целом. Учитывая усиление России на Тихом океане, особое внимание он уделил важности Кореи в обеспечении безопасности Японии.

В апреле 1876 г., вскоре после заключения договора в Кангхва, увидела свет книга, материал для которой собирался во Владивостоке, – «Краткое описание Кореи» (“Keirin Jiyaku”). По сути, эта работа стала первым научным японским исследованием современного типа о Корее. В книге дано систематическое описание Кореи: география, население, правительство, язык, обычаи, валюта, единицы мер и весов, вооруженные силы, налоговая система и т. д.³¹ Как отмечает Л. Бабич, до выхода в свет «Краткого описания Кореи» и «Описания Кореи» Эномото Такэаки, если бы потребовалось подобрать одно-единственное слово, характеризующее знания японцев о современной им Корее, то этим словом было бы «неосведомленность»³². Осознание важности стратегического положения Корейского полуострова в новых геополитических условиях породило потребность в современных, объективных и подробных описаниях Кореи.

Летом 1876 г. Сэваки в сопровождении переводчика Мороока вновь приехал во Владивосток, но уже в должности коммерческого агента. Владивосток, несмотря на статус главной российской военно-морской базы на Тихом океане, был небольшим городом (в 1879 г. население Владивостока составляло всего 8837 человек³³), в котором проживало 50 японцев.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, разъясняя статус коммерческого агента, отмечал, что он служит «посредником между японскими подданными и нашими местными властями» и не пользуется теми «правами и полномочиями, какие присвоены должности консула», т. е. его деятельность не носит официального характера³⁴. Однако вскоре стало ясно, что японское коммерческое агентство не только присвоило себе исполнение функций консульских учреждений, но одновременно с этим стало играть роль опорного пункта для японских разведывательных служб³⁵.

На должности коммерческого агента Сэваки Хисато находился около двух лет. В 1878 г. он заболел и умер 29 ноября на судне, возвращавшемся в Японию³⁶. Похоронили его в Токио, в районе Аояма, на первом в Японии муниципальном кладбище, где находятся могилы многих известных людей.

Сэваки Хисато принадлежал к тем людям, которые, если воспользоваться терминологией А. Тойнби, составляют «творческое меньшинство», готовое дать адекватный ответ на любой «вызов». Он принадлежал к той плеяде ученых, которые на протяжении нескольких поколений занимались изучением секретов чужой цивилизации для того, чтобы обеспечить усиление и процветание родины. Именно стараниями Сэваки и ему подобных были заложены основы новой модернизированной Японии.

Примечания

- ¹ *Полутов А.В.* Деятельность японской разведки во Владивостоке (1875–1902 гг.) // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 215.
- ² См.: *Иконникова Т.Я.* Оформление отношений с консульским корпусом в Приамурском генерал-губернаторстве (1908–1912) // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 26–34; *Полутов А.В.* Разведывательная деятельность коммерческого агентства Японии во Владивостоке накануне Русско-японской войны // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 100–106; *Синиченко В.В., Семенов В.А.* Открытие консульств в Восточной Сибири // Восток. 2011. № 6. С. 39–45; *Синиченко В.В.* Открытие зарубежных консульств в Сибири и на Востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. по документам Государственного архива Иркутской области // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 108–120; *Кириченко Е.Б.* Российский дипломатический представитель в Хакодате А.Э. Оларовский (1870–1874 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 49–56.
- ³ *Белоус Б.С.* Деятельность японских императорских коммерческих агентов и консулов в Приамурском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Морского государственного университета. 2006. Вып. 11. С. 316.
- ⁴ *Jannetta A.* The Vaccinators: Smallpox, Medical Knowledge, and the “Opening” of Japan. Stanford, CA, 2007. P. 114–115.
- ⁵ См.: *Iida Kenichi.* Origin and development of iron and steel technology in Japan // The Japanese Experience, Human and Social Development Programme. Tokyo, 1980. P. 34; *Wittner D.G.* Iron and silk: Progress and ideology in the technological transformation of Japan, 1850–1895: Ph.D. dissertation. Ohio, 2000. P. 118.
- ⁶ См.: *Okuma Shigenobu.* Fifty years of new Japan. Vol. 2. L., 1909. P. 145; *Jannetta A.* Op. cit. P. 115.
- ⁷ *Yoshiko Furuki.* The white plum, A Biography of Ume Tsuda: Pioneer in the higher education of Japanese women. Weatherhill, 1991. P. 13.
- ⁸ *Fisher J.K.* The Meirokusha. University of Virginia, 1974. P. 33.
- ⁹ *Hommès J.M.* The Bansho Shirabesho: A transitional institution in bakumatsu Japan: Degree of Interdisciplinary Master of Arts in East Asian Studies. Pittsburgh, PA, 2004. P. 29.
- ¹⁰ Ibid. P. 41.

- ¹¹ Ibid. P. 39, 59.
- ¹² Ibid. P. 29.
- ¹³ *Ida Yoshiharu*. Growth and development of western learning in Japan: mainly from Dutch to English Studies // *Acta Asiatica*. 1982. № 42. P. 51.
- ¹⁴ *Леуценко Н.Ф.* Из самураев в купцы: история торгового дома Накаи // *История и современность*. 2008. № 1. С. 82.
- ¹⁵ *Fisher J.K.* Op. cit. P. 37.
- ¹⁶ *Hommes J.M.* Op. cit. P. 44–45.
- ¹⁷ Ibid. P. 46.
- ¹⁸ *Jiro Numata*. Western Learning. A Short History of the Study of Western Science in Early Modern Japan. Tokyo, 1992. P. 155.
- ¹⁹ *Ida Yoshiharu*. Op. cit. P. 52.
- ²⁰ *Yoshiko Furuki*. Op. cit. P. 14.
- ²¹ *Havens T.R.H.* Scholars and Politics in Nineteenth-Century Japan: The Case of Nishi Amane // *Modern Asian Studies*. 1968. Vol. 2. № 4. P. 318.
- ²² *Hommes J.M.* Op. cit. P. 87.
- ²³ *Havens T. R.H.* Op. cit. P. 318.
- ²⁴ *Marshall B.K.* Academic Freedom and the Japanese Imperial University, 1868–1939. Berkeley, CA, 1992. P. 27.
- ²⁵ *Stephan J.J.* The Russian Far East: A history. Stanford, CA, 1994. P. 333.
- ²⁶ *Havens T.R.H.* Op. cit. P. 320–321.
- ²⁷ *Hommes J.M.* Op. cit. P. 88.
- ²⁸ *Yoshinori Itokawa*. Kanehiro Takaki // *Founders of nutrition science: Biographical articles from the Journal of nutrition, volumes 5–120, 1932–1990*. Bethesda, MD, 1992. P. 586.
- ²⁹ *Тамура Айка*. Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в. (по источникам и литературе на японском языке): Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2007. С. 35–36.
- ³⁰ *Аленко Н.А.* Экономическая политика Японии в конце XIX в. и Дальневосточный регион России // *Власть и управление на Востоке России*. 2009. № 1. С. 85.
- ³¹ *Babicz L.* Korea in the Realm of Reality: The 1876 Japanese Journalistic Reports and the Meiji Origins of Modern Korean Studies // *Embracing the Other: The Interaction of Korean and Foreign Cultures: Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies*. Seoul, July 2002. Seongnam, 2002. P. 1423.
- ³² Ibid.
- ³³ *Кириллов А.* Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894. С. 103.
- ³⁴ *Васкевич П.* Очерк быта японцев в Приамурском крае // *Известия Восточного института*. Т. 15. Владивосток, 1906. С. 12.
- ³⁵ *Полутов А.В.* Указ. соч.
- ³⁶ *Babicz L.* Op. cit. P. 1423.

ЧИНЫ ОТДЕЛЬНОГО КОРПУСА ЖАНДАРМОВ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В статье анализируются воспоминания русских революционеров об их взаимоотношениях с чинами Отдельного корпуса жандармов в рамках основных процедур, действовавших в учреждениях политической полиции и пенитенциарной системы России в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется отношению революционеров к целесообразности существования политической полиции как общественного института. Также анализируется их понимание неприкосновенности личности и восприятие поведения и служебной этики жандармов.

Ключевые слова: Российская империя, политическая полиция, Отдельный корпус жандармов, жандарм, революционер, политический заключенный, допрос, обыск, арест, тюрьма, неприкосновенность личности.

В советские годы слово «жандарм» стало именем нарицательным. Повторяя вслед за творцами революции их патетические формулировки и, по-видимому, сопоставляя их также с безотрадным опытом пенитенциарной системы СССР, общество бессознательно суммировало свои антипатии по отношению к правоохранителям как классу, не вдаваясь в подробности организации и функционирования жандармского ведомства. Именно этим, вероятно, и объясняется то, что даже глобальная переоценка господствующих общественно-политических доктрин, предпринятая в конце XX в., сказалась на жандармской тематике сравнительно слабо. «Кровавый» царь стал великомучеником, лидеры Белого движения заняли причитающееся им место в национальном пантеоне, однако политическую полицию безусловная реабилитация так и не постигла.

Рассматривая роль, сыгранную жандармами, нельзя не упомянуть о принципах, заложенных в основу института политической

полиции. Неоднократно провозглашаемые самим А.Х. Бенкендорфом, они предполагали, во-первых, что «действия высшей полиции должны быть тайны, но существование ее гласным», во-вторых, что «высшая полиция сама не судит», а «только открывает и изобличает виновного», и, наконец, в-третьих, что на службу следует привлекать людей «сколько возможно испытанной нравственности, уверенных искренно в пользе своего назначения»¹.

Первая же инструкция штаб-офицерам Отдельного корпуса жандармов ориентировала их на то, что необходимо «приобрести уважение всех сословий» и «заручиться общим доверием»². Тот факт, что одним из руководителей политической полиции России стал не кто иной, как Л.В. Дубельт (по молодости – масон, в зрелые годы угодил в «Алфавит декабристов»³), – серьезный довод в пользу чистосердечия таких устремлений.

Разумеется, наиболее интенсивно и масштабно было взаимодействие жандармов и их непосредственных подопечных, революционеров, составлявших политический авангард российского общества. Отношения с революционным элементом в классическом их варианте протекали по схеме: арест, дознание, предварительное заключение, следствие, суд, за которым могли следовать ссылка на каторгу, новое заключение или в редких случаях казнь. Рассмотрим теперь, каким же образом проявляли себя чины «голубого ведомства» на разных этапах этого «маршрута» и как именно запечатлелись их действия в воспоминаниях революционеров.

Арест, как правило, производился на основании данных обыска, подкрепленных сведениями наружного наблюдения, перлюстрации и агентурной информацией. В ранние годы наружное наблюдение было поставлено слабо, приобретением же агентуры многие жандармы откровенно брезговали⁴. Соответственно основным оружием правосудия были обыски, часто безрезультатные.

Примечательна история ареста врача Сергея Яковлевича Елпатьевского, впоследствии известного писателя и публициста, произошедшая на заре его деятельности, в 1880 г., в Скопинском уезде Рязанской области. Елпатьевский был немало удивлен, когда явившийся для обыска ротмистр вначале попросил подозреваемого указать не только свой кабинет (в других комнатах обыск не производился), но и втайне от также присутствовавшего в доме исправника выбрать для осмотра безопасный для себя ящик письменного стола. Вслед за обыском последовал и допрос, который «велся в весьма деликатном тоне»⁵. Впоследствии Елпатьевский свел знакомство с ротмистром, и когда последнему из С.-Петербурга пришла телеграмма об аресте, тот, к вящему недоумению арестованно-

го, наотрез отказался отправлять его в тюрьму: «Вы не знаете, что за тюрьма здесь. Гнилушка, грязь, вонь, камеры холодные, гулять негде. Клоака... Вы останетесь у меня»⁶.

Несколько дней провел врач в доме у жандармского ротмистра, причем хозяин позвал на ужин друзей арестанта, вызвал из деревни его жену и детей. В конце концов, арестант из чувства неловкости настоял на своей отправке в тюрьму. Любопытно, что подобное поведение ротмистра Елпатьевский был склонен объяснять молодостью жандарма и особой благотворной атмосферой «именин сердца», сопутствовавшей правлению М.Т. Лорис-Меликова⁷.

И хотя такие эпизоды и впрямь были исключением, внимание к нуждам арестованного было закреплено нормативно. Так, в жандармских инструкциях было предписано, что с арестованными следует обходиться по возможности «снисходительно, без грубости, не допускать ни упреков, ни обидных выражений, помня при этом, что только закон может произносить приговор и карать преступника, личность которого для всех других так же неприкосновенна, как и личность всякого человека»⁸. В «Инструкции жандармских нижних чинов, сопровождающих арестованных лиц» особо оговаривались мероприятия в случае болезни арестованного; в случае похолодания была предусмотрена покупка для него теплой одежды и обуви; количество суточных кормовых денег, отпущенных на содержание арестованного, предписывалось объявлять ему заранее.

В скопинской тюрьме, столь нелицеприятно описанной ротмистром, Елпатьевского охватило «чувство глубокого покоя». Как ни странно, это далеко не самое радужное из описаний места заключения. Станислав Густавович Струмилин, в будущем известный советский статистик, пишет, что «почувствовал себя в тюрьме как на курорте»⁹. Однако самое стилистически роскошное описание своего тюремного быта оставил саратовский революционер Петр Сергеевич Поливанов, перед переводом в Алексеевский равелин проведенный некоторое время в «третьеотделенской кутузке»: «Из всех камер, какие я только видел на своем веку, она в наименьшей степени носила тюремный характер». Ему выдали белье, туфли и очень хороший халат на красной подкладке. Потом офицер спросил, не хочет ли заключенный чаю. Пожелав спокойной ночи, «поручик грациозно раскланялся». Когда арестант осмотрел свое новое пристанище, выяснилось, что «камера производила довольно приятное впечатление». Мебель была «того же фасона, какого они обыкновенно бывают в гостиницах средней руки», хорошее байковое одеяло, чистое белье, отмеченное буквами «Ш. К. Ж.», толстая стеариновая свеча в подсвечнике, — «все это показалось бы

мне теперь чуть ли не раем», как заключил арестант¹⁰. Признаем, конечно, что нельзя сказать того же об Алексеевском равелине или Шлиссельбургской крепости, где юноше предстояло томиться еще долгих двадцать лет.

Пребывание в тюрьме скрашивалось еще и тем, что родным зачастую разрешено было доставлять арестованному продукты, при желании и в тюрьме можно было располагать «хорошим столом, с фруктами, хорошим вином, с хорошими сигарами»¹¹. Даже если поблизости у арестованного никого из родных не было, товарищи всегда в таких случаях находили революционно настроенных курсисток, готовых объявить себя «невестой» заключенного и, добившись таким образом свиданий, регулярно навещать его¹². «Сколько швейцарского шоколада и других деликатесов я пересмотрел в доме предварительного заключения у одной только Эсфири Тамаркиной, красивой еврейки, “невесты” известного эсера Авксентьева!..» – вспоминает начальник Московского охранного отделения Александр Павлович Мартынов¹³.

А.И. Деникин, чья рота некоторое время несла караул в Х павильоне Варшавской крепости, где содержались важные политические преступники, пишет, будто в городе среди поляков ходили самые фантастические слухи «о том, будто русское правительство систематически отравляло заключенных». Однако Деникин, которому, согласно инструкции дежурного по караулам, доводилось дважды в день пробовать пищу, подаваемую в павильон, полагал, что питание заключенных «было не хуже, чем в любом офицерском собрании»¹⁴.

Надо заметить, что ввиду того, что тюремный режим то смягчался, то ужесточался, иногда становились реальными совершенно, казалось бы, вопиющие вещи. Струмилин так описывал свое пребывание в известных «Крестах»: «Все окна тюрьмы были весь день настежь открыты. И мы могли... свободно переговариваться сквозь оконные железные решетки. По вечерам у тех же решеток... заслушивались и обсуждались, как в парламенте, чьи-нибудь выступления»¹⁵.

Разумеется, тюрьма есть тюрьма, и условия содержания не везде были столь привлекательны, как в описанных случаях: в иные времена и за обычное перестукивание можно было угодить в карцер. Кроме того, совершенно иным было и отношение к осужденным чинов Главного тюремного управления. Так, в марте 1911 г. в руки Департамента полиции попало письмо одного из узников Центральной Тобольской каторжной тюрьмы, отправленное В.Л. Бурцевым депутату Е.П. Гегечкори для внесения запроса в Го-

сударственную думу. Автор письма во всех подробностях описывал горькие последствия ужесточения тюремного режима, при которых «уже надзиратели и те не выносят и уходят в отставку, мотивируя, что при таких истязаниях присутствовать не в состоянии», а «порки стали таким обычным явлением, что на них не обращается никакого внимания»¹⁶.

Однако быт большей части политических преступников под жандармским надзором физически был вполне сносным. Так, В.Г. Короленко в «Истории моего современника» описывает эпизод, произошедший в 1881 г., когда политические ссыльные были крайне обрадованы, узнав, что вместо регулярной полиции препроводить их в Сибирь будут жандармы.

Перед нами стоял немаловажный вопрос: кто и как нас повезет обратно; придется ли нам следовать этапом в сопровождении солдат конвойной команды, или нас повезут жандармы... Жандармы были гораздо культурнее и уже привыкли к обращению с политическими... Конвойная команда, наоборот, состояла из людей грубых, привыкших к самому грубому обращению с уголовными... Остановившись пришлось бы на грязных, зараженных вшами и болезнями этапах. Поэтому совершенно понятна радость, с которой наши женщины встретили появившихся в глубине двора жандармов. Мы с Вноровским, сидя в своей комнате, услышали вдруг громкие рукоплескания и крики:

– Жандармы, жандармы, жандармы!..

Шесть жандармов подходили к дверям, вероятно удивленные этой радостной встречей.

Особое беспокойство плененные революционеры традиционно испытывали в преддверии жандармского допроса, когда, как в их представлении, «молодые, может быть, способные, но неопытные люди, живущие в отвратительных условиях одиночки, нервно расстроенные, вступают в состязание с способными, опытными, старыми, хладнокровными следователями, не брезгающими никакими приемами для раскрытия дела и обладающими для этого огромными средствами»¹⁷. Как показывает практика, одним из основных таких приемов была элементарная вежливость. Именно в данной характеристике чинов жандармского ведомства расписывается абсолютное большинство мемуаристов. Именно она заставляет видного эсдека Владимира Петровича Махновца восклицать: «Посмотрите, как сдержаны, как тактичны жандармские полковники! Вы можете бросить ему в глаза какое угодно оскорбление – он не вспылит; вы можете говорить с ним как угодно резко – он будет с вами тем

почтительнее, вы можете поймать его на слове и уличить в противоречии, во лжи, в глупости – он не будет защищаться, он замолчит и не проронит ни одного слова»¹⁸. Подобные разговоры иногда напоминали скорее салонную беседу, нежели допрос; в процессе допрашиваемому предлагались чай и папиросы – иными словами, жандармы всеми силами старались создать обстановку, благоприятную для откровенного общения с «подопечными».

Максим Горький, принимавший участие в допросах по делу 9 января 1905 г., по его словам, чувствовал себя в положении «ученика, вызванного на публичный экзамен по всем отраслям знания». Он писал, что следователи ведут себя так, как будто считают преступление несчастьем, печальной «ошибкой молодости». Однажды, к удивлению Горького, допрашивавший его жандармский ротмистр высказал похвалу «своему земляку» писателю В.Г. Короленко¹⁹. По мнению Горького, ротмистр был человек «добродушный, но неумный». На третьем допросе он доверительно сообщил писателю об обеспокоенности Европы его арестом и об особом заступничестве португальского короля²⁰.

Нередко жандармы оказывали разумное содействие своим «клиентам». Так, например, один из организаторов Морозовской стачки, Петр Анисимович Моисеенко, попросил разрешить ему повидаться с женой. Полковник пообещал это и вскоре действительно ее вызвал. Свидание проходило в присутствии полковника, и когда жена пожаловалась на то, что ее не принимают на фабрику, он обещал «все устроить». Более того, когда жена Моисеенко сообщила, что с арестованного мужа высчитали три рубля за книгу, не сданную в библиотеку, полковник взялся уладить этот вопрос с сыном самого Морозова²¹.

Подлинным триумфом жандармской обходительности стала любовь Марии Вульфовны Вильбушевич (Мани Шохат) и полковника Сергея Васильевича Зубатова, начальника Московского охранного отделения, убедившего девушку оставить революционную деятельность и сделавшего из своей пассивной восходящую звезду сионистского движения²².

«Преувеличенная галантность»²³ жандармов была зачастую противоположна манере поведения революционеров, «фонтанами изливающих желчь»²⁴ и «не упускающих ни одного случая для протеста против тюремщиков»²⁵. Непримируемость заключенных доходила порой до совершенно гротескных масштабов. Воспоминания Ф.Э. Дзержинского содержат целый ряд замечательных в своем роде сцен из жизни знаменитого X павильона Варшавской цитадели. Симптоматичный случай приключился с соседкой Феликса

Эдмундовича. 18-летняя работница, имевшая обыкновение целыми днями петь (чему администрация не препятствовала), как-то раз, возвращаясь из уборной, наотрез отказалась открывать дверь своей камеры, сославшись на боль в руке (по слухам, во время одного из прежних столкновений онахватила жандарма кувшином, а он ранил ее в руку шашкой), и потребовала, чтобы это сделал сопровождавший ее жандарм. Однако это было запрещено из опасения, что заключенный может напасть на жандарма, пока тот будет возиться с замком. Поэтому жандарм потребовал, чтобы она сама открыла дверь. «Все равно, – ответила она, – ...открыть двери я не могу и буду все время стоять здесь». Жандарм пригрозил ей, что он позвонит начальству. Она упорно стояла на своем. Когда жандарм направился к звонку, она подошла к камере на другой стороне коридора и начала разговаривать с заключенными. Взбешенный жандарм открыл дверь, крича: «Ну, ты, иди, я тебе открыл!» После этого он долго ворчал и вполголоса крикнул: «Стерва!» Услышав это, Дзержинский резко напустился на жандарма, а тот начал оправдываться, говоря, что он открыл бы двери, но она уже не один раз устраивала такие штуки, и когда жандармы нагибались, чтобы отодвинуть засов, она «заезжала им в морду»²⁶.

Другая соседка Дзержинского после очередного конфликта с жандармом начала истерически кричать и звать на помощь, «словно ее собирались зарезать или убить». В других камерах начали стучать в двери. Жандарм умоляющим голосом просил: «Не стучите, пожалуйста, ведь я никого не обругал и не обидел». Когда кто-то из заключенных потребовал, чтобы он вызвал заведующего, заявив, что он пожалуется ему на то, что там кого-то бьют, жандарм смиренно ответил: «Ладно, пожалуетесь»²⁷.

Жаловались политические заключенные часто и использовали для этого всякий повод. Так, когда жандармский офицер приказал надзирателям держать одного обвиняемого, не желавшего фотографироваться и постоянно морщившего лицо, последний расценил это как акт насилия над собой и направил жалобу, потребовав предать офицера суду²⁸. Бывало так, что когда кого-либо из арестованных отпраздновали за перестукивание в карцер, вся тюрьма поднимала «неимоверный стук, требуя, чтобы всех стучавших... тащили туда же», но поскольку карцеров на всех не хватало, протестующих лишали свиданий и передач. Как следствие, в прокуратуру направлялись «сотни жалоб и протестов с требованиями расследовать действия тюремной администрации». В тюрьме появлялся прокурорский надзор, с которым заключенные вступали «в горячие словесные схватки по разным поводам»²⁹.

В обыденной жизни общение с жандармами, как правило, не вызывало у революционеров такого ожесточения. Так, Лев Григорьевич Дейч, возвращаясь в Россию после четырехлетней отлучки, был, по его словам, очень обрадован встречей с жандармами. «Если бы кто-нибудь посторонний зашел в то помещение, где я сидел за столом, на котором находились чай и закуска, и беседовал с окружающими меня жандармами, – писал Дейч, – то он, наверное, подумал бы, прислушавшись к нашему разговору, что это встретились после продолжительной разлуки давно друг друга знающие люди»³⁰.

Однако, встречаясь с жандармами на почве своей «профессиональной деятельности», в рамках своей социально-политической роли, революционеры зачастую преисполнялись непримиримой злобы. Описания случаев физического воздействия, встречающиеся в мемуарах, позволяют думать, что насилие, творимое самим революционером или же совершающееся над ним, оставляло его едва ли не равнодушным.

Заклученный И. Жуковский-Жук (Ян Степанович Плястен), совершивший покушение на товарища прокурора и избитый за это тюремщиками, признавался, что не ощущал ни боли, ни ненависти, а, напротив, его «объяло небывалое спокойствие». Вместе с тем прокурора, которому он нанес два удара кинжалом, лежащего на полу в громадной луже крови, он назвал «жалким и ничтожным», «еще так недавно жестоким к чужим страданиям, не знавшим милосердия»³¹.

Порой революционеры были беспощадны даже по отношению к самим себе. Голодовка с требованием немедленного освобождения или высылки до объявления приговора или в качестве протеста против чрезмерного затягивания дела была весьма распространенным средством борьбы с системой. В случае продолжения голодовки администрация грозила применить искусственное питание. На что политзаключенные нередко обещали «в случае малейшего насилия» вскрыть себе вены³².

И здесь мы, наконец, подходим к центральной, на наш взгляд, «точке сборки» ментальности заключенного революционера – его представлению о неприкосновенности личности. В большинстве работ манифест «сознательной» части революционного контингента повторяется с минимальными оттеночными вариациями. «Мы твердо решили оберегать свое человеческое достоинство, всеми средствами вплоть до самоубийства»³³, – пишет Жуковский-Жук. «Мы отстаивали все свои гражданские права и человеческое достоинство как могли... даже ценой жизни»³⁴, – вторит ему Струми-

лин. «Я вздрогнул всем телом... Снова жгучая боль оскорбленного человеческого достоинства охватила мою душу, снова по спине забегали мурашки, а горло свело нервной судорогой»³⁵, – таковы были впечатления Поливанова от безобидной процедуры тюремной стрижки.

Казалось, непреодолимая стена отделяла мир жандармов от мира их «клиентов». Жандармский полковник расспрашивал Дзержинского, есть ли у того книги, как его кормят, уверял, что устроил бы в тюрьме театр, на что Дзержинский вопрошал, «не заговорила ли в нем когда-либо совесть». Полковник «с сочувствием и соболезнованием в голосе» ответил, что Дзержинский «не в себе»³⁶. Революционерам, по своей натуре тяготеющим к радикальным суждениям, вероятно, казалась нелепой всякая мысль «перевоспитать» людей, которых они считали «гнусными наемными палачами»³⁷.

Художественные произведения, принадлежащие перу идейных противников царского режима, только еще сильнее настаивают на диагнозе, данном жандармам их подопечными. Очерки революционеров изображают «деревянные лица унтеров, на которых была написана лишь радость стараться, готовность по одному слову... начальства вязать, бить, душить кого оно только прикажет, хотя бы отца родного»³⁸. Рассказы живописуют «старых служак», жандармских «вахмистров» с крупными шейными медалями, со щетинистыми физиономиями. «Осанистый, чуть-чуть жиреющий жандармский полковник, от которого разило безукоризненной физической чистотой», соседствует здесь с inferнальным ротмистром, обладателем «стальных нервов, каменного сердца и кристально-ледяного ума», опутывавшего сотрудников своими «паутиными сетями»³⁹.

Даже робкий намек на «очеловечивание» посредством демонстрации «производственной солидарности» скучающего железнодорожного жандарма с рабочими-строителями, оброненный Л.Н. Андреевым в рассказе «На станции (Жандарм)», вряд ли можно считать сколько-нибудь успешным. Станционный жандарм Андреева вызывает у героя-рассказчика впечатление нереальности, неуместности и чуждости, вперемежку с неясным страхом.

Однако если в редких случаях революционеры и могли заметить «чувство симпатии» к себе, «существующее даже в жандармских сердцах»⁴⁰, их положение и их идеологический багаж не предполагали симметричного ответа. И хотя жандармы, по большому счету, и не отступали от требования нравственности, их личные качества значительно теряли в значимости ввиду решающей роли первого из вышеозначенных принципов, легших в основу полити-

ческой полиции: соблюдения тайны действий при гласном ее существовании. И, по-видимому, прав был Э.Н. Берендтс, утверждая, что человеческая природа «легче перенесет грубейший открытый произвол, нежели произвол скрытый и боящийся света»⁴¹.

Таким образом, сущность конфликта между чинами жандармского корпуса и его потенциальными подопечными во многом заключалась в самом чувстве раздражения «ввиду постоянной опасности ложных доносов и беззаконного произвольного таинственного вторжения в частную жизнь»⁴².

Символом и средоточием подобного отношения стал термин «провокация», означающий в словаре революционеров всякое осведомительство в принципе и вызывающий в то время небывалое возмущение. Показательно, что уже в 1917 г. на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывший директор Департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич, едва ли не единственный среди своих коллег, отстаивал закономерность существования политической полиции и целесообразность ее методов: «Это всегда было, и до тех пор, пока будет существовать какой-нибудь розыск, даже не по политическим, а по общеуголовным делам, агентура всегда будет в той среде, которая расследуется... Это есть условие, при котором известный политический строй, каков бы он ни был, отстаивает свое существование»⁴³. Как ни парадоксально, но тогда же В.Л. Бурцев рекомендовал Временному правительству оставить политическую полицию как учреждение, укомплектовав ее людьми с «революционными убеждениями». С усилением влияния большевиков А.Ф. Керенский, изначально полагавший, что после революции «постыдная Охрана» должна исчезнуть навсегда, начал переговоры с бывшими руководителями политической полиции⁴⁴.

Таким образом, жандармы и их «клиенты» находились во власти двух разных мировоззренческих парадигм. Идеалистические доктрины, склонные переносить линейные схемы механистического прогресса на ближайшие перспективы общественного развития, делали своих адептов непримиримыми антагонистами системы. Для жандармского восприятия в силу инерции сословных представлений политические преступники, составлявшие часть образованного класса, не являлись однозначным обезличенным злом, в силу чего мероприятия жандармских учреждений не были сознательно направлены на депривацию у осужденного его человеческого и гражданского достоинства, не препятствовали поддержанию в определенном объеме родственных, сословных и духовных связей заключенных. Однако общественное сознание на данном витке

развития оказалось наиболее чувствительно к вопросам подобного рода. Сами же жандармы являлись для своих восторжествовавших противников не более чем классовым врагом, недопустимым атавизмом старого мира, что вскоре обрело официальное подтверждение в первой советской Конституции, назвавшей бывших слуг режима в числе «лишенцев», и подтверждение неофициальное, выразившееся в терроре и многочисленных бессудных расправах.

Примечания

- ¹ *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 21.
- ² Там же. С. 58–59.
- ³ Там же. С. 32.
- ⁴ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2013. С. 212.
- ⁵ *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 69–70.
- ⁶ Там же. С. 72.
- ⁷ Там же. С. 74.
- ⁸ Памятная книжка для нижних чинов Варшавского жандармского округа. Варшава, 1885. С. 40–41.
- ⁹ *Струмилин С.Г.* Из пережитого. М., 1957. С. 108.
- ¹⁰ *Поливанов П.С.* Алексеевский рavelин. Л., 1926. С. 78.
- ¹¹ Там же. С. 82.
- ¹² *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 133.
- ¹³ *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 67.
- ¹⁴ *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 94.
- ¹⁵ *Струмилин С.Г.* Указ соч. С. 161.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. О.О. Оп. 235. 1906 г. (I). Д. 702. Т. 2. Л. 217–219.
- ¹⁷ *Махновец В.П.* Как держать себя на допросах. Женева, 1900. С. 18.
- ¹⁸ Там же. С. 32.
- ¹⁹ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1954. С. 158–159.
- ²⁰ Там же. С. 160.
- ²¹ *Моисеенко П.А.* Воспоминания П.А. Моисеенко, 1873–1923. М., 1924. С. 67–68.
- ²² *Заславский Д.И.* Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923.
- ²³ *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 131.
- ²⁴ *Махновец В.П.* Указ. соч. С. 22.
- ²⁵ *Струмилин С.Г.* Указ соч. С. 129.
- ²⁶ *Дзержинский Ф.Э.* Дневник и письма. М., 1956. С. 19–20.
- ²⁷ Там же. С. 16.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1416. Л. 3–10.

- ²⁹ *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 129.
- ³⁰ *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. Ч. 1. СПб., 1906. С. 74.
- ³¹ *Жуковский-Жук И.* Как мне жандармы побег устраивали. М., 1930. С. 8, 12.
- ³² *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 135.
- ³³ *Жуковский-Жук И.* В дни борьбы: Воспоминания и документы о Кутомаре [Электронный ресурс] // Мемориал. URL: <http://www.memo.ru/nerczinsk/zhuk.htm> (дата обращения: 22.06.2014).
- ³⁴ *Струмилин С.Г.* Указ. соч. С. 129.
- ³⁵ *Поливанов П.С.* Указ. соч. С. 84.
- ³⁶ *Дзержинский Ф.Э.* Указ. соч. С. 14.
- ³⁷ *Махновец В.П.* Указ. соч. С. 22.
- ³⁸ *Поливанов П.С.* Указ. соч. С. 193.
- ³⁹ *Нерадов И.* Синие палачи (жандармы). М., [б. г.]. С. 4, 8, 10.
- ⁴⁰ *Маньковский М.К.* У подножия виселицы: Отрывок из тюремных воспоминаний. Пг., 1919. С. 6.
- ⁴¹ *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 164.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Допрос М.И. Трусевича. 4 мая 1917 года // Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 211, 213.
- ⁴⁴ *Васильев А.Т.* Охрана: Русская секретная полиция // Охранка: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 515.

М.Ю. Черниченко

ИНФЛЯЦИЯ И ИНФЛЯЦИОННАЯ ПАНИКА
В ТЫЛУ ВОЙСК ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА
В ОТРАЖЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ
БЕЛОГО ЮГА РОССИИ
(1919 г.)

В статье анализируются материалы финансовой тематики, опубликованные в ведущих газетах, выходящих на территории, которую занимали войска генерала А.И. Деникина в 1919 г. Главное внимание уделяется тем сведениям и оценкам, которые журналисты и экономисты приводили в своих статьях, посвященных росту цен на товары и услуги. Газетные материалы о росте дороговизны рассматриваются как фактор роста инфляционных ожиданий и инфляционной паники в деникинском тылу.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, А.И. Деникин, правительство А.И. Деникина, финансовая политика, денежное обращение, инфляция, инфляционные ожидания, инфляционная паника, периодическая печать, экономическая публицистика.

Ключевую роль в обострении кризисных явлений в экономике на территориях белых режимов в годы Гражданской войны, в частности на юге России, играло падение покупательной способности российской национальной валюты при сохранении относительной рыночной свободы: именно эти факторы породили рост дороговизны и невиданный разгул спекуляции. Это вытекает из опубликованных за последнее десятилетие монографий¹ и статей² С.В. Карпенко, в которых анализируется финансовая политика правительств генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, а также ее воздействие на различные стороны хозяйственной жизни и белой государственности на юге России.

Традиционно одним из основных источников, который отечественные историки используют при изучении Белого движения еще с 1920-х гг., являются газеты, издававшиеся на территориях, подконтрольных белым армиям, как на востоке России, так и на

юге. Однако до сих пор материалы, опубликованные на страницах газет, используются историками по большей части иллюстративно: самые значительные факты, приведенные журналистами, и их самые яркие оценки, перекочевав на страницы научных журналов и монографий, остаются лишь более или менее убедительными иллюстрациями³. Порой дело доходит до чрезмерного цитирования газетных материалов при почти полном отсутствии их анализа⁴.

Однако по мере накопления фактического материала об экономическом кризисе в белом тылу становится все более очевидно: изучение денежного обращения и финансовой политики белых правительств лишь в «чисто экономическом» плане не позволяет всесторонне раскрыть механизм кризиса товарно-денежного обращения на их территориях. И причина этого с выходом в свет новых работ также становится все очевиднее: в условиях Гражданской войны фактором исключительной силы воздействия на экономику была не только финансовая политика сама по себе, но и ее восприятие населением, реакция различных социальных групп на правительственное регулирование товарно-денежного обращения, на реальное состояние этого обращения, прежде всего на дороговизну, как в начале XX в. называли в России инфляцию.

В этой связи следует подчеркнуть, что периодическая печать играла в белом тылу совершенно исключительную роль. Во-первых, она являлась «транслятором» законов и распоряжений власти в экономической области. Во-вторых, несмотря на все цензурные ограничения, естественные в условиях Гражданской войны, она была единственным «рупором» многоликого «экспертного сообщества». В-третьих, она естественно превратилась в инструмент формирования общественного мнения и, следовательно, в стимул рыночного поведения населения.

Статьи на финансово-хозяйственные темы, опубликованные в белой печати, сочинялись талантливыми журналистами и публицистами, многие из которых специализировались на хозяйственной тематике, а также экономистами, использовавшими яркую, эмоциональную лексику. Однако простое цитирование мало помогает в объяснении закономерностей и случайностей развития финансового кризиса на белых территориях. Между тем, как мы уже писали, эти статьи как исторический источник скрывают в себе куда больше возможностей и ответить могут на куда большее число вопросов, если не ограничиваться привычным иллюстрированием, а применить методы контент-, дискурс- и социолингвистического анализов. И при этом стремиться к раскрытию сложного механизма взаимодействия и взаимовоздействия печати, власти, общества и экономики⁵.

В настоящей статье предпринята попытка изучения материалов периодической печати Белого юга (территории, подконтрольной в 1919 г. Вооруженным силам на юге России (ВСЮР) под главным командованием генерала А.И. Деникина), опубликованных в 1919 г., с точки зрения их освещения дороговизны (инфляции).

Вообще газеты Белого юга в 1919 г. пристально следили за работой Управления финансов и за деятельностью его начальника профессора М.В. Бернацкого. Это обостренное внимание объединяло газеты всех политических направлений: как «добровольческие», так и «казачьи», как официозы, так и частные «общественно-политические», как правые «органы государственной и национальной мысли», так и либеральные с умеренно-демократическими (последние являлись «самыми левыми» на Белом юге). С другой стороны, падение курса национальной валюты, рост дороговизны и разгул спекуляции с каждым днем ухудшали жизнь населения, что неизбежно порождало у «читающей публики» обостренный, жадный интерес к мерам, принимаемым правительством в хозяйственной области. Откликаясь на спрос, газеты освещали денежное обращение в тылу ВСЮР необычайно широко. На газетных полосах всегда находилось место для статей журналистов и ученых-экономистов, а также для интервью с членами правительства, прежде всего Бернацким, с анализом состояния денежного обращения и решений финансового ведомства, с разного рода проектами мер по прекращению роста дороговизны.

К лету 1919 г. денежный оборот на территории ВСЮР оказался крайне пестрым и перенасыщенным бумажными денежными знаками и их суррогатами. Продвигаясь в глубь страны, три армии ВСЮР «втягивали в обращение» миллиарды рублей разных правительств, включая советские рубли 1918 и 1919 гг. выпуска: как суммы, захваченные в советских учреждениях и штабах Красной армии, так и те накопления, что были на руках у населения. Это явление, присущее Гражданской войне, С.В. Карпенко назвал «фронтовой эмиссией», при которой происходил безмерный и беспримерный за всю историю России количественный рост денежной массы на ограниченной территории нескольких южных губерний и казачьих областей бывшей Российской империи⁶. В такой ситуации, при столь небывалой качественной пестроте денежной массы, неизбежно возникла и разная оценка городским и сельским населением надежности и покупательной способности рублей разных выпусков. Все это вместе создало хаос в денежном обращении, подстегивало дороговизну (инфляцию) и спекуляцию, опустошало и без того скудную казну ВСЮР, срывало финансирование и снабжение наступающих войск.

Бернацкий обоснованно считал – и в этом он был прав как знаток финансового дела, – что до «освобождения Москвы» нет смысла проводить радикальную, коренную денежную реформу, ибо действенной она будет лишь в масштабах всей России, «очищенной от большевиков». А потому, исходя из принципа «главное – не навредить», он ограничился тем, что пытался затормозить инфляцию путем сокращения объема денежной массы и ликвидации ее пестроты. С другой стороны, возглавляемое им Управление финансов сделало ставку на форсированную эмиссию.

В итоге на территории ВСЮР сложилась чрезвычайно сложная ситуация с денежным обращением. Существование как такового внутреннего курса национальных валют в пределах одной страны можно назвать феноменом, особенно если учесть, что даже название большинства купюр было одинаковым – рубль (отличие составляли год выпуска и то, каким правительством были выпущены денежные знаки). Внутренний курс национальных валют, имевших хождение в тылу, зависел исключительно от большего или меньшего доверия населения к тем или иным денежным знакам. А доверие населения напрямую было связано с материалами, публикуемыми в прессе. Содержание этих материалов позволяет сделать вывод о том, что у правительства Деникина не было четкой скоординированной информационной политики по вопросам, касающимся денежного обращения. В результате часто в газетах встречаются диаметрально противоположные мнения по одному и тому же вопросу (например, вопрос о денежной реформе в отношении «керенок»). Следствием этого была дезориентация населения, которая провоцировала паники, способствующие понижению курса даже считавшейся правительством наиболее надежной национальной валюты, а с другой стороны, подстегивающие спекуляцию и дороговизну. Таким образом, все денежные единицы, имеющие хождение на территории ВСЮР, постепенно переходили в разряд мягкой валюты. Это явление, в свою очередь, неизбежно подстегивало как инфляционные ожидания населения, так и собственно инфляцию⁷.

Инфляция была одной из самых острых проблем тыла, так как она являлась главным раздражителем и причиной недовольства населения. Устойчивая тенденция роста цен, во-первых, способствовала паническим настроениям среди населения, а во-вторых, порождала инфляционную психологию.

В прессе 1919 г. большую долю составляли статьи, посвященные росту цен. Термин «инфляция» в газетах не использовался, его эквивалентом служило понятие «дороговизна». Единственным экономистом, использующим в своей работе, посвященной финансово-

экономическому положению тыла ВСЮР, термин «инфляция», был профессор П.П. Гензель, автор нескольких статей и брошюр на финансовую тематику⁸. Однако он ввел в оборот этот термин несколько в ином значении, нежели его принято понимать в современной экономической науке. Инфляция, по его мнению, это то же самое, что и необоснованная эмиссия (деньги выпускаются для покрытия дефицита бюджета), которая приводит финансовую систему государства, в частности деникинской власти и тыла ВСЮР, к дисбалансу. При этом он пишет о существовании и положительно влияющей на финансовую систему эмиссии, когда деньги выпускаются для того, чтобы выдаваться в кредит. Таким образом, согласно теории Гензеля, можно выделить два типа эмиссии: «положительную» и «отрицательную». «Отрицательную» эмиссию он и называет инфляцией.

Современная экономическая наука понимает под инфляцией «процесс повышения общего уровня цен в стране»⁹ или же «обесценение денег, проявляющееся в форме роста цен на товары и услуги»¹⁰. Инфляцию в современном значении этого термина Гензель, как и большинство журналистов и экономистов начала XX в., называл дороговизной¹¹.

Цены на продукты повседневного спроса в 1919 г. росли каждый день. В таких условиях среди населения распространялась паника: «У обывателя, объятого ужасом безумия, одна только мысль: “Денег, как можно больше денег! И опять денег!”»¹². Эта паника, в свою очередь, порождала инфляционные ожидания. Население было уверено, что рост цен будет продолжаться дальше, и поэтому предприниматели заблаговременно закладывали в цены своих товаров предстоящий рост цен на рабочую силу, сырье и кредит, а рабочие требовали повышения зарплаты «под будущий рост цен». Деникину ничего не оставалось делать, как идти на уступки и повышать оклады чиновникам. Помимо повышения окладов официально была утверждена так называемая прибавка ввиду дороговизны¹³.

Эта прибавка по сути являлась индексацией, однако в реальности темпы инфляции опережали темпы увеличения заработной платы. На этот факт обращал внимание профессор Гензель: «Практически никогда заработная плата не может поспеть за обесценением валюты и за ростом дороговизны»¹⁴. Донской атаман генерал А.П. Богаевский, называя дороговизну «народным бедствием», тоже осознавал, что «никакое увеличение заработной платы и жалованья не в состоянии угнаться за ними [ценами. – М. Ч.]»¹⁵. К тому же даже хорошо разработанная и осуществляемая политика контроля соотношения цен и заработной платы дает положительный эффект только в краткосрочном плане. Она выступает в роли

адаптационной меры, за которой обязательно должны последовать другие способы остановки темпов инфляционного процесса с упором на долговременное и систематическое их осуществление.

Сущность влияния повседневного роста цен на настроения, на психологию населения очень точно описывает в своей статье автор, скрывшийся под псевдонимом «Небессмертный»: «Трагедия, как обывателя, так и нормальных предприятий, заключается в том, что ни тот, ни другие не могут твердо определить своей сметы даже на месяц. Повышательная тенденция, играющая в современной экономике доминирующую роль, не дает никакой возможности ввести свой бюджет в какие-нибудь рамки»¹⁶. Уже тогда журналисты отмечали особенности поведения населения под влиянием постоянного роста цен. Самое ужасное, подмеченное ими, заключалось в том, что инфляционная психология порождала существование самоподдерживающейся инфляции. Таким образом, получался замкнутый круг, разорвать который чрезвычайно сложно даже в условиях мирного времени.

Из тяжелого финансового положения, в котором оказалось правительство Деникина, можно было выйти посредством прекращения денежной эмиссии, введения режима жестких денежных ограничений и ввода стратегии гашения адаптивных инфляционных ожиданий. То, что эмиссия оказывает отрицательное действие на экономическую ситуацию в тылу, ни Деникин, ни Бернацкий, ни другие члены правительства до конца признавать не хотели. Стратегия гашения адаптивных инфляционных ожиданий основывается прежде всего на доверии населения правительству. Смысл этих действий заключается в изменении психологии потребителя, избавлении его от страха постоянного и неуклонного роста цен, обесценения его сбережений. Добиться этого можно было, прибегнув к регулярному и правдивому информированию населения об уровне инфляции и о тех мерах, которое оно принимает для борьбы с инфляцией. В этом случае важно достичь психологического эффекта веры потребителя в действие государства.

Что касается информирования населения об уровне инфляции, то в этом отношении газеты, выходившие на территории ВСЮР, преуспевали. В севастопольской газете «Юг», например, существовала рубрика «Дороговизна жизни», в которой почти ежедневно публиковались цены на самые необходимые товары и продукты. В других газетах также периодически появлялись заметки о ценах на рынке. Однако эти заметки сопровождались не рассказами о действенных мерах, предпринимаемых правительством, а паническими статьями журналистов и экономистов о «жуткой» дороговизне и «безудержном разгуле» спекуляции¹⁷.

В сложившихся условиях такое «информирование» населения только подогрело общественную панику. Население вслед за журналистами обвиняло в дороговизне спекулянтов. Единственное, что удалось сделать правительству Деникина с помощью прессы, так это направить все негодование и раздражение населения на предпринимателей как на «алчных торгашей» и отвести тем самым обвинения от власти, от самого себя. Таким образом, правительство Деникина продолжало печатать новые деньги, только стимулируя инфляционный процесс, и даже не пыталось принять меры по изменению психологии потребителя, гашению инфляционных ожиданий, которые, в свою очередь, создавали благоприятные условия для самоподдерживающейся инфляции.

Гораздо сильнее, чем на «правительственные верхи», газетные публикации на финансово-экономические темы воздействовали на «белую общественность», жившую надеждами на скорое вступление войск Деникина в Москву. Одним из последствий такого положения не могло не стать распространение среди этой общественности сначала сомнений относительно способности правительства Деникина одолеть финансовый кризис, а потом и убежденности в том, что оно не в состоянии справиться с ростом дороговизны и остановить обесценение рубля, а значит, и спасти население от надвигающегося голода и обнищания. Эта убежденность неотвратимо породила недоверие к денежным знакам главного командования ВСЮР.

Дезориентация и слухи, в свою очередь, провоцировали массовую панику на товарно-денежном рынке, которая обрекала на стремительное обесценивание даже те выпуски рублей, которые правительство Деникина и Управление финансов считали вполне надежными. А паническое поведение населения (как продавцов, так и покупателей) на товарно-денежном рынке закономерно вело к скачкообразному росту цен, дальнейшему падению покупательной силы рубля, товарному голоду, разгулу спекуляции и в конечном счете к дальнейшему углублению финансового кризиса на Белом юге.

Примечания

- ¹ См.: *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 2-е изд. М., 2003. С. 148–240, 291–324; *Он же.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 173–295, 347–361, 388–420; *Он же.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 239–294, 360–393.
- ² См.: *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // *Экономический журнал.* 2001. № 1. С. 35–76; *Он же.* Врангель в Крыму: го-

- сударственность и финансы // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 82–99; *Он же*. «Братъ сейчасъ взятку – значитъ торговать Россiей!»: госаппарат и чиновничество врангелевской диктатуры // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 98–112; *Он же*. «Крамола на Кубани»: экономика и политика (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 2 (20). С. 81–91; *Он же*. Наступление ВСЮР на Москву летом 1919 г.: победы на фронте и финансовый кризис в тылу // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 86–96; *Он же*. Налоговая политика белых правительств на юге России в 1919–1920 гг. // Экономический журнал. 2011. № 4 (24). С. 111–121; *Он же*. Диктаторская власть белых генералов и коррупция (Юг России, 1918–1920 гг.) // Власть. 2013. № 7. С. 163–167.
- ³ *Карпенко С.В.* Наступление ВСЮР на Москву летом 1919 г. С. 88, 92, 94.
- ⁴ *Кокочлин В.Г.* «От мала до велика спекулируют на чем только возможно»: городские рынки в «белой» Сибири (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 94–109.
- ⁵ См.: *Черниченко М.Ю.* Белая пресса как источник для изучения экономической жизни в тылу ВСЮР (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2006. № 1 (14). С. 108–117; *Она же*. «Спекуляция празднует свою вакханалию»: образы спекуляции и спекулянта в периодической печати Белого юга России (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 70–87; *Она же*. Кризис денежного обращения в тылу войск генерала А.И. Деникина в освещении печати Белого юга России (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 70–88; *Карпенко С.В., Черниченко М.Ю.* Кризис денежного обращения и финансовая политика правительства А.И. Деникина в оценках печати Белого юга России (1919 г.) // Исторические записки. Вып. 15 (133). М., 2014. С. 231–261.
- ⁶ См.: *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд. С. 174; *Он же*. Белые генералы и красная смута. С. 239.
- ⁷ См.: *Черниченко М.Ю.* «Спекуляция празднует свою вакханалию»... С. 73–74; *Она же*. Кризис денежного обращения... С. 82–83.
- ⁸ *Гензель П.П.* Девальвация и задачи налоговой политики. Симферополь, 1919. С. 5.
- ⁹ *Липсиц И.В.* Экономика без тайн. М., 1994. С. 108.
- ¹⁰ Финансовый словарь. М., 2003. С. 129.
- ¹¹ *Гензель П.П.* Указ. соч. С. 8.
- ¹² *Небессмертный.* Что же делать? // Приазовский край. 1919. 15 (28) окт.
- ¹³ Оклады чиновникам // Приазовский край. 1919. 1 (14) сент.
- ¹⁴ *Гензель П.П.* Девальвация и задачи налоговой политики. С. 12.
- ¹⁵ *Калинин И.* Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 191.
- ¹⁶ *Небессмертный.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Черниченко М.Ю.* «Спекуляция празднует свою вакханалию»... С. 73–86.

С.В. Карпенко

РАССТРОЙСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО
ТРАНСПОРТА И ТОПЛИВНЫЙ КРИЗИС
ВО ВРАНГЕЛЕВСКОЙ ТАВРИИ:
ПРИЧИНЫ И ВЗАИМОВОЗДЕЙСТВИЕ
(апрель – ноябрь 1920 г.)

В статье анализируется состояние железных дорог и железнодорожного сообщения в тылу Русской армии генерала П.Н. Врангеля в непосредственной связи с топливным кризисом. Рассматриваются экономические, политические, военные и прочие факторы, способствовавшие расстройству железнодорожного транспорта и углублению топливного кризиса. Раскрывается взаимовоздействие разрухи на железных дорогах и топливного кризиса на территории Таврической губернии в апреле – ноябре 1920 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Таврическая губерния, П.Н. Врангель, Правительство юга России, Русская армия, военная диктатура, железнодорожный транспорт, топливо, снабжение, экономический кризис, инфляция, спекуляция, коррупция.

Железнодорожный транспорт, как это стало очевидным в ходе Первой мировой войны, в начале XX в. превратился в «важнейший материальный фактор» войны. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует написанный в 1925 г. и лишь совсем недавно опубликованный в России очерк генерала С.А. Ронжина «Железные дороги в военное время (по опыту минувшей войны)», включенный в виде приложения в очерк известного специалиста по истории российских железных дорог профессора РГГУ А.С. Сенина¹. Вообще именно прежние и новые труды А.С. Сенина, обстоятельные и глубокие, утвердили понимание той исключительной роли, которую играли российские железные дороги во время Второй русской смуты².

В условиях мировой и Гражданской войн железнодорожный транспорт превратился в «становой хребет» и тыловой экономики,

и действующей армии. И это само по себе резко подняло значимость обеспечения железных дорог углем и нефтяными горюче-смазочными материалами, проще говоря – усложнило и обострило топливную проблему. Именно тогда особенно наглядно обнаружилось взаимозависимость и взаимовоздействие транспортного и топливного кризисов, в частности на территории Белого юга в 1918–1920 гг.³

В апреле 1920 г. остатки Вооруженных сил на юге России (ВСЮР), реорганизованные новым главнокомандующим генералом П.Н. Врангелем в Русскую армию, оказались заперты войсками советского Юго-Западного фронта в Крыму. На первый взгляд, Крым как база предоставлял Русской армии немалые стратегические и тактические возможности как для длительной обороны, так и для развертывания наступательных операций. Но для этого новому главному и новому правительству нужно было предельно полно мобилизовать хозяйственные средства полуострова, в частности его железнодорожный транспорт и топливную базу.

Железнодорожная сеть Крыма и Северной Таврии не превышала 750 верст и по густоте уступала примыкавшим к ней малороссийским губерниям и казачьим областям. К началу 1920 г. железнодорожный транспорт находился в самом плачевном состоянии. Прежде всего потому, что ему катастрофически не хватало топлива: уголь почти не поступал, и паровозы перешли на дрова. В итоге крымская сеть Южных железных дорог оказалась в полной зависимости от заготовки дров в крымских лесах. Паровозы окончательно перешли на дрова⁴. Судьба железных дорог, таким образом, зависела от обеспечения топливом и нефтяными горюче-смазочными материалами.

Однако недра полуострова имели крайне скудные запасы угля и нефти и добывающая промышленность совершенно не была развита в этих направлениях. Нефть низкого качества добывалась в урочище Ченгелек (в районе Керчи) местным населением; в 1913 г. на нефтепромысле колодезного и проточного типов было добыто всего 40 тыс. п.⁵ Не имея собственной топливной базы, Таврическая губерния (Крым и материковые уезды Северной Таврии) до 1914 г. снабжалась углем и нефтепродуктами исключительно привозом по железной дороге и морем. Потребности городского и сельского населения, промышленности и транспорта, сухопутных войск и флота удовлетворялись за счет донецкого угля и бакинской нефти. Их ввоз составлял ежемесячно 1,6–2 млн п. угля (из них 200 тыс. п. на нужды железных дорог), 47 тыс. п. нефти и 24 тыс. п. керосина⁶.

В апреле–июне 1919 г. Совнарком Крымской советской социалистической республики, пытаясь выбраться из острого топливного кризиса, принял решение о добыче угля, обнаруженного на территории Бешуйского лесничества (горное село Бешуй в районе Симферополя). Но большевикам удалось лишь начать подготовительные работы⁷. Осенью 1919 г., когда Крымский полуостров оказался в глубоком тылу армий генерала А.И. Деникина, Управление путей сообщения ВСЮР именно ради снабжения железных дорог организовало на полуострове геологоразведку. Помимо уже открытых залежей каменного угля в Султанской даче Бешуйского лесничества уголь был обнаружен близ татарских сел Ускют (район Алушты) и Биюк-Сюрень (район Бахчисарая). Сразу приступили к их промышленному освоению. Наиболее перспективным представлялось месторождение в Бешуйском лесничестве: тут уголь выходил на поверхность, хотя он был бурым, низкого качества и общие его запасы геологи оценили как не превышающие 600 тыс. п.⁸

В апреле 1920 г. в Крыму, обложенном красными, запасы топлива были совершенно ничтожны: около 20 тыс. п. угля, по столько же нефти и бензина⁹. Железнодорожный транспорт и технические части ВСЮР были под угрозой полной остановки. У Черноморского флота, корабли которого стояли в портах Севастополя, Феодосии и Керчи, не осталось никаких запасов угля и масел¹⁰.

Помимо угля отопительные нужды населения Крыма, где леса занимали 120 тыс. дес., в значительной степени удовлетворялись за счет дров. До 1914 г. порубка в лесах была ограничена ради естественного возобновления леса и сохранения влажности почв, поэтому на полуостров ежегодно ввозилось почти 1,5 млн п. дров. За пять с половиной лет мировой и Гражданской войн из-за сокращения поставок и роста цен на дрова вместо максимально допустимой площади 18 тыс. дес. было вырублено 28 тыс., причем в лесных дачах, лежащих близ дорог и самых удобных для вывоза¹¹. Тем не менее, где допускалась замена угля дровами (в том числе и на железных дорогах), топливный кризис отчасти мог быть ослаблен при интенсивной порубке лесов. Причем интенсивность порубки должна была быть небывало высокой, поскольку население полуострова значительно уплотнилось. К местным жителям¹² прибавились беженцы из центральных губерний: помещики, предприниматели, чиновники, интеллигенты с семьями, а также семьи офицеров, служивших во ВСЮР. Почти все они осели в городах, и к весне 1920 г. городское население полуострова почти удвоилось, достигнув 700 тыс.¹³

22 апреля на первом же заседании Совета при главкоме ВСЮР, созданного Врангелем, новый главком поставил перед своим правительством задачу ускорить разработку Бешуйского угольного и Керченского нефтяного месторождений, а также начать поиск новых месторождений, чтобы покрыть топливные потребности Крыма и тем избавить почти пустую казну ВСЮР от необходимости закупать топливо и нефтяные горюче-смазочные материалы на заграничных рынках¹⁴.

Решение топливной проблемы было возложено на Отдел горный и топлива (Гортоп). В апреле в ходе затеянной Врангелем реорганизации центрального аппарата гражданского управления Гортоп был включен в состав громоздкого Управления снабжений¹⁵. Но уже в июне А.В. Кривошеин, приглашенный Врангелем на должность главы правительства, добился выделения из Управления снабжений отделов, которые прежде входили в Управление торговли и промышленности ВСЮР (включая Гортоп), и воссоздал Управление торговли и промышленности (по образу и подобию аналогичного министерства императорской России)¹⁶. Гортоп, с одной стороны, активно занялся геологоразведкой и организацией добычи топлива в Крыму, с другой – закупкой угля и нефтепродуктов.

В мае для добычи бешуйского угля Гортоп создал казенное предприятие «Бешуйские каменноугольные копи», где установил повышенные оклады служащим и рабочим, и Управление Бешуйскими каменноугольными копиями. К июлю добыча была доведена до 1 тыс. п. в день, причем стоимость бешуйского угля была в 10 раз ниже стоимости угля, ввозимого Гортопом из-за границы. Планировалось довести добычу от 30 тыс. п. в месяц до 200 тыс. п., что по самым оптимальным расчетам позволило бы сократить ввоз угля до 500 тыс. п. в год¹⁷. К ноябрю, однако, ежедневная добыча достигла только 3 тыс. п.¹⁸ Но даже столь незначительный рост добычи сводился на нет малой возможностью вывезти его из-за недостатка транспортных средств. Мобилизованными крестьянскими подводами едва удавалось вывозить 500 п. в день, т. е. половину и даже менее половины добываемого¹⁹.

Для быстрой доставки бешуйского угля железным дорогам Врангель в мае приказал начать постройку углевозной узкоколейки от Бешуя до станции Сюрень, чтобы соединить угольные копи с железнодорожной магистралью Севастополь – Симферополь²⁰. Однако постройка тормозилась острым недостатком рельсов и шпал, склады которых на территории Крыма отсутствовали²¹. Для постройки ветки в 20–25 верст пришлось снимать станционные

пути и подъездные пути на соляных промыслах. Крайне медленно поступали шпалы, которые заготавливались в лесу и с трудом вывозились на крестьянских подводах, мобилизованных в порядке подводной повинности из-за уклонения крестьян-подводчиков и противодействия «зеленых». «Зеленые» из числа обычных дезертиров и бандитов нападали на лесозаготовки в надежде пожить. Части же руководимой большевиками Крымской советской повстанческой армии стремились сорвать лесозаготовки²². По самым оптимальным расчетам постройка ветви Бешуй – Сюрень не могла быть окончена ранее октября²³.

Бешуйские копи охранялись подразделениями военизированной Государственной стражи, тем не менее партизанские отряды активно препятствовали добыче и вывозу угля. Командование Крымской советской повстанческой армии считало одной из своих главных задач лишить белых топливной базы в Крыму. С июня нападения на управление копиями в Бешуе и базу горных (геологоразведочных) работ в Козьмодемьянском монастыре приняли регулярный характер (за лето нападали трижды). Партизаны забирали деньги и вещи, разгоняли инженеров и служащих, поджигали добытый уголь, препятствовали его вывозу²⁴. Так, в ночь на 1 сентября 3-й Симферопольский полк повстанческой армии, напав на копи, взорвал шахту, склады и часть горного оборудования. В итоге добыча угля на некоторое время была приостановлена²⁵.

Вместе с тем партизаны не препятствовали постройке узкоколейки Бешуй – Сюрень, полагая, что она будет закончена к занятию Крыма Красной армией²⁶. Дорога действительно была построена только к ноябрю.

Всего за апрель – октябрь 1920 г. в Бешуйских копиях было добыто 165 тыс. п. угля, который вывозился крайне медленно²⁷. То есть даже одни железные дороги Таврии могли быть снабжены менее чем на 7 % своих потребностей в угле.

Еще большей неудачей закончилась попытка Гортопа наладить нефтедобычу на Ченгелекских нефтепромыслах. В октябре из-за трудностей расчистки и бурения добыча не превысила 40 п. нефти в сутки²⁸.

Так скудость разведанных запасов топлива, нехватка финансовых средств (прежде всего из-за гиперинфляции, разогнавшейся еще в денкинский период²⁹) и технические трудности расширения добычи не позволили врангелевскому правительству создать топливную базу в Крыму. Поэтому Гортоп сосредоточил усилия на закупках – самостоятельных и через контрагентов – топлива и нефтепродуктов в Батуме и Константинополе. Тратя огромные

суммы в валюте, как бюджетные, так и выручаемые контрагентами за счет вывоза сырья, Гортоп сумел удовлетворить потребности армии, транспорта и промышленности почти на 50 %³⁰.

Последним местным источником топлива оставались крымские леса. Потребности Крыма и безлесной Северной Таврии составляли около 30 млн п. дров ежегодно, включая потребности населения, промышленности и железнодорожного транспорта. В апреле в составе Управления снабжений был создан Отдел заготовок древесного топлива, на который Совет при главкоме возложил задачу обеспечения сохранности леса и заготовки его (как топлива и как строительного материала) в казенных дачах. В июне отдел был передан в состав сначала Управления торговли и промышленности, а затем – Управления земледелия и землеустройства, где на его основе был образован Лесной отдел. Крымский лес был разделен на девять лесозаготовительных районов, в которых учреждениям отводились казенные лесные дачи для заготовки дров. Управление торговли и промышленности предполагало, что заготовка дров будет вестись прежде всего «хозяйственным способом», т. е. силами самих учреждений, и только по особому разрешению допускалась заготовка дров через контрагентов (частные фирмы)³¹. При этом заготовка дров, шпал и телеграфных столбов для железных дорог, действующих и строящихся, в мае была сосредоточена в Службе лесных заготовок Управления начальника военных сообщений³².

Однако именно лесное ведомство стало главным тормозом для лесозаготовок. Заведующие лесничествами, лесники и лесные ревизоры под предлогом сохранения леса медленно отводили участки, самовольно повышали цены на лес (кладя разницу в свой карман), отказывались отпускать учреждениям дрова в кредит (когда у тех не было денег из-за перебоев с финансированием), удаляли из леса контрагентов. При этом для учреждений лес рубился лесорубами крайне неряшливо, дрова и шпалы оказывались разбросанными в самых глухих местах, что затрудняло их вывоз. Одновременно они способствовали частным лесозаготовкам, отправляя заготовленный лес на частные лесопилки и получая от этого немалые барыши³³.

Кроме того, крестьяне Крыма всячески старались уклониться от подводной повинности по вывозу дров из леса: в лесном бездорожье ломались телеги, которые нигде было починить (в мастерских не было металла и угля), и калечились лошади, последние в хозяйстве, которые требовались для полевых и других крестьянских работ. К тому же забронированные для перевозки дров подводы силой забирались войсковыми частями. В итоге на перевозке

дров фактически работало не более трети подвод, формально выделенных для лесозаготовок комиссиями по мобилизации подвод³⁴.

Наконец, настоящую «войну за дрова» против врангелевских лесозаготовителей (учреждений и их контрагентов), а также против подразделений Государственной стражи, охранявших лесозаготовки, развернули с июля красные партизаны. С целью оставить железные дороги как без топлива, так и без шпал отряды повстанческой армии блокировали то один лес, то другой, изгоняя и не пуская лесорубов и подводчиков, отбирая деньги у заготовителей, сжигая заготовленные дрова и шпалы. В населенных пунктах зачитывался приказ командования повстанческой армии, запрещающий рубку леса и вывоз дров³⁵.

В результате с июня по сентябрь из заготовленных 16 млн п. дров из леса было вывезено на железнодорожные станции около 1 млн п. Потребности железнодорожного транспорта, питавшегося исключительно дровами, были удовлетворены не более чем на 25 %. Причем цифра эта имела тенденцию к понижению в связи с увеличением потребности дорог из-за расширения занимаемой территории и наступавших холодов³⁶. Потребности городского населения осенью удовлетворялись не более чем на 20 %³⁷.

Чтобы спасти железнодорожный транспорт, Врангель в июне приказал передавать железным дорогам заготовленные дрова всех ведомств, а также реквизировать дрова у частных владельцев с уплатой по рыночной цене. Эти чрезвычайные меры, вызвав недовольство спекулянтов дровами и трения между ведомствами, дали всего 9 % количества дров, поставленных железным дорогам³⁸.

С началом осени, когда топливный кризис прочно охватил врангелевский тыл, дрова стали предметом раздора и столкновений между войсковыми частями и гражданскими учреждениями. Нередко части силой отбирали дрова у железных дорог, разбирали деревянные постройки станций и даже растаскивали шпалы. В свою очередь, представители Южных железных дорог перехватывали подводы с дровами для войсковых частей, разбирали железнодорожные щиты и заборы³⁹.

Так или иначе Врангель и его правительство приложили немало усилий для преодоления расстройств железнодорожного транспорта путем решения сложнейшей задачи снабжения его топливом. С другой стороны, они стремились найти оптимальную схему управления железными дорогами. В начале апреля выделенный из расформированного Хозяйственного управления Отдел путей сообщения был сначала передан в Гражданское управление, а затем реорганизован в самостоятельное Управление путей сообще-

ния, которому были подчинены Южные железные дороги и строительство железной дороги Джанкой – Перекоп. Но уже через несколько дней (несомненно, по настоянию старших военных чинов) управление было упразднено и Отдел путей сообщения передан в Управление начальника военных сообщений, в результате чего железные дороги попали в полное распоряжение штаба главкома. Однако из-за острой нехватки топлива даже военные перевозки, как и перевозки казенных грузов (зерна, закупленного для экспорта), осуществлялись с большими перебоями⁴⁰.

Помимо острой нехватки топлива расстройство железнодорожного сообщения во врангелевской Таврии усугубляла острая нехватка исправного подвижного состава, прежде всего паровозов. Летом с учетом паровозов, захваченных на станциях Северной Таврии, на всю врангелевскую территорию, бывшую Таврическую губернию, было всего 48 паровозов, из которых более трети стояли неисправными. Хотя поломки зачастую носили мелкий характер, ремонт был невозможен из-за отсутствия запасных частей⁴¹. Для сравнения отметим, что в 1913 г. в Крыму (без северных, материковых, уездов Таврической губернии) было в ходу 48 паровозов и 27 стояли исправные в резерве⁴².

Классных вагонов в ходу почти не было, только товарные и теплушки, побитые и нуждавшиеся в ремонте⁴³.

При этом значительная часть паровозов и вагонов была занята штабами, учреждениями и частями Русской армии, а также гражданскими учреждениями. При всей ничтожности длины рельсовой сети Таврии количество подвижного состава, обслуживавшего их, не уступало тому количеству, которое обслуживало тыловые учреждения всего Юго-Западного фронта русской дореволюционной армии в годы мировой войны⁴⁴.

Наконец, работу железных дорог дезорганизовывали самочинные действия войсковых частей. Минуя Управление начальника военных сообщений, командиры частей заставляли железнодорожников менять время и направление движения поездов. Ссылаясь на «неотложные нужды фронта», технические части не только отбирали топливо, но даже разрушали запасные и объездные пути ради того, чтобы распилить шпалы на дрова (для газгольдеров). Неоднократные грозные приказы Врангеля, запрещавшие такие действия, пагубные для транспорта, военачальниками игнорировались⁴⁵.

Железнодорожный транспорт обслуживал прежде всего Русскую армию: обеспечивал перевозки предметов военного снабжения, войсковых частей и т. д. Хотя объявлялось расписание пассажирских поездов, поезда отправлялись в совершенно другое время.

Помимо военных эшелонов один раз в сутки в одном из направлений без всякого расписания, каждый раз в разное время, ходил «этапный» (или «почтовый») поезд. На северном направлении его конечной станцией был Мелитополь. Состояли такие поезда из двух-четырёх вагонов III класса, считавшихся II классом, и 10–15 товарных вагонов, половина из которых, с поставленными скамьями, считались пассажирскими III класса, а остальные, оборудованные в теплушки, предназначались для солдат. Основной контингент пассажиров составляли солдаты и спекулянты-мешочники⁴⁶.

В пути «этапные» поезда неоднократно останавливались на несколько часов. Причины остановок были разными. То комендантские патрули проверяли документы, то железнодорожная администрация, произвольно, на свое усмотрение, меняя в пути таблички с обозначением классности вагона, собирала с пассажиров доплату без выдачи квитанций. А попутно взимала плату и штрафы как с безбилетников с тех, кто, дав взятку военному коменданту на станции отправления, ехали в солдатских теплушках бесплатно. То машинисты и кондуктора, остановив поезд «в чистом поле», собирали с пассажиров «на топливо», а иногда вынуждали их в складчину покупать дрова у спекулянтов. Из-за этих непрерывных и длительных остановок, вызванных проверками документов и поборами с пассажиров, «этапные» поезда ходили так медленно, что на длинных маршрутах пользоваться гужевым транспортом было предпочтительнее: лошади достигали пункта назначения быстрее. Поэтому «мешочники» чаще предпочитали нанимать крестьянские подводы, чем покупать билет на поезд⁴⁷.

Иногда движение «этапных» поездов вовсе прекращалось на период от нескольких дней до двух недель. Причинами тому были усиленные переброски пополнений и боеприпасов на участок фронта, где развертывались активные боевые операции, а также вывоз хлеба из Северной Таврии в Крым⁴⁸.

Несмотря на полное расстройство пассажирского движения, Управление Южных железных дорог постоянно повышало плату за проезд, а также тарифы на провоз грузов. В августе цена билета за проезд Севастополь – Симферополь достигла 600 руб., Симферополь – Мелитополь – 1600 руб. В целом к середине осени железнодорожные тарифы по сравнению с довоенным временем были повышены в 500 раз⁴⁹.

К осени подвижной состав пришел в полную негодность, заготовка дров и шпал шла очень медленно, стратегически важные дороги Бешуй – Сюрень (для доставки угля, добываемого в Бешуй-

ских коях, к железной дороге) и Джанкой – Перекоп (для снабжения и обслуживания войск, оборонявших перешейки) достроить не удалось. Поэтому в октябре Врангель восстановил Управление путей сообщения, пригласив на должность его начальника инженера Э.Б. Кригер-Войновского, бывшего управляющего Владикавказской железной дороги, уже жившего за границей. Однако очередная реорганизация никакого положительного результата дать не успела⁵⁰.

Таким образом, разруха на железных дорогах врангелевской Таврии и топливный кризис взаимно обостряли друг друга, что в 1920 г. привело к дальнейшему углублению хозяйственного кризиса на территории врангелевской Таврии и подрыву боеспособности Русской армии.

Примечания

- ¹ *Сенин А.С.* Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 99–123.
- ² См.: *Сенин А.С.* Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель, Викжедор, Воспрофжель... (1917–1918 гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 96–141; *Он же.* Московский железнодорожный узел, 1917–1922 гг. М., 2004; *Он же.* Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009; *Он же.* Министерство путей сообщения в 1917 году. 2-е изд. М., 2009; *Он же.* Генерал С.А. Ронжин... С. 88–125.
- ³ См.: *Карпенко С.В.* Железные дороги и «свобода торговли» в условиях экономического кризиса: из истории тыла Вооруженных сил на юге России (1919 г.) // Вестник РГГУ. 2013. № 10. Сер. «Исторические науки. История России». С. 65–66; *Сенин А.С.* Генерал С.А. Ронжин... С. 94.
- ⁴ См.: РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 160. Л. 17 об.; Государственный архив в Республике Крым (ГА РК). Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 9. Л. 66; Д. 27. Л. 146; Д. 36. Л. 18–22 об.
- ⁵ См.: Обзор Таврической губернии за 1913 г. Симферополь, 1914. С. 32; Обзор Таврической губернии за 1914 г. Симферополь, 1915. С. 27; *Бененсон М.Е.* Экономические очерки Крыма. Симферополь, 1922. С. 53.
- ⁶ См.: РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 265. Л. 12 об.; *Бененсон М.Е.* Указ. соч. С. 53, 76.
- ⁷ *Бунегин М.Ф.* Революция и Гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 257–258.
- ⁸ См.: *Бененсон М.Е.* Указ. соч. С. 53; Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 28 авг.
- ⁹ См.: ГА РК. Ф. Р-2340. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Гражданская война: боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 3. Л., 1925. С. 230–231, 260.

- ¹⁰ *Врангель П.Н.* Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Ч. 2 // Белое дело: Летопись белой борьбы. Кн. 6. Берлин, 1928. С. 10, 16.
- ¹¹ *Бененсон М.Е.* Указ. соч. С. 50, 76.
- ¹² См.: *Усов С.А.* Историко-экономические очерки Крыма: Прошлое и настоящее крымского сельского хозяйства. Симферополь, 1925. С. 14–15; Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 г. Симферополь, 1922. С. 3, 38–39; Статистический справочник Таврической губернии. Ч. 1. Симферополь, 1915. С. 5, 10.
- ¹³ См.: ГА РК. Ф. Р-1765. Оп. 2. Д. 16. Л. 1; Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 29 авг.
- ¹⁴ Начало врангелевщины // Красный архив. 1927. № 2. С. 179.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 3. Л. 70; Д. 5. Л. 9–10.
- ¹⁶ Там же. Д. 15. Л. 77 об.; Д. 16. Л. 2–3.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 265. Л. 12 об.
- ¹⁸ РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 163. Л. 173 об.
- ¹⁹ См.: РГВА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 500. Л. 266; *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2. С. 106.
- ²⁰ *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2. С. 31.
- ²¹ ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 123. Л. 5.
- ²² См.: РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 625. Л. 166; ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 27. Л. 146.
- ²³ *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2. С. 106.
- ²⁴ См.: РГВА. Ф. 246. Оп. 3. Д. 215. Л. 167–167 об.; ГА РК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1344. Л. 10, 162а; Д. 1346. Л. 63; Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 28 авг.
- ²⁵ См.: РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Л. 206; *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2. С. 173; *Мокроусов.* 90 дней в горах Крыма // Революция в Крыму. Вып. 4. Симферополь, 1924. С. 33–35.
- ²⁶ *Бабахан Н.* Крымская повстанческая (зеленая) армия // Революция в Крыму. Вып. 4. С. 47.
- ²⁷ Четыре года Соввласти в Крыму, 1920–1924. Симферополь, 1924. С. 179.
- ²⁸ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 296. Л. 17 об.
- ²⁹ См.: *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 35–76; *Ои же.* Наступление ВСЮР на Москву летом 1919 г.: победы на фронте и финансовый кризис в тылу // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 86–96.
- ³⁰ *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд. М., 2006. С. 390–392.
- ³¹ См.: ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 15. Л. 13; ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 7. Л. 11, 87.
- ³² ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 6. Л. 11; Д. 7. Л. 11; Д. 53. Л. 15.
- ³³ См.: ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 15. Л. 13; ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 7. Л. 11, 87; Д. 155. Л. 4, 5, 8, 18.
- ³⁴ См.: РГВА. Ф. 246. Оп. 3. Д. 227. Л. 43; ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 9. Л. 66; Д. 27. Л. 5, 84–85, 146, 148; Д. 155. Л. 8; Крестьянский путь (Симферополь). 1920. 8 сент.
- ³⁵ См.: РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Л. 206; Ф. 192. Оп. 3. Д. 1441. Л. 5; Ф. 198. Оп. 3. Д. 625. Л. 249; ГА РК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1344. Л. 175; Д. 1388. Л. 47; Ф. Р-695. Оп. 1.

- Д. 5. Л. 22; Д. 27. Л. 146; Д. 53. Л. 5, 15; *Бабахан Н.* Указ. соч. С. 6–7; *Мокроусов.* Указ. соч. С. 41, 48.
- ³⁶ См.: ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 9. Л. 66; Д. 27. Л. 146; Д. 36. Л. 18–22 об.; *Время* (Симферополь). 1920. 29 окт.
- ³⁷ *Таврический голос* (Симферополь). 1920. 21 окт.
- ³⁸ ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 6. Л. 39; Д. 27. Л. 63; Д. 36. Л. 18; Д. 53. Л. 5.
- ³⁹ См.: РГВА. Ф. 245. Оп. 3. Д. 793. Л. 146; ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 27. Л. 80; *Надинский П.Н.* Очерки по истории Крыма. Ч. 2. Симферополь, 1957. С. 230–231.
- ⁴⁰ См.: РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 296. Л. 6 об.; ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 133. Л. 14; Д. 224. Л. 97.
- ⁴¹ См.: РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 54. Л. 6; Ф. 102. Оп. 3. Д. 500. Л. 266; ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 27. Л. 147.
- ⁴² *Четыре года Соввласти в Крыму, 1920–1924.* С. 340.
- ⁴³ РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 54. Л. 6; Ф. 101. Оп. 1. Д. 174. Л. 141; Ф. 102. Оп. 3. Д. 500. Л. 266.
- ⁴⁴ *Оболенский В.* Крым при Врангеле. М.; Л., 1928. С. 61.
- ⁴⁵ См.: РГВА. Ф. 913. Оп. 1. Д. 623. Л. 45; ГА РК. Ф. Р-695. Оп. 1. Д. 6. Л. 63.
- ⁴⁶ См.: РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 116. Л. 42–43; Ф. 102. Оп. 3. Д. 500. Л. 266; *Время* (Симферополь). 1920. 22 окт.; *Таврический голос.* 1920. 28 июля; *Алексеев Н.И.* Из воспоминаний // *Архив русской революции.* Т. 17. Берлин, 1926. С. 249.
- ⁴⁷ См.: РГВА. Ф. 6. Оп. 3. Д. 54. Л. 6; Ф. 102. Оп. 3. Д. 500. Л. 266; ГА РК. Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 29. Л. 11, 28, 104, 109, 208; *Вечернее слово* (Севастополь). 1920. 1 авг., 21 авг.; *Алексеев Н.Н.* Указ. соч. С. 249.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 218. Л. 326; Д. 238. Л. 97.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 500. Л. 266.
- ⁵⁰ См.: РГВА. Ф. 109. Оп. 3. Д. 296. Л. 6 об.; *Таврический голос.* 1920. 11 окт.

Е.А. Кириллова

НЭП И НОВАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА: ОТ ДОМКОМБЕДОВ – К ЖИЛТОВАРИЩЕСТВАМ (Петроград, начало 1920-х гг.)

В статье рассматриваются изменения, происходившие в сфере управления жилищным хозяйством городов Советской России в годы нэпа. На примере Петрограда (Ленинграда) особое внимание уделяется организации и хозяйственной деятельности жилищных товариществ, их взаимоотношениям с органами городской власти. Дается оценка эффективности жилтовариществ как формы управления жильем.

Ключевые слова: новая экономическая политика, Петроград (Ленинград), Исполнительный комитет Петроградского (Ленинградского) губернского Совета, Отдел коммунального хозяйства, жилищная политика, домовый комитет бедноты, жилищные товарищества.

Новая экономическая политика предполагала перевод эксплуатации жилого фонда на экономическую основу: хозрасчет, привлечение и использование инициативы граждан. Разрушение огосударственного жилого фонда городов привело в начале 1920-х гг. к осознанию партийным и советским руководством невозможности осуществления государственной монополии в сфере жилья. В итоге предпринимается попытка передать заботу о нем самим жильцам, для чего в многоквартирных домах создаются органы самоуправления.

История домового самоуправления начинается в России после Февральской революции 1917 г., когда в ходе реформы муниципального управления в доходных домах городов были созданы домовые комитеты из жильцов. Домовым комитетам отводилась роль низших органов городского самоуправления, подчиненных районным думам. Домовые комитеты создавались жильцами для отстаивания своих интересов перед домовладельцем, распределения

нормированных продуктов и товаров среди жильцов, для охраны дома, что стало особенно важным уже летом 1917 г.¹

Решение жилищного вопроса становится одной из ключевых задач в политике большевиков, обещавших обеспечить жильем пролетарское население и ликвидировать неравенство на этой почве. Поэтому жилищная политика играла большую роль в социальных преобразованиях, предпринятых ими. Национализовав крупную недвижимость в городах декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г.², советская власть занялась перераспределением жилой площади и наделением ею неимущих слоев населения. Переселение пролетариата из «трущоб» в «барские квартиры» являлось основой жилищной политики большевиков и затронуло в 1918–1920 гг. в Петрограде большую массу людей – около 225 тыс. человек³, что составляло почти одну треть населения города в 1920 г.

Для поддержания порядка в жилых домах, для решения других насущных вопросов (выполнение трудовой повинности, распределение ордеров на промтовары) большевики вместо прежних домовых комитетов с сентября 1918 г. стали насаждать домовые комитеты бедноты из рабочих и служащих, апеллируя в первую очередь к переселенным в дома буржуазии пролетариям. Но домкомбеды (в начале 1921 г. в Петрограде они были переименованы в домовые комитеты труда – домкомтруда) не смогли взять в свои руки управление домовыми хозяйствами. И дело, видимо, было не столько в неумении членов этих домовых комитетов наладить работу по дому, сколько в отсутствии соответствующих организационных предпосылок. Ибо те же самые люди, которые входили в состав домкомбедов (и в условиях военного коммунизма предпринимали попытки сохранить от разрушения свои дома, чинить водопровод, организовать вывоз мусора), продолжали управлять домами в годы нэпа, но в новых условиях их работа приносила положительные результаты. При этом в домовых комитетах бедноты работали не всегда вновь поселившиеся в домах пролетарии: обычно это были старожилы домов, ставшие советскими служащими⁴.

Считать домкомбеды периода военного коммунизма органами самоуправления населения домов, на наш взгляд, нельзя: они хоть и выбирались пролетарским населением, но находились в подчинении Отдела управления исполкома Петросовета – подразделения НКВД, ведавшего общими вопросами организации работы Совета; учетом, регистрацией населения, поэтому в его состав входило отделение ЗАГС; вопросами поддержания порядка в городе, в его ведении находились милиция, а также формально – ЧК. Отдел управления жестко регламентировал деятельность домкомбедов.

Главной целью их создания являлось не ведение хозяйства, а контроль за выполнением распоряжений советской власти и наблюдение за жильцами с целью недопущения контрреволюционных собраний, укрывательства белогвардейцев и шпионов, а также доставки мешочниками продовольствия⁵.

Новая экономическая политика способствовала появлению новой формы управления жильем гражданами – жилищных товариществ. Во многих домах жители были готовы взять на себя заботу о своем жилье, даже если оно находилось в руках государства, которое предоставляло его им в пользование. Для этого государство должно было обеспечить жильцам некоторые права в отношении жилья: не выселять без суда, дать возможность распоряжаться квартплатой и жилой площадью в рамках аренды. И гарантировать хотя бы относительную неизменность установленного порядка в жилищной сфере. Члены жилтовариществ не являлись владельцами жилья – недвижимость в городах находилась в собственности городских Советов, в состав исполкомов которых входили коммунальные отделы, в Петрограде – Петроградский губернский отдел коммунального хозяйства (Петрогуботкомхоз). В структуре коммунальных отделов были созданы жилищные подотделы (обычно называемые жилотделами), которые непосредственно ведали жильем фондом. Тем более показательна способность и готовность жильцов взять в свои руки хлопотную обязанность по управлению и содержанию недвижимости, не являвшейся их собственностью и находившейся в довольно запущенном состоянии после долгих лет бесхозной эксплуатации.

Декреты советского правительства 1921 г. были направлены на то, чтобы привлечь жителей домов к участию в восстановлении и ремонте «своих» домов, гарантируя им за это право проживания на занимаемой площади (к примеру, декрет от 23 мая 1921 г. «О мерах улучшения жилищных условий трудящегося населения и о мерах борьбы с разрушением жилищ»⁶). Декреты содержали лишь общие положения о новой экономической политике в сфере жилья. Исполкомы местных Советов должны были конкретизировать их, согласуясь с местными особенностями.

Петроградский губернский исполком издавал свои обязательные постановления, касающиеся преобразований в жилищной сфере. 21 декабря 1921 г. вышло обязательное постановление «О реорганизации управления и порядка пользования недвижимыми имуществами в Петрограде»⁷, которое устанавливало, что в домах с числом квартир более четырех, занятых частными жильцами, в двухнедельный срок образуются жилищные товарищества, дей-

ствующие на основе публикуемого нормального устава. Существовавший аппарат домовых комитетов труда с момента образования жилтовариществ упразднился, говорилось далее в постановлении. Таким образом, жилтоварищества создавались взамен не оправдавших себя домкомтруда.

Первый нормальный устав жилищных товариществ в Петрограде, подписанный за секретаря Петрогубисполкома С. Митрофановым и заведующим Откомхозом Н. Ивановым, был опубликован 31 декабря 1921 г.⁸ Он предоставлял жилтовариществам такие права: принять дом в свое управление и хозяйственное заведование на основании договора с Петрогуботкомхозом; сдавать жилые помещения в аренду самостоятельно, получать с жильцов квартирную плату; заключать всякого рода имущественные договора (ссуды, займы); нанимать и увольнять служащих; заготавливать топливо; производить денежные раскладки между жильцами при отсутствии наличных средств на неотложные расходы; выселять судебным порядком жильцов, нарушающих внутренний распорядок и наносящих ущерб дому; вступать в объединения с другими товариществами с согласия органов коммунального хозяйства; возводить новые постройки с разрешения органов коммунального хозяйства.

На жилтоварищества были возложены обязанности: выполнение ремонта дома; содержание дома в безупречном санитарном и гигиеническом состоянии; своевременное внесение всех государственных и коммунальных сборов и налогов; выполнение всех натуральных повинностей; соблюдение противопожарных мер. Товарищество обязывалось также иметь необходимый для обслуживания дома штат служащих и исполнять обязанности «заботливого и добросовестного домоуправления», в том числе обязанности, возлагаемые милицией. Товарищество пользовалось всеми правами юридического лица.

Итак, жилтоварищество имело довольно обширные права и обязанности, отличающиеся от таковых домовладельца только одним – невозможностью проводить какие-либо сделки купли-продажи с недвижимостью.

Дома передавались в хозяйственное пользование товариществам на началах безвозмездности, по особому договору с Петрогуботкомхозом. Членом жилтоварищества мог быть каждый проживавший в доме, кроме лиц, лишенных гражданских прав по Конституции.

С образованием жилищных товариществ была ликвидирована двойственность в сфере управления жильем: жилтоварищества находились в подчинении не Отдела управления, а Отдела комму-

нального хозяйства, которое ведало муниципализированным жилищным фондом. Предоставление жилтовариществам функций управления и эксплуатации жилья вернуло в дома заинтересованных управленцев, стремящихся сохранять и поддерживать дома в порядке⁹.

Документы некоторых жилтовариществ Петрограда-Ленинграда (47 адресов) сохранились в фонде 7965 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). В основном это протоколы заседаний правлений и общих собраний жильцов домов, а также некоторые акты (ревизий), договоры (об аренде домов, квартир), списки жильцов, ведомости квартирной платы.

С документами этого фонда работала немецкая исследовательница Ю. Обертрайс. Результатом стала история одного ленинградского дома, вошедшая в ее монографию, посвященную советской жилищной политике¹⁰. Обертрайс рассматривает по протоколам жилтоварищества и Жакта повседневную жизнь и судьбы жителей этого дома, конфликты, возникающие между ними на почве совместного проживания, а также механизмы вмешательства власти в обыденную жизнь горожан.

Количество жилтовариществ росло очень быстро, они образовывались активно: на 1 января 1923 г. в Петрограде было зарегистрировано 5526 жилтовариществ¹¹. В 1924 г. в городе насчитывалось 7635 жилтовариществ, в управлении которых находились три четверти жилого фонда¹². Большая часть горожан проживала в домах жилтовариществ.

Жилтоварищества выбирали правления из трех человек и двух кандидатов, которые непосредственно занимались решением вопросов управления и заведования домами, были подотчетны общему собранию жильцов. По уставу правление жилтоварищества выбиралось сроком на один год, по истечении срока полномочий оно должно было отчитаться в своей деятельности перед общим собранием, которое выбирало правление на следующий год.

Первоначально состав правлений не контролировался сверху. Жилтоварищества организовывали наиболее активные жильцы домов, обычно это были более образованные граждане, проживавшие в доме уже давно, старожилы, не желавшие мириться с творившейся в доме разрухой. Вскоре в Откомхозе поняли: правления жилтовариществ оказались в руках «классовых врагов», «новых буржуев и бывших интеллигентов». Вопрос для партийно-советских властей города был принципиальный: фонд муниципального жилья должно обслуживать пролетарское население, а этого не добиться, если домами управляют «непролетарские элементы», ведь

жилтоварищества имели право распределять жилплощадь в своих домах¹³. Полученный состав правлений не соответствовал идее активного участия пролетариата в управлении домами. Городские власти вынуждены были признать пассивность рабочего класса в этом новом важном деле, даже коммунисты не посещают общих собраний жильцов дома¹⁴, поэтому должны были вмешаться.

Из Откомхоза тревога по поводу засилья непролетарских элементов в правлениях жилтовариществ и невозможности соблюсти «классовую линию» в жилищной сфере передалась выше, в руководящие органы партийной и советской власти города. Вопрос о реорганизации жилтовариществ не раз поднимался на заседаниях бюро Петроградского губкома партии большевиков летом 1922 г. Выступавший на бюро губкома 24 августа 1922 г. заведующий Откомхозом Н.И. Иванов говорил о необходимости пересмотреть устав жилтовариществ с тем, чтобы усилить преимущества рабочих и уменьшить права буржуазии в правлениях. Было принято решение создать комиссию в Откомхозе для пересмотра устава, а его проект представить на утверждение бюро губкома¹⁵.

Нормальный устав жилтовариществ был доработан созданной комиссией, новый вариант его был принят Петрогубисполкомом и опубликован 27 сентября 1922 г.¹⁶ В него было внесено такое важное дополнение: теперь жилищный отдел утверждал состав правлений, а также имел право, если состав правления его не устраивал или оно было выбрано общим собранием не в полном составе, ввести в правление до 1/3 членов по своему усмотрению из числа членов жилтоварищества. Несомненно, таких назначенных членов предполагалось подбирать по классовому принципу с целью усиления влияния пролетарских элементов в правлениях.

После внесения изменений в устав Петрогуботкомхоз организовал кампанию по «орабочиванию» правлений жилтовариществ: под руководством районных жилотделов необходимо было переизбрать правления, с тем чтобы ввести в их состав подходящих по социальному положению членов, «прийти на помощь рабочему классу в борьбе с буржуазными правлениями домов, вытеснить нетрудовой элемент из правлений»¹⁷. Такие кампании проводились и в последующие годы, в 1923 и 1924 гг., и широко освещались в прессе. Когда в январе 1923 г. в городской прессе подводились итоги первой кампании по перевыборам в жилтовариществах, то рапортовалось, что перевыборы проходили успешно в смысле орабочивания правлений – в правления выбирались рабочие и служащие¹⁸.

Реальная ситуация в правлениях жилтовариществ значительно отличалась от официальных сообщений, и кампании Советской

власти по перевыборам правлений жилтовариществ незначительно влияли на изменение состава правлений. Даже если перевыборы в жилтовариществе назначались Откомхозом и руководил собранием по перевыборам присланный из Откомхоза хорошо «подкованный» по вопросам классовой жилищной политики инструктор (что случалось далеко не в каждом жилтовариществе), то жильцы выбирали в правление членов, которым доверяли¹⁹.

Перевыборы в жилтовариществах проводились, но проходили они чисто формально, так как больших изменений в составе правления после перевыборов не наблюдалось. Состав правлений, особенно лица, занимавшие должность его председателя, менялись чаще в связи с отказами членов выполнять эти обязанности, чем с перевыборами. Заявления об отказе от должности председателя подавались часто во всех правлениях. За должность председателя не держались, она была хлопотной. Председатель нередко оказывался меж двух огней: он должен был выполнять требования чиновников жилотдела и при этом действовать в интересах своих жильцов, которые его выбрали²⁰.

Членами правлений жилтовариществ часто становились те же самые жильцы, которые организовывали домовые комитеты в 1917 г., руководили домкомбедами с 1918 г.²¹ Преемственность правлений позволяет заключить, что их члены приобрели к началу 1920-х гг. большой опыт управления домохозяйствами в неблагоприятных экономических условиях.

По результатам первой кампании по перевыборам правлений Откомхозу почти не пришлось прибегать к крайней мере – назначению своих представителей в правления, что признавалось им в прессе. На 4,5 тыс. переизбранных правлений Откомхозом были назначены не более 10 правлений²². Таким образом, реальное вмешательство жилотделов в результаты выборов правлений жилтовариществ происходило редко.

Правление являлось исполнительным органом жилтоварищества и подчинялось общему собранию жильцов, которое было высшим органом управления. Время и место общих собраний надо было сообщать в районный жилищный отдел, который мог командировать на собрание своего представителя для контроля, как устанавливал устав жилтовариществ.

В жилтовариществах 1921–1925 гг. общие собрания проводились часто, четыре-пять раз в год, иногда для решения неотложных вопросов жильцы собирались даже восемь раз в год. Частота проведения собраний указывает на большое количество сложных вопросов, которые необходимо было срочно решить, что могло сделать только собрание жильцов.

Что касается посещаемости собраний, то в среднем от дома с населением около 200 человек на собрание приходили 30–40 жильцов, в лучшем случае 60. Но на собраниях присутствовали представители всех квартир (что подтверждается поквартирными списками присутствующих, которые велись на каждом собрании), следовательно, информация о происходящем на собраниях доводилась до сведения жильцов всех квартир. Учитывая добровольность посещения общих собраний, следует считать такое количество присутствующих на собраниях показателем хорошей активности жильцов.

Основными вопросами, которые решались общим собранием членов жилтоварищества, были: выборы правления и ревизионной комиссии; заслушивание годового отчета правления о проделанной работе и пере выборы правления; разрешение на проведение дополнительных сборов с жильцов, повышение квартплаты; утверждение плана проведения ремонтных работ, т. е. больших трат; утверждение на должность управдома, разрешение нанять или уволить служащих дома (дворников), утверждение вознаграждения служащим и членам правления; некоторые другие срочно возникшие проблемы (принятие мер против неплательщиков, передача освободившейся жилой площади в спорных случаях). Решение большинства этих вопросов возлагалось на общие собрания уставом жилтовариществ. Но на практике функции собраний жильцов значительно расширялись самими жилтовариществами. В каждом жилтовариществе существовала своя специфика: иногда в повестку дня общих собраний включались пункты, касающиеся взаимоотношений между жильцами дома и участникам собрания приходилось улаживать разнообразные конфликты.

Схожесть вопросов, решаемых на общих собраниях и заседаниях правлений жилтовариществ, указывает на то, что наиболее важные, спорные проблемы выносились на общее решение жильцов. Поэтому можно утверждать, что в управлении домом участвовал широкий круг лиц и присутствовало стремление этот круг расширить.

Жилтоварищества, в отличие от прежних домовых комитетов бедноты, получили хозяйственную самостоятельность. Жилтоварищества были независимы в финансовых вопросах: устав предоставлял им право собирать квартплату с жильцов и распоряжаться ею. Из этих средств жилтоварищества несли все расходы по дому: расплачивались за коммунальные услуги, за страхование дома, за работу служащих дома – дворников, сторожей, управдома, а также проводили ремонт в доме. Хотя нормы оплаты жилой площа-

ди регулировались постановлениями Петроисполкома, раскладка квартплаты по квартирам была предоставлена правлениям.

Сложность раскладки квартирной платы заключалась в том, что квартплата в то время взималась дифференцированно, в зависимости от категории плательщика: рабочие, зарегистрированные безработные, члены семей красноармейцев платили по низшей ставке, зато граждане, занятые предпринимательством (нэпманы, торговцы), лица свободного труда (врачи, адвокаты, имеющие частную практику) должны были платить больше. Для определения социального положения жильцов правления собирали с них справки о месте работы и доходах. Ставки квартплаты повышали в начале 1920-х гг. часто (в 1922 г. – дважды), доходы жильцов тоже менялись, правления должны были перерасчитывать квартплату. Кроме того, существовало много спорных и не учтенных в законах и положениях случаев (причисление некоторых жильцов к определенной категории плательщиков представляло собой непростую задачу), по которым правления должны были принимать решения.

Первоначально квартирная плата, назначенная Петроисполкомом, была очень низкой: в этом также видели защиту интересов пролетариата. Квартплата постепенно повышалась, но не настолько, чтобы покрыть все расходы жилтовариществ. Для выхода из тяжелой финансовой ситуации у правлений жилтовариществ было единственное средство – проводить дополнительные обложения жильцов. Это разрешалось уставом при согласии общего собрания жильцов. К дополнительным раскладкам постоянно прибегали во всех жилтовариществах, иначе невозможно было оплатить все расходы, тем более проводить ремонт. При этом в документах жилтовариществ не содержится упоминаний о пререканиях между жильцами по поводу дополнительных обложений, решения об этом принимались обычно единогласно²³, что говорит об ответственном отношении жильцов к судьбе своего дома.

Жилтоварищества получали дом в бесплатную аренду на условиях проведения в нем ремонта. С первых дней своего существования жилтоварищества должны были проводить многочисленные ремонтные работы, с 1914 г. ремонт в домах не велся, что сказалось самым отрицательным образом на состоянии жилого фонда. Свою негативную роль сыграло также небрежное отношение жителей к жилью в предыдущие годы, особенно это касалось новых переселенцев, которые не чувствовали устойчивым свое положение в доме, а нередко просто не умели пользоваться оборудованием домов (засоряли канализацию, в зимние месяцы из-за нехватки дров разбирали деревянные части домов).

Среди самых неотложных работ в домах были: ремонт крыши, водопровода и канализации, очистка от мусора чердака и подвала, утепление подвала, чтобы зимой не замерзали водопроводные трубы. Мелким текущим ремонтом жилтоварищества занимались непрерывно, вопросы ремонта обсуждались на каждом общем собрании и на каждом заседании правления. Несмотря на непростую финансовую ситуацию, ремонт в домах жилтоварищества проводился. На ремонт дома приходилась самая большая статья расходов жилтовариществ – 30–40 %²⁴.

Жилтоварищества были в состоянии не только организационно провести крупные ремонтные работы в домах, но также отыскать необходимые для этого немалые денежные средства. За 1923 г. в Петрограде были восстановлены или подверглись капитальному ремонту 368 домов. Из них на долю жилтовариществ приходился 141 дом, на долю частных арендаторов – 84 дома, Откомхоз и районные коммунальные отделы восстановили 74 дома, промышленные заведения и тресты – 36, ведомства – 33 дома²⁵. Немалую работу провели жилтоварищества по ремонту водопровода. Так, по данным 1923 г., в Петрограде водопровод не действовал в 12,67 % муниципальных домов (т. е. находившихся в ведении Откомхоза), в то время как в домах, переданных товариществам, он не действовал всего в 4,23 % домов, подключенных к водопроводу²⁶. Эти цифры свидетельствуют о том, что жилтоварищества были эффективной формой управления жильем. Усилия жилтовариществ по ремонту домов оценили даже официальные лица. В 1925 г. заведующий Откомхозом Н.И. Иванов, отчитываясь о работе своего учреждения, сказал: «Благодаря организации жилищных товариществ мы смогли сохранить наши дома»²⁷.

Другой важной функцией жилтоварищества являлось распределение жилой площади в своем доме. Руководство коммунальным хозяйством города отказывалось от права распределения жилья в муниципализированных домах и отдавало его жилтовариществам. Распределением занимались правления жилтовариществ на своих заседаниях, решения фиксировались в протоколах. Жилплощадь в Петрограде в первой половине 1920-х гг. получить было еще довольно легко: значительное сокращение населения города за 1918–1921 гг. привело к тому, что свободного жилья было достаточно.

Жилплощадь распределялась правлением среди членов жилтоварищества, желающих улучшить свои жилищные условия, по заявлениям и в порядке очереди, если таковая была. На освободившуюся площадь в доме претендовали обычно один-два жильца²⁸. При наличии нескольких претендентов члены правления сами ре-

шали, кто более нуждается, и передавали ему жилье, при этом они руководствовались основаниями, которые казались им важными (например, жилец имеет детей, давно живет в доме).

Лишь при отсутствии своих претендентов на жилплощадь можно было взять нового жильца, вывесив объявление о сдаче на воротах дома. В этом случае правление могло выбрать более платежеспособного претендента, помня о необходимости пополнения домово́й кассы. Обычной практикой в годы нэпа было требование с таких посторонних жильцов платы за право въехать в дом – «въездных» денег. Такая плата нигде не фиксировалась, она была незаконна, но она взималась, хотя органы городской власти безуспешно пытались бороться с этим²⁹.

Таким образом, жилтоварищества имели большие права при ведении хозяйства своего дома и могли реализовать их на практике.

В 1924 г. в правительстве оформилась идея о переводе жилтовариществ всей страны на единый кооперативный устав. Декрет ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации» от 19 августа 1924 г. содержал уставы жилищно-строительных и жилищно-арендных кооперативных товариществ (Жактов)³⁰. Главная цель этого декрета заключалась в том, чтобы побудить горожан объединяться в строительные кооперативы и самим строить себе жилье. Жилтоварищества же, превращаясь в Жакты, становились полноправными арендаторами жилого дома у жилищного отдела и платили арендную плату, как все арендаторы. Жакты объявлялись свободными от опеки жилотделов, становились самостоятельными хозяйственными и юридическими лицами. Между тем они по-прежнему должны были проводить ремонт в своем доме и нести другие обязанности домовладельца. Жилтоварищества не спешили переходить на новый устав, поэтому городскими властями Ленинграда в 1925 г. была организована новая кампания – по переводу жилтовариществ на кооперативный устав. Переход на него всех жилтовариществ следовало завершить до 15 декабря 1925 г.³¹ Так жилтоварищества Ленинграда были директивно реорганизованы в Жакты.

Таким образом, жилищные товарищества Петрограда (Ленинграда) первой половины 1920-х гг. работали на основе нормативного устава, принятого Петрогубисполкомом. Этот устав предоставлял товариществу как коллективному арендатору жилья обширные права, но при этом налагал многочисленные обязанности, каких не имели съемщики жилья до прихода к власти большевиков. Жилтоварищества существовали в сложных условиях: экономическая ситуация в стране была неустойчивой, партийно-государственные руководители страны (и Петрограда в том чис-

ле) не решились на предоставление подлинной самостоятельности жилтовариществам. Откомхоз, исполняя партийные директивы, должен был проводить «классовую линию» в жилтовариществах, сделать их проводниками классовой политики прежде всего путем регулирования социально-политического состава выборных правлений. Жилотделы хотели видеть своих кандидатов в правлениях – жилтоварищества упрямо выбирали своих. Эти кандидаты выражали интересы коллектива, умели мобилизовать его на домовые работы. Именно по этой причине деятельность жилтовариществ оказалась успешной. Жилой фонд Петрограда (Ленинграда) был сохранен и восстановлен большей частью благодаря усилиям жилтовариществ.

Примечания

- ¹ Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура в России: 1917–1921 г. СПб., 2007. С. 52–56.
- ² Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства (СУ РСФСР). 1918. № 62. Ст. 677.
- ³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД). Ф. 16. Оп. 3. Д. 4622. Л. 5 об.–6.
- ⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 4, 122; Д. 93. Л. 13, 48, 107; Д. 9. Л. 1–1 об.
- ⁵ Северная Коммуна (Петроград). 1919. 30 янв.; ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 103, 168.
- ⁶ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 253.
- ⁷ Вестник Петросовета (Петроград). 1921. 21 дек.
- ⁸ Там же. 31 дек.
- ⁹ Кириллова Е.А. Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей // Новый исторический вестник. 2013. № 3 (37). С. 75–77.
- ¹⁰ Obertreis Ju. Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie, 1917–1937. Köln, 2004. S. 284–342.
- ¹¹ Петроботкомхоз в 1922 г.: Отчетные данные. Пг., 1923. С. 81.
- ¹² Филиппов Н. Союз жилищных товариществ и его задачи // Жилищное дело (Петроград). 1924. № 1. С. 12.
- ¹³ Кириллова Е.А. Указ. соч. С. 78–80.
- ¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 3183. Оп. 1. Д. 31. Л. 7 об.
- ¹⁵ ЦГА ИПД. Ф. 16. Оп. 1. Д. 486. Л. 201.
- ¹⁶ Вестник Петросовета (Петроград). 1922. 27 сент.

- 17 См.: Ко всем жилищным товариществам и нашим читателям // Жилищное дело (Петроград). 1924. № 1. С. 2; *Линов С.* Ставка на районные органы Жилищного Союза // Там же. № 3. С. 2.
- 18 Красная газета (Петроград). 1923. 21 янв.
- 19 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 125. Л. 5; Д. 128. Л. 3.
- 20 *Кириллова Е.А.* Указ. соч. С. 87–90.
- 21 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 92. Л. 12 об., 122, 135; Д. 93. Л. 13, 19, 109.
- 22 Красная газета (Петроград). 1923. 21 янв.
- 23 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 1. Л. 17; Д. 93. Л. 38; Д. 125. Л. 30.
- 24 Там же. Д. 1. Л. 90 об.
- 25 *Иванов Н.И.* Восстановление Ленинграда (доклад на V Губернской конференции коммунальных работников) // Вопросы коммунального хозяйства. 1924. № 1. С. 33.
- 26 Всесоюзная городская перепись 1923 г.: Итоги переписи владений, строений и квартир в поселках городского типа. Вып.1: Владения и строения. Европейская часть РСФСР. М., 1924. С. 138.
- 27 Общегородская конференция Союза. Работа Откомхоза: Доклад Н.И. Иванова // Жилищное дело (Петроград). 1925. № 2. С. 68.
- 28 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 3. Д. 1. Л. 50, 69.
- 29 См.: Вестник Петросовета (Петроград). 1922. 27 сент.; На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х гг. СПб., 2000. С. 165.
- 30 Собрание Законов и Постановлений Рабоче-крестьянского Правительства СССР (СЗ СССР). 1924. № 5. Ст. 60.
- 31 Справочник коммунального работника. 1924. М., 1924. С. 71.

Н.С. Тимофеева

ЕГИПТОЛОГ В.И. АВДИЕВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ПУТИ В НАУКЕ

На основе материалов Архива Российской академии наук освещается творческий путь советского ученого В.И. Авдиева и его влияние на формирование московской школы египтологии в 1930–1970-е гг. Уникальное эпистолярное наследие В.И. Авдиева позволяет составить представление о повседневности ученого и взаимоотношениях внутри научного сообщества в контексте советской действительности.

Ключевые слова: В.И. Авдиев, Академия наук СССР, Музей-Институт Классического Востока, Институт востоковедения АН СССР, востоковедение, московская школа востоковедения, Архив Российской академии наук.

Использование архивных документов, сохранившихся в составе личных фондов ученых, дает возможность ликвидировать пробелы в истории науки, реконструировать научный путь и биографии многих ученых. Так, хранящийся в Архиве Российской академии наук личный фонд советского ученого-египтолога Всеволода Игоревича Авдиева (1898–1978) – фонд 1782 – достаточно полно раскрывает его научно-педагогическую деятельность. Документы поступили на хранение в Архив АН СССР тремя частями, в 1983 г., 1984 г. и 1985 г., от его вдовы З.С. Авдиевой. Опись фонда включает шесть разделов: «Научные, научно-популярные труды и материалы к ним», «Биографические документы», «Документы о научно-организационной педагогической и общественной деятельности», «Переписка и Дарственные надписи», «Изобразительные документы», «Труды и письма других лиц». Всего в фонде 426 дел, крайние даты документов: 1879–1983 гг.

Особую ценность представляют письма, на примере которых можно составить впечатление о методах его работы и способах решения поставленных задач. Переписка с В.М. Викентьевым,

В.В. Струве, М.Э. Матъе, а также письма И.В. Сталину, Л.П. Берии, М.А. Суслову, С.П. Трапезникову характеризуют ученого определенным образом. Уникальное эпистолярное наследие имеет свою специфику, в данном случае это письма как личного, так и общественного содержания.

В автобиографии Авдиева, составленной в 1953 г., говорилось: «Родился в 1898 году, в Москве, в семье юриста (присяжного поверенного). В 1916 г. окончил в Москве классическую гимназию с серебряной медалью и поступил на Историческое отделение Московского Университета... Моя научная работа по истории Древнего Востока, в частности египтологии, началась в 1920 г. в Государственном Историческом Музее, где я работал над научным описанием древневосточных памятников. В 1924 г. приказом Главного Наркомпроса [так он назвал народного комиссара просвещения. – Н. Т.] я был переведен со всеми древневосточными собраниями в Государственный Музей Изобразительных искусств, где я последовательно занимал должности старшего научного сотрудника, научного хранителя, заведующего отделом Древнего Востока, консультанта и заместителя директора по научной части, проработав в этом музее до конца 1941 года»¹.

В автобиографии не упоминается об огромном влиянии, которое оказал на формирование Авдиева российский ученый-египтолог В.М. Викентьев, эмигрировавший в 1922 г. в Каир. Очевидно, умалчивание этого факта было обусловлено политическими мотивами, так как любая ссылка на контакты с эмиграцией в те годы могла стать роковой точкой в карьере.

В 1920 г. Викентьев пригласил Авдиева на работу в Исторический музей и в Музей-институт классического Востока, задачей которого было коллекционирование, изучение и хранение археологических и художественных памятников Древнего Востока. Здесь Авдиев работал над научным описанием собрания памятников восточного искусства из частных коллекций, составлением специализированных каталогов. К 1924 г. коллекция Музей-института классического Востока насчитывала свыше 4000 предметов, однако в связи с трудным финансовым положением он был закрыт, а его коллекции пополнили фонды Музея изящных искусств, куда Авдиев перешел помощником хранителя Восточного отдела².

В 1922 г. Викентьев уехал в Египет, в Каир, но это не помешало общению между учеными³. Сохранившаяся переписка отчетливо показывает желание Авдиева привлечь авторитет эмигрировавшего ученого для решения служебных вопросов. Так, в письме от 1 ноября 1926 г. Викентьеву в Каир он написал (здесь и далее при-

водятся документы с сохранением пунктуации и орфографии автора): «Теперь представилась для меня некоторая возможность [поступить] в Научно-Исследовательский Институт Востоковедения. Попасть туда для меня чрезвычайно важно, ибо это сильно укрепит мое научное и материальное положение и откроет для меня одну из дверей, ведущих в страну пламенного Ра. Покамест мне необходимо заручиться несколькими научными рекомендациями, и, конечно, в первую очередь, я подумал о Вас. Поэтому я прошу Вас прислать мне на отдельном листе рекомендации, указав в ней на мою научную квалификацию и мою научную работу, которая протекала на Ваших глазах в МИКВ, которая Вам известна по моей книге “Древнеегипетская реформация” и по моим письмам»⁴.

При изучении фонда Авдиева удалось найти отзыв Викентьева о его научной деятельности, весьма положительный, присланный из Каира в ноябре 1926 г. В нем Викентьев писал: «О научной деятельности Всеволода Игоревича Авдиева могу сообщить нижеследующее: в течение нескольких лет, в годы войны и революции, он состоял научным сотрудником Отдела Иноземных Памятников и Музея-Института Классического Востока, введенных моему управлению. На этой должности он всегда проявлял любовь к делу и строгую ответственность, качества, столь ценные, при научной издательской деятельности, составляющей основу музейного дела. Занимаясь приведением в порядок выставочных коллекций, он в то же время каталогизировал специальную выставочную библиотеку и прилагал усилия к ее пополнению зарубежными изданиями. После моего отъезда для научной работы в Египет в конце 1922 года я не переставал поддерживать с ним переписку и смог неизменно констатировать, что ни плохое здоровье, ни трудные материальные условия не смогли сломить его интересы к востоковедению»⁵.

Также из писем можно узнать о просьбах Авдиева Викентьеву командировать его в Египет для научно-исследовательской работы. Поддержки эти просьбы не получили, а содержание и формулировки характеризуют ученого весьма двусмысленно. Вот одно из них: «Моей постоянной мечтой все еще остается мечта попасть в Египет и отдать себя ЦЕЛИКОМ египтологической работе под Вашим руководством. Вы не можете себе представить, как меня мучает мысль о том, что я теряю свои лучшие годы в Москве, да и не могу приобщиться к той великой и грандиозной работе, которая делается там, у подножья сфинкса и пирамид. Мыслями и мечтой я там. Я верю, что буду там. Это единственная цель моей жизни»⁶.

В 1920-е гг. Авдиев наладил сотрудничество с коллегами из

Ленинграда, в частности с В.В. Струве. Это очень важный момент для характеристики востоковедческих школ Москвы и Ленинграда, так как Авдиев и Струве оказали большое влияние на формирование египтологии в двух столицах. Московская школа, представленная учеными-марксистами, была крайне заинтересована в привлечении ученых ленинградской школы, продолжателей традиций петербургского академического востоковедения.

Обращение к письмам, которыми обменивались эти два исследователя, позволяет установить научное содержание отношений между ними: обмен фотографиями папирусов, нужных для научной работы. В письме от 15 октября 1926 г. Авдиев писал:

Милый Василий Васильевич! Спешу Вас уведомить о том, что по моему ходатайству Ученый Совет постановил в последнем своем заседании выслать Вам полный комплект фотографий с математического папируса Голенищевского собрания и одновременно попросить через Вас Государственный Эрмитаж о высылке Музею Изящных искусств полного комплекта фотографий с Эрмитажного папируса Несмина, содержащего текст Книги Мертвых. Я твердо уверен в том, что Вы сделаете все возможное для того, чтобы получить для меня эти фотографии, которые столь нужны мне для моих работ. Я со своей стороны рад тому, что мне удалось, наконец, не смотря на некоторые трудности получить для Вас разрешение на высылку нужных вам фотографий. Теперь я буду всячески торопить нашего фотографа для того, чтобы он скорее выполнил для Вас эту работу...⁷

С 1931 г. началась преподавательская деятельность Авдиева в высших учебных заведениях, главным образом в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ) после его слияния с МГУ. Позже, с 1939 г., – в Высшей партийной школе ЦК КПСС, а с 1941 г. – также и в Московском университете.

Письмо, отправленное Авдиевым 12 октября 1941 г. И.В. Сталину с предложением использовать свои знания в области идеологической борьбы с фашизмом, содержало завуалированное желание скорейшей эвакуации в Ташкент.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В грозный для нашей дорогой советской родины час я от своего лица и от лица многих своих товарищей по научной работе в области истории хочу заверить Вас, что мы все как один человек встаем на защиту своего дорогого отечества от диких орд, ворвавшихся в нашу советскую страну.

Но в то же время, вспоминая историческое обращение Максима Горького к Ленину в 1919 г. о необходимости улучшения положения научных работников, я беру на себя смелость сказать Вам, что в Москве много старых, больных и немолодых ученых, которых сейчас надо во что бы то ни стало сохранить для будущего, для того расцвета нашей великой, советской родины, который, конечно, наступит после разгрома доблестной Красной Армии диких фашистских банд.

Я уверен в том, что Вы сделаете все возможное для спасения жизни преданных коммунизму советских ученых, которые готовы все свои последние силы отдать своей родине.

Я думаю, что во исполнение последнего постановления ЦК ВКП (б) об усилении агитационно-массовой работы Центральный Комитет мог бы с успехом использовать работу этих ученых на самых разнообразных участках и в самых различных частях нашей великой страны. Я сам, перед самой войной, вступил в коммунистическую партию, работая в качестве агитатора Киевского райкома от Института истории Академии Наук, мог бы в этом деле сделать многое, так как я владею тремя иностранными языками и за последнее время основательно ознакомился с фашистской и антифашистской иностранной литературой.

Сейчас нам нужна широкая агитационная работа и серьезная борьба с фашизмом на идеологическом фронте. Я думаю, что мой небольшой вклад в это дело, выразившийся в тех антифашистских статьях, которые мною написаны для Исторического Журнала и для Института истории Академии наук, окажутся полезными в деле идеологической борьбы с фашизмом⁸.

В конце 1941 г. Авдиев вернулся в Москву, где продолжает работать над своей докторской диссертацией на тему «Предпосылки завоевательной политики Египта в Передней Азии в период Нового Царства». После ее защиты в 1944 г. ему были присвоены ученая степень доктора исторических наук и звание профессора⁹.

Большое влияние Авдиев оказал на реформирование советского востоковедения во второй половине 1940-х гг. 16 июня 1946 г. он направил письмо в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), где поставил вопрос о необходимости реорганизации московской группы востоковедения, образованной в 1943 г. из числа эвакуированных из Ленинграда ученых под руководством И.Ю. Крачковского, «что даст возможность шире и глубже поставить научную работу, усилить штаты, организовать библиотеку, развернуть экспедиционную работу, – одним словом, превратить Московскую группу в полнокровный научный организм»¹⁰. Он подчеркнул, что

более ранние обращения «о мерах по укреплению и развитию научного востоковедения», где ставился вопрос об издании научных трудов и организации специального журнала, практических результатов не принесли. В итоге Авдиев пришел к выводу «просить о разрешении журнала “Восток” размером 15–20 печатных листов, выходящего 4 раза в год; принять все меры к скорейшему изданию ученых трудов советских востоковедов; поставить перед Президиумом Академии Наук СССР вопрос о необходимости реорганизации Московской группы в Отделение Института востоковедения Академии Наук СССР с целью дальнейшего развития и укрепления советского востоковедения»¹¹.

Реорганизация, о которой идет речь, стала первым этапом на пути существенных изменений в истории советского востоковедения. В 1950 г. Институт востоковедения АН СССР был переведен в Москву, приоритетным направлением его работы стало изучение современности, а цикл классической ориенталистики остался за ленинградскими учеными. Тем не менее научной школы в Москве не сложилось. «Ограничен был книжный обмен с заграничными научными центрами. Не практиковались научные командировки в страны исследования. К созданию капитальных коллективных, новаторских по содержанию исследований современных процессов конца 1940-х – начала 1950-х гг. Институт востоковедения еще не был готов»¹².

В 1948–1949 гг. был подготовлен проект организации Московского института современного Востока. Струве выступил с инициативой изменить структуру ленинградского филиала, однако бюрократические процедуры сильно затягивали принятие решения, и судьба Института оставалась в подвешенном состоянии. Письмо с политическими обвинениями, направленное Авдиевым 30 мая 1950 г. Л.П. Берии, о неблагополучии в советском востоковедении¹³ встревожило партийное руководство и подтолкнуло к принятию решительных мер. «На дискуссии по вопросу о космополитизме, которая состоялась зимой 1949 г., были в значительной мере вскрыты аполитичность, безыдейность и полный отрыв от современной политической жизни и актуальных научных проблем, характерных для Института востоковедения Академии наук СССР, основная часть которого до сих пор находится в Ленинграде»¹⁴.

На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) был обсужден и одобрен проект постановления ЦК ВКП(б) «Об Институте востоковедения Академии наук СССР»:

«1. Перевести Институт востоковедения АН СССР из Ленинграда в Москву.

2. Ликвидировать Тихоокеанский институт Академии наук и передать кадры этого института Институту востоковедения АН СССР.

3. Освободить т. Струве В.В. от должности директора Института востоковедения АН СССР.

4. Утвердить директора Института востоковедения АН СССР т. Толстова С.П.

5. Утвердить заместителя директора Института востоковедения АН СССР т. Авдиева В.И.»¹⁵.

Став в 1951 г. заведующим кафедрой истории Древнего мира Исторического факультета МГУ, Авдиев вел курсы истории Древнего Египта, Индии и Ирана, источниковедения, историографии, спецсеминары по истории древневосточной культуры и древнеегипетскому языку. Уже в 1953 г., после перевода Института востоковедения в Москву и освобождения от должности его директора В.В. Струве, Авдиев возглавил Институт, в котором создал Отдел Древнего Востока, что благотворно повлияло на развитие московской школы египтологии. Целая плеяда ученых, среди которых были Т.Н. Савельева, И.А. Стучевский, Т.В. Степугина, трудилась здесь, став первоклассными специалистами в области изучения истории и культуры Древнего Востока.

«История Древнего Востока», важнейший труд В.И. Авдиева, был издан трижды: в 1948 г., 1953 г. и 1970 г. В его основе лежали лекции по истории Древнего Востока, читавшиеся им в разных вузах, однако он квалифицировался как самостоятельный научный труд и в этом качестве был удостоен Сталинской премии 1-й степени за 1951 г.¹⁶ Несмотря на это, учебник вызвал критические замечания со стороны ученого сообщества.

Личный фонд Авдиева содержит отзывы на рукопись учебника «История Древнего Востока», на все три издания (Ф. 1782. Оп. 1. Д. 254, 255, 261). Рецензентами, в составе которых были К.К. Зельин, Р.И. Рубинштейн, И.А. Стучевский, П.Г. Акритас, С.С. Соловьева, был дан подробный критический разбор текста. Все авторы приходили к выводу о желательности публикации книги, признавали ценность и актуальность материала в первую очередь для учебных задач, тем не менее рекомендовали внесение огромного количества правок методического характера. Предъявлялись претензии и к фактическому материалу, предлагалось изменение и исправление неточностей, некорректных формулировок. Исходя из пожеланий рецензентов, можно сделать вывод, что ряд рекомендаций был принят Авдиевым лишь частично, несмотря на то, что все критические замечания носили конструктивный характер.

Машинописная рецензия К.К. Зельина на первое издание книги в 1948 г. представляла подробный критический разбор текста. Рецензент писал: «Автор следует в каждой главе совершенно одному и тому же порядку изложения: после краткой характеристики природных условий и источников он переходит к вопросам экономической социальной культуры, государственного строя и затем уже переходит к изложению политической истории данного народа; в конце главы обычно дается очерк культуры. Благодаря этому плану, выдержанному совершенно одинаковым образом на протяжении всей книги, создается впечатление чрезвычайного однообразия хода исторического процесса, вносится определенный и сильно выраженный момент в ущерб полноте и яркости представления об историческом процессе. Читателю, особенно студенту первокурснику, для которого предназначается книга, будет затруднительно выделить именно то, что отличало развитие одной страны от другой»¹⁷.

Часть замечаний касалась историографических проблем: «Общий историографический очерк имеет пробелы: автор от Гегеля переходит к Масперо и Тураеву (стр. 5). Автор дает скорее характеристику не направлений в разработке науки, не течений исторической мысли, а отдельных авторов (стр. 170 след)... желательно было бы, отнюдь не увеличивая размеров книги, ввести хотя бы некоторые элементы историографического обзора»¹⁸.

К учебной литературе, как известно, предъявляются особые требования в отношении точности и фактической стороны. Рецензент обратил внимание на то, что «в отношении хронологии следовало сообщить некоторые сведения о положении вопроса в научной литературе». Зельин указывал на необходимость приложения к учебнику синхронистической таблицы, а также отмечал часто встречающуюся «неопределенность датировок. Автор употребляет общие «выражения: в это время, в эту эпоху» не определяя точно, какой он именно период имеет в виду (стр. 415, 61, 430, 382 и др.). Необходимо устранить эту неопределенность, точно фиксируя время»¹⁹.

В ходе подготовки второго издания труд Авдиева вновь был подвергнут детальному рассмотрению рецензентами.

Р.И. Рубинштейн дала отзыв на главы, посвященные истории Древнего Египта, где более подробно останавливается на XVII главе «Поздний Египет». Она отмечала, что «целый ряд замечаний рецензентов принят автором, им исправлены указанные неточности. Вместе с тем в некоторых случаях автор, очевидно не согласившись с рецензентами, оставил текст без изменений». «Полнее исполь-

зован такой документ, как “Поучение Гераклеопольского царя”, свидетельствующий о социальном расслоении в эпоху Среднего царства, “жалобы крестьянина” для характеристики начавшейся развиваться в этот период внутренней торговли. Однако этому тексту не повезло в учебнике. Автор и во втором издании продолжает называть рабом Тхутинахта, правителя дома придворного Ренси (стр. 224), хотя на это нет никаких указаний в тексте; а один осел, которого хозяин гонит в город на базар, назван “маленьким караваном” (стр. 214)»²⁰.

И.А. Стучевский в отзыве на рукопись третьего издания учебника также отметил: «Вряд ли можно утверждать, что в “Повести о красноречивом крестьянине” “крестьянин встретил на своем пути рабов знатного аристократа” (стр. 204). В данном случае речь идет о некоем Тхутинахте, который назван “джет” номарха. Однако этот “джет” был богат, имел дом, поле, слуг, различное имущество. Он был зависимым от номарха человеком, но не рабом»²¹.

Личный фонд Авдиева содержит два письма секретарю ЦК КПСС М.А. Суслову, датированные декабрем 1961 г., и обращения в Отдел науки ЦК КПСС на имя С.П. Трапезникова, два недатированных письма, но очевидно, что речь идет о 1966 и 1971 гг., так как идет ссылка на XXIII и XXIV съезды КПСС²².

В 1960-е гг. в Египте сооружалась Асуанская плотина. К югу от нее образовалось озеро Насер протяженностью несколько сотен километров. Его воды создавали сильную угрозу сохранности египетских памятников. В разгар строительства ЮНЕСКО объявила кампанию по сохранению памятников Нубии. В ней приняли участие и археологи из СССР.

В письмах к М.А. Сулову ученый просил разрешения организовать археологическую экспедицию в Египет, которая приобретала особое значение в связи со строительством Асуанской плотины. «В настоящее время этот вопрос осложнился тем, что конгресс США уже вотировал расход в шесть миллионов долларов на раскопки в Нубийской Долине и на перенос древнеегипетских памятников с целью оказания помощи ОАР. Вместе с тем можно предполагать, что в капиталистических странах будет развернута пропаганда против Советского Союза, обвиняющая нас в том, что мы почти не участвуем в международной кампании спасения единственных по своей исторической и художественной ценности древнеегипетских памятников Нубийской Долины, которым грозит затопление. Поэтому необходимо принять какие-то меры, чтобы эту пропагандистскую кампанию предотвратить»²³.

Археологическая экспедиция АН СССР, возглавляемая Б.Б. Пиотровским, вела раскопки на юге Египта в декабре 1961 – марте 1962 г. В ее состав входили О.Г. Большаков, А.В. Виноградов, Н.Я. Мерперт. Для раскопок были выбраны участок долины Нила длиной 30 км, а также район Вади Аллаки, по которому в древности шел путь к каменоломням и золотым рудникам. Это была первая за всю историю отечественной науки экспедиция в Нубию. Ее итогом были многочисленные находки²⁴. Экспедицией было обнаружено 200 древнеегипетских надписей времени XVIII, XIX и XX династий египетских фараонов, но особый интерес представила находка двух надписей VI династии с именами египетских сановников Хенуса и Уни.

В обращениях к заведующему Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникову Авдиев акцентировал внимание на «недостатках» в изучении основных проблем исторической науки и ее преподавания. Авдиев писал о забвении основных принципов марксистско-ленинского учения о прогрессивной смене социально-экономических формаций, а азиатский способ производства, проблемы изучения которого остро обсуждались в 1960-е гг.²⁵, интерпретировал как неустойчивую и крайне противоречивую теорию. Он писал: «Для того чтобы дать достойный отпор всякого рода реакционным теориям, следует реорганизовать существующий при Институте истории АН СССР сектор методологии истории, введя в него крупных, широко образованных и теоретически сильных специалистов в области исторической науки. Этот сектор должен систематически публиковать большие и фундаментальные исторические труды, основанные на большом фактическом материале, а также научные и научно-популярные статьи, посвященные углубленной критике реакционных буржуазных теорий»²⁶. Для более углубленной критики «реакционных» концепций Авдиев предлагал организовать на базе Института истории АН СССР особый сектор источниковедения и историографии всеобщей истории с привлечением крупных специалистов в области древней истории, а также сектор истории культуры Древнего мира. Кроме того, «на Историческом факультете Московского университета также следовало бы организовать кафедру для преподавания на более высоком уровне истории культуры в мировом масштабе»²⁷.

Более позднее обращение к С.П. Трапезникову сводилось к просьбе в организационной поддержке издания своих рукописей.

В заключение следует отметить, что весь комплекс документов личного фонда В.И. Авдиева представляет интерес в контексте изучения организации исторической науки. Письма являются копиями, вследствие чего нет резолюций адресата, регистрационных

отметок, что не дает возможности проследить решения руководства, за исключением тех фактов, которые нашли свое отражение в ходе исторического развития. Советская действительность имела специфику, заключавшуюся в том, что организация управления наукой шла сверху вниз, что тем не менее не мешало выступать с инициативой, исходящей от ученого сообщества. Направляемые предложения выступали в качестве катализатора, зачастую к исполнению принимались лишь те проекты, которые были нужны, в первую очередь, государству. Так было в случае с реорганизацией Московской группы Института востоковедения, ставшей первым этапом на пути переноса центра востоковедения из Ленинграда в Москву, что имело под собой глубинный смысл, заключавшийся в желании поставить под свой контроль деятельность целой школы, традиционные взгляды которой отличались от практического характера востоковедной науки Москвы.

Письмо Л.П. Берии, повлекшее освобождение от должности В.В. Струве, вызвало недоброжелательное отношение к Авдиеву и, по сути, повлияло на его «авторитет» в кругах московской профессуры.

Весь комплекс писем представляет собой уникальный материал, дающий сведения, позволяющие реконструировать деятельность Авдиева, а также является отличным показателем истории советского периода. Эпистолярное наследие Авдиева можно разделить на две категории: это письма, касающиеся научной работы непосредственно (с В.М. Викентьевым, В.В. Струве, Т.Н. Савельевой, М.Э. Матье), и обращения к партийному руководству (И.В. Сталину, М.А. Суслову, С.П. Трапезникову). Так, на основании писем можно проследить научную биографию, выявить установки и позиции по тем или иным вопросам, но неизменно можно констатировать приверженность к марксистско-ленинской методологии, карьерную амбициозность, квинтэссенцией которой стали и пост директора Института востоковедения АН СССР, заведование Кафедрой истории Древнего мира Исторического факультета МГУ, ученое звание профессора и степень кандидата и доктора исторических наук.

Примечания

¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1782. Оп. 1. Д. 223. Л. 25–26.

² См.: *Авдиев В.И.* Музей-Институт Классического Востока // Жизнь национальностей. 1923. Кн. 5. С. 151–153; *Он же.* Музей-Институт Классического Востока // Среди коллекционеров. 1923. № 6. С. 58.

- ³ АРАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 266.
- ⁴ Там же. Л. 8–9.
- ⁵ Там же. Д. 246. Л. 1–2.
- ⁶ Там же. Д. 266. Л. 7.
- ⁷ Там же. Д. 331. Л. 3.
- ⁸ Там же. Д. 284. Л. 1–2.
- ⁹ Там же. Д. 223. Л. 25–26.
- ¹⁰ Там же. Д. 220. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 3.
- ¹² *Шаститко П.М., Скворцова Н.И.* Отечественное востоковедение после Второй мировой войны // Восток. 2000. № 5. С. 106.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 341. Л. 22.
- ¹⁴ *Шаститко П.М.* Век ушел: сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009. С. 38.
- ¹⁵ Там же. С. 43.
- ¹⁶ АРАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 230.
- ¹⁷ Там же. Д. 254. Л. 5.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Д. 255. Л. 23.
- ²¹ Там же. Д. 261. Л. 22.
- ²² Там же. Д. 317. Л. 1–4; Д. 321. Л. 1–6, 12–12 об.
- ²³ Там же. Д. 317. Л. 2.
- ²⁴ *Пиотровский Б.Б.* Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.
- ²⁵ См.: *Качановский Ю.В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М., 1971; *Никифоров В.Н.* Восток и Всемирная история. М., 1977; *Неронова В.Д.* Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь, 1992; *Постовская Н.М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.). М., 1961. С. 79–108.
- ²⁶ АРАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 321. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Л. 5.

Б.Б. Цыретарова

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ В БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных документов рассматривается санитарно-эпидемическая обстановка в Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Показываются причины роста заболеваемости среди населения республики. Особое внимание уделяется работе санитарных учреждений, противоэпидемическим мероприятиям и санитарно-просветительной работе среди населения, которые проводили медицинские и санитарные учреждения Бурятии.

Ключевые слова: Бурятия, Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика, Великая Отечественная война, здравоохранение, санитарное дело, Государственная санитарная инспекция, эпидемия, противоэпидемические мероприятия, санитарно-просветительская работа.

В годы Великой Отечественной войны в Бурят-Монгольской АССР (Бурятии) сложилась крайне тяжелая эпидемическая обстановка: велика была опасность распространения инфекционных болезней, что и произошло. Такая ситуация была характерна для всей страны. Заболеваемость брюшным тифом в 1942 г. в СССР увеличилась по сравнению с довоенным периодом в 12 раз, в том числе по РСФСР – в 10 раз, сыпным тифом – в полтора раза¹. По данным санитарной статистики, подавляющая масса случаев заражения инфекционными болезнями происходила во время миграции населения, в местах скопления людских масс: на железных дорогах, пристанях, в переуплотненном транспорте (товарные вагоны, грузовые баржи, открытые автомобили, повозки и т. д.). В БМАССР наиболее тяжелое положение сложилось в осенне-зимний период 1941–1942 гг. На железнодорожном транспорте наблюдалась нехватка санузлов, кипяченой воды, а

также медико-санитарных служб. На узловых станциях происходили захоронения умерших раненых и инфекционных больных. Прибывшее эвакуированное население также являлось источником распространения инфекционных заболеваний в местах своего расселения. Так, у 1114 детей эвакуированных семей, приехавших в г. Кяхта, с августа 1941 г. по февраль 1942 г. были обнаружены такие заболевания, как корь, скарлатина, дифтерия, коклюш, брюшной тиф².

Все это создавало реальную угрозу распространения опасных инфекций, особенно сыпного тифа. Только за 1941–1942 гг. в стране было зарегистрировано около 800 тыс. случаев сыпного и брюшного тифа, около 700 тыс. – коклюша, 1,6 млн – кори. В этой ситуации нарком здравоохранения СССР Г.А. Метерев 30 июня 1941 г. утвердил «Положение о медико-санитарном обслуживании эвакуированного населения»³.

Согласно положению, предусматривалось осуществление целого комплекса противоэпидемических мер. Несмотря на это, в республике регистрировались высокие цифры заболеваемости. Так, заболеваемость сыпным тифом достигла максимума к апрелю 1942 г., а к концу того же года начался рост дифтерийных и дизентерийных вспышек. Экономические трудности в годы войны отрицательно сказались на санитарно-эпидемиологическом состоянии в республике. Это, в свою очередь, привело к увеличению инфекционных заболеваний, причем наиболее высокие цифры инфекционной заболеваемости приходились на период 1942–1943 гг.⁴ Это было связано, во-первых, с ослаблением санитарно-эпидемической работы из-за недостатка медицинских кадров, во-вторых, с прибытием в республику эвакуированного населения, зачастую являвшегося разносчиками инфекционных заболеваний, и, в-третьих, с недостаточным финансированием, так как не всегда в лечебных учреждениях были в наличии необходимые вакцины и сыворотки, лекарственные средства, а иногда даже полностью отсутствовали гигиенические средства, включая мыло.

Росту инфекционных заболеваний способствовало резкое ухудшение питания населения. Снижение производства сельскохозяйственной продукции, ограниченные возможности колхозного и совхозного производства, скудные приусадебные хозяйства привели к практически голодному существованию колхозников, к «вечному ощущению голода». Есть хотелось постоянно, и люди ели всё, что попадалось под руку: крапиву, лебеду, мерзлый картофель, колоски пшеницы. Особенно тяжелое положение сложилось в 1944 г. Уже с осени население Джидинского, Кударинского и Кижингин-

ского аймаков (районов) жило без хлеба. К весне 1945 г. обстановка в республике еще более обострилась. Несмотря на запреты, голодные люди стали употреблять в пищу мясо павших животных⁵.

Повсеместная острая нехватка сельхозпродуктов, дефицит белков и витаминов в рационе питания, снижение его калорийности негативно отразились на состоянии здоровья людей. Широкое распространение в годы войны получили различные заменители, запрещенные до войны санитарным законодательством: финнозное мясо (зараженное личинками ленточного червя), солодовое молоко, мясорастительная колбаса, сахарин. Из-за употребления в пищу оставшегося в полях неубранного и проросшего зерна, пораженного болезнетворными грибами, колхозники болели септической ангиной, которая считалась исчезнувшей болезнью. К 1943 г. заболеваемость септической ангиной по сравнению с 1941 г. в республике возросла в 2,5 раза⁶.

Огромную опасность в отношении распространения эпидемических заболеваний представляла проблема водоснабжения. Зимой жители города для приготовления пищи и стирки пользовались снегом и льдом.

В сельской местности угроза эпидемических заболеваний исходила от скота. Периодически в годы войны наблюдались вспышки заболеваний скота сибирской язвой, лошадиной чесоткой и др. Причем необходимых сывороток для лечения было недостаточно. Часто от скота заражались люди, а иногда даже и умирали. Основное средство борьбы с подобными эпидемиями в тот период – жесткая локализация очага заболеваемости. Пресекался всякий въезд и выезд с пораженной территории. В феврале 1945 г. в Курумканском аймаке была распространена чесотка сельскохозяйственных животных. В связи с отсутствием необходимых медикаментов для борьбы с чесоткой местные жители использовали народные методы лечения⁷.

Успех в работе по предотвращению распространения острых заразных эпидемических заболеваний зависел от эффективности противоэпидемических мероприятий. Вся противоэпидемическая работа была сосредоточена в Государственном Комитете Оборона. Нарком здравоохранения был назначен уполномоченным ГКО. 2 февраля 1942 г. вышло постановление ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и в Красной Армии», в котором предусматривались мероприятия главным образом по противоэпидемической защите гражданского населения, выполнение которых возлагалось не только на Наркомздрав, но и на исполкомы местных Советов депутатов трудящихся, на нар-

коматы путей сообщения, морского и речного флотов, а также на Наркомместпром. Для оперативности руководства противоэпидемическими мероприятиями на местах постановление признало необходимым создание «чрезвычайных полномочных противоэпидемических комиссий». В состав этих комиссий включались председатель исполкома местного Совета (председатель комиссии) и представитель партийного органа, а также местных органов здравоохранения, внутренних дел, командования и медицинской службы военного гарнизона⁸.

3 марта 1942 г. на заседании Улан-Удэнского горкома ВКП(б) было решено создать городскую противоэпидемическую комиссию, председателем которой назначили Л.П. Сабурова⁹. В Наркомздраве БМАССР были созданы специальные группы, которые несли круглосуточные дежурства по отслеживанию эпидемиологических вспышек в районах республики. Районные здравотделы обязывались сигнализировать в центр о положении с заболеваемостью как минимум по трем наиболее опасным инфекциям – сыпному тифу, брюшному тифу и дизентерии¹⁰. Противоэпидемические комиссии координировали деятельность различных эпидемиологических служб: Государственной санитарной инспекции, санитарных эпидемических станций, дезактивационных, малярийных, молочно-контрольных, бруцеллезных станций и пунктов. Государственная санитарная инспекция имела отраслевых инспекторов по жилищно-коммунальному хозяйству, пищевым предприятиям, промышленным объектам, школам. Противоэпидемической комиссией был разработан план санитарных и противоэпидемических мероприятий, который был утвержден на заседании райсовета и бюро РК ВКП(б). Всем руководителям учреждений, санитарных участков, директорам были разосланы планы для исполнения. За неисполнение данного плана, нарушение правил санитарного состояния к виновным принимали жесткие меры. О том, какое значение придавалось санитарному состоянию, говорит, например, тот факт, что Малыгин, работавший домоуправом, был осужден на три года лишения свободы за антисанитарное состояние дома¹¹.

В соответствии с постановлением ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» обязательной становилась госпитализация не только больных, но и подозреваемых на заболевание. Таковыми считались те, у кого температура не спадала в течение трех дней. Устанавливалось медицинское наблюдение за пассажирами в поездах, запрещалось проживание на вокзалах без билетов. На крупных железнодорожных станциях были организованы санитарно-контрольные

пункты. Районные отделы здравоохранения создавали подвижные группы, оснащенные всеми средствами для быстрой обработки людей. Во всех крупных населенных пунктах, на предприятиях, в общежитиях, домоуправлениях создавались институты общественных санитарных инспекторов. Медицинские работники, привлекая на помощь население, профсоюзные и другие общественные организации, осуществляли подворовые обходы, проводили санитарную обработку очагов заражения. Так, в годы войны жительница Улан-Удэ Е.И. Виноградова работала хинанизатором. На доверенном ей участке она ходила по домам и раздавала таблетки от малярии, причем она должна была обязательно удостовериться, что таблетка проглочена¹².

Большое значение санитарно-эпидемические службы придавали санитарно-просветительской работе. Она включала в себя выезды в районы специалистов службы, подготовку и рассылку методических указаний, тезисов лекций для медицинского персонала, издание различных памяток для населения на случай заболеваний брюшным тифом, дизентерией и другими подобными инфекциями. Через радиозузел специалистами читались лекции. Только за два месяца (апрель, май) 1943 г. в БМАССР врачами было прочитано 314 лекций и проведено 2374 бесед с населением¹³. Иногда устраивались передвижные выставки в районах. Большое значение санитарно-эпидемические службы придавали работе в школах. Из учеников 4–10-х классов формировался школьный санитарный актив, который следил за чистотой, устраивал ежедневный «воротничковый» осмотр школьников.

Особое внимание обращалось на санитарное оздоровление городов и сел, приведение в порядок имеющихся бань, дополнительное строительство простейших бань. Но все мероприятия носили эпизодический характер¹⁴. С 1943 г. органы власти стремились привлечь население и предприятия к работе по благоустройству, организовывая воскресники, декадниги, месячники по очистке улиц, ремонту зданий и другие мероприятия. Решением горисполкома Улан-Удэ с 10 февраля по 10 марта 1943 г. был объявлен месячник по приведению города в образцовый порядок. За этот период планировалось: очистить улицы от снега и льда, вывезти нечистоты из жилых домов и с предприятий, навести чистоту в общежитиях и квартирах. Для наиболее успешного выполнения этой работы организовали социалистическое соревнование, учредив для победителей переходящие призы – дипломы и звания «Лучший район», «Лучшее предприятие», «Лучшее домоуправление» и «Лучший дом» по чистоте и санитарному благоустройству¹⁵.

Значительно были увеличены ассигнования на благоустройство территорий, при райсоветах создавались отделы по благоустройству, в городских партийных комитетах – коммунальные отделы, а в частном секторе – квартальные комитеты. К работе по очистке городов широко привлекалось население, предприятия города также брали конкретные обязательства. За годы войны выросли расходы на благоустройство и санитарную очистку территорий населенных пунктов. В 1944 г. на благоустройство городов и аймачных центров из бюджета БМАССР было выделено 694 тыс. руб., а в 1945 г. – уже 887,4 тыс. руб.¹⁶ В целом на благоустройство городов и районных центров в БМАССР было израсходовано свыше 4 млн руб.¹⁷ Но основные работы по благоустройству сводились к рытью кюветов и помойных ям, ремонту старых и строительству новых общественных туалетов, ремонту скамеек, посадке деревьев, восстановлению уличного освещения. Более серьезные работы проводились редко из-за нехватки строительных материалов. Не хватало лесоматериалов, песка, гравия, булыжного камня, гвоздей. В достатке, как правило, имелся только шлак, который широко использовался при ремонте дорог, тротуаров.

Поэтому, несмотря на значительное увеличение работ по очистке населенных пунктов, плохое санитарное состояние населенных пунктов в республике постоянно угрожало распространением различных заболеваний. В этом смысле особую опасность представляли учреждения общественного питания. Нередки были случаи массовых пищевых отравлений. На протяжении всей войны ситуация с острыми заразными кишечными заболеваниями оставалась сложной. В 1943 г., согласно нашим подсчетам, по республике было зарегистрировано 13 666 случаев заражения кишечными заболеваниями¹⁸.

В данных обстоятельствах в республике старались не сокращать сеть санитарно-эпидемических станций, а, наоборот, расширять. Если в 1943 г. в БМАССР насчитывалось восемь санэпидемстанций, то в 1944 г. число станций было увеличено до десяти¹⁹. Широкое применение получили массовые обходы жилых помещений, периодический осмотр населения, профилактическая санитарная обработка жилищ и одежды, хлорирование воды. Только за два месяца 1943 г. врачами было обследовано 50 052 усадьбы, из них оказались загрязненными и после этого очищенными 31 586 усадеб. Обследовано было 4367 уборных и 389 помойных ям, из них выявлено загрязненными и очищено 3768 уборных и 332 помойных ям²⁰.

Отсутствие моющих средств и появление вшей вызвало необходимость сооружения ушедших в прошлое так называемых вошебок.

Промысловые артели и потребительская кооперация наладили массовое изготовление гребешков для вычесывания педикулезных паразитов. В целях профилактики эпидемических заболеваний стали широко применять различные прививки. В 1944 г. в Улан-Удэ прививками против брюшного тифа было охвачено 39 915 человек, в то время как в 1940 г. – только 14 429 человек; прививками против дизентерии в 1944 г. – 40 002 человека, а в 1942 г. – только 4058 человек²¹.

Тем не менее недостаточное питание, отсутствие в продаже предметов личной гигиены продолжали усиливать опасность инфекционных заболеваний среди населения.

Серьезную угрозу для населения республики представлял туберкулез. Эта болезнь считается социальной, она реагирует на условия жизни людей. Успешное решение жилищной проблемы и полноценное питание снижали риск заболевания туберкулезом. Проживание значительной части населения в сырых бараках и полуземлянках в крайне стесненных условиях, проблемы с топливом, полуголодное существование создавали благоприятные условия для развития туберкулезных заболеваний. Из-за сокращения бюджета системы здравоохранения были ликвидированы туберкулезные санатории, значительно сократилось амбулаторное обслуживание и помощь на дому туберкулезным больным в связи с призывом на военную службу десяти врачей-фтизиатров из Улан-Удэ. Особенно ухудшилось положение в сельской местности, где из четырех работавших в первом полугодии 1941 г. туберкулезных пунктов в конце 1941 г. остался один (Селенгинский). Не работал ни один сельский диспансер²². Все это привело к значительному росту заболевания туберкулезом, причем в тяжелой форме. Появились быстротекущие формы туберкулеза, отмечалось обострение процессов туберкулеза, увеличилось количество бациллоносителей и бацилловыделителей. К началу войны заболеваемость туберкулезом в БМАССР составляла 308 на 10 тыс. населения²³, в конце же 1941 г. и особенно в 1942 г. заболеваемость туберкулезом возросла, а летальность увеличилась.

5 января 1943 г. СНК СССР принял постановление за № 15 «О мероприятиях по борьбе с туберкулезом», а 12 января в развитие этого постановления был издан приказ Наркомздрава СССР. Согласно постановлению, до 1 мая 1943 г. по стране надлежало развернуть сеть противотуберкулезных стационарных лечебных учреждений на 12 тыс. коек. К этому же сроку приписывалось открыть «дополнительные вспомогательные (ночные и дневные санатории) учреждения при туберкулезных диспансерах на 3 тыс. коек для взрослых и детей, больных костным и легочным туберкулезом»²⁴.

Были предусмотрены мероприятия по укреплению противотуберкулезных учреждений медицинскими кадрами. Для рабочих и служащих оборонных заводов, страдающих этой болезнью, вводились специальные лечебные карточки дополнительного питания, чаще стало проводиться врачебное освидетельствование. Было запрещено оставлять больных на вредных производствах, рекомендовалось использовать их на легких работах с сохранением заработной платы. Данные вопросы решались на местном уровне. В 1943 г. было принято несколько постановлений СНК БМАССР, в которых предписывалось: развернуть ночной санаторий для туберкулезных больных при заводе № 99, развернуть санаторные группы для детей, организовать ряд санаторных детских садов в республике, расширить при больницах туберкулезные отделения, улучшить питание туберкулезных больных, директорам промышленных предприятий и учреждений неуклонно выполнять инструкцию о трудовом устройстве рабочих и служащих, больных туберкулезом²⁵.

О результатах принятых мер по профилактике и лечению заболеваний туберкулезом свидетельствуют следующие данные. К 1944 г. была расширена стационарно-санаторная помощь: в Селенгинском аймаке был открыт детский туберкулезный санаторий на 50 коек, в Северо-Байкальском аймаке – на 20 коек, туберкулезный санаторий в Ильинке на 120 коек и костно-туберкулезный санаторий в Тункинском районе на 150 коек, туберкулезный санаторий для подростков на Верхней Березовке на 100 коек, а также туберкулезная больница на 100 коек, санаторные ясли на 60 мест, санаторные группы при яслях на 90 мест, санаторный детский сад на 60 мест, детская столовая для туберкулезных больных на 150 человек. Отдельно для туберкулезных больных были выделены продовольственные товары на 510 человек²⁶. Всего в республике к 1945 г. насчитывалось 16 туберкулезных диспансеров и 11 туберкулезных пунктов²⁷.

Несмотря на эти меры, развитие туберкулезных диспансеров отставало от роста заболеваемости различными формами туберкулеза. Только за 1944 г. тубинфицированные дети в Улан-Удэ составляли 63 % школьников и 53 % учащихся ремесленных и железнодорожных училищ²⁸. Если в 1943 г. на учете тубдиспансеров и пунктов стояло 5276 больных, то в 1944 г. их уже насчитывалось 8403²⁹. Но эти данные не показывают истинного положения с заболеваемостью населения туберкулезом в республике, ибо учет больных туберкулезом велся только по городам и рабочим поселкам. В то же время заболеваемость туберкулезом в сельской местности была очень высокой. Наиболее пораженным в этом отношении яв-

лялось население Курумканского, Кижингинского, Закаменского, Баргузинского, Селенгинского, Джидинского и Хоринского аймаков. Так, в Кижингинском аймаке из обследованных 7447 человек 97 % (7260 человек) оказались больны туберкулезом.

Что же касается других острых заразных заболеваний, то проводимые противоэпидемические мероприятия позволили избежать их массового распространения, эффективно ликвидируя отдельные вспышки. Например, весной 1942 г. в Бичурском аймаке был локализован очаг на уровне 15 случаев заболеваний сыпным тифом, в Кяхтинском аймаке – 50 случаев, в Кабанском аймаке – 109 случаев³⁰. Такие вспышки острых заразных эпидемических заболеваний старались держать под контролем, и в течение всей войны не допустили массовой эпидемии, хотя постоянно наблюдался рост инфекционных болезней.

Таким образом, недостаточное питание, а зачастую и полуголодное существование, отсутствие в продаже предметов личной гигиены постоянно усиливали опасность инфекционных заболеваний среди населения. Однако благодаря продуманным организационным мероприятиям, умению органов власти грамотно распорядиться имеющимися средствами и кадрами, эпидемические заболевания, угроза которых реально существовала в годы войны, не получили широкого распространения.

Примечания

- ¹ *Кожурин В.С.* Неизвестная война: Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 228.
- ² Государственный архив Республики Бурятия (ГА РБ). Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 3790. Л. 21.
- ³ *Исупов В.А.* Городское население Сибири от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991. С. 98.
- ⁴ *Цыретарова Б.Б.* Социальная политика в Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Улан-Удэ, 2010. С. 96–111.
- ⁵ *Она же.* Продовольственное обеспечение населения Бурятии в 1941–1945 гг.: карточная система и общественное питание // Новый исторический вестник. 2010. № 2 (24). С. 39–40.
- ⁶ *Базаржапов В.Б.* Охрана здоровья населения Бурятии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Актуальные проблемы истории интеллигенции Бурятии. Улан-Удэ, 1999. С. 97–98.

- ⁷ ГА РБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4598. Л. 51.
- ⁸ *Иванов А.Г., Георгиевский О.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне (1941–1945). Л., 1985. С. 206.
- ⁹ ГА РБ. Ф. 2-П. Оп. 2. Д. 1074. Л. 88.
- ¹⁰ *Базаржапов В.Б.* Указ. соч. С. 96.
- ¹¹ ГА РБ. Ф. Р-1349. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.
- ¹² Архив автора. Интервью с Е.А. Виноградовой 20 января 2006 г.
- ¹³ ГА РБ. Ф. Р-196. Оп. 14. Д. 36. Л. 55.
- ¹⁴ ГА РБ. Ф. Р-1349. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.
- ¹⁵ Бурят-Монгольская правда (Улан-Удэ). 1943. 12 февр.
- ¹⁶ ГА РБ. Ф. Р-195. Оп. 13. Д. 287. Л. 23.
- ¹⁷ ГА РБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4438. Л. 13.
- ¹⁸ ГА РБ. Ф. Р-196. Оп. 14. Д. 37. Л. 73.
- ¹⁹ ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 7. Д. 431. Л. 35; Ф. Р-195. Оп. 13. Д. 287. Л. 10.
- ²⁰ ГА РБ. Ф. Р-196. Оп. 14. Д. 36. Л. 55.
- ²¹ ГА РБ. Ф. Р-661. Оп. 4. Д. 50. Л. 44 об.
- ²² ГА РБ. Ф. Р-195. Оп. 13. Д. 228. Л. 4.
- ²³ ГА РБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4661. Л. 19.
- ²⁴ *Иванов А.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Указ. соч. С. 203.
- ²⁵ ГА РБ. Ф. Р-475. Оп. 7. Д. 431. Л. 143, 297.
- ²⁶ ГА РБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Л. 138. Л. 14.
- ²⁷ ГА РБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4661. Л. 18.
- ²⁸ ГА РБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 555. Л. 19.
- ²⁹ ГА РБ. Ф. Р-196. Оп. 14. Д. 30. Л. 25.
- ³⁰ ГА РБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 3732. Л. 23, 24.

С.В. Костерин

ИЗ ИСТОРИИ ВАРШАВСКОЙ ГРУППЫ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ: ПЕРЕХОД ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ (начало 1920-х гг.)

В статье на основе документов бывшего Пражского архива освещена история Варшавской группы Конституционно-демократической партии в начале 1920-х гг. Главное внимание уделено направлениям деятельности Варшавской группы среди русских эмигрантов в Польше. Делается вывод о том, что в процессе своей практической работы Варшавская группа кадетской партии эволюционировала из политической организации в общественную.

Ключевые слова: русская эмиграция, Польша, Конституционно-демократическая партия (кадеты), Варшавская группа партии кадетов, политическая организация, общественная деятельность, благотворительность.

В истории русской эмиграции начала XX в. можно выделить ряд неисследованных сюжетов, одним из которых является история российских политических партий и общественных организаций в государствах Восточной Европы, в частности в Польше. Например, до сих пор нет специальных научных работ, посвященных Варшавской группе партии кадетов, хотя история русской антибольшевистской эмиграции в Польше и деятельность некоторых ее организаций уже изучалась¹. При этом не рассмотрена следующая особенность российских эмигрантских организаций, в том числе и Варшавской группы партии кадетов: сочетание политической и общественной (благотворительной и прочей) деятельности. Поэтому особую важность представляет изучение начального этапа создания и деятельности данных организаций, в частности Варшавской группы кадетов.

С 1919 г. начался приток российских эмигрантов в Польшу, когда между Советской Украиной и Польшей еще не существовало

официально установленной границы и было возможным проникновение в Польшу, даже без вида на жительство. Из Германии приезжали в Польшу русские военнопленные. Из других стран проникали в Польшу бывшие подданные Российской империи, оставившие здесь имущество или жилье. Притоку эмигрантов способствовала дешевизна жизни в Польше, в особенности в 1921–1923 гг., в период девальвации польской марки и значительного падения цен при расчете их на иностранную валюту².

Точных данных о количестве эмигрантов из России по причине отсутствия статистики в отношении их численности в мире нет, тем более нет точных данных о количестве русских эмигрантов в Польше, где также не велся подсчет их численности, к тому же многие эмигранты находились на территории Польши нелегально. Исходя из документов М.Д. Врангель, в Польше, по данным МВД Польши, в 1925 г. российских подданных насчитывалось 53 080, в том числе русских 9817³.

Непосредственная близость к Советской Украине и Советской России, особая психология местного населения и правительственных учреждений в отношении русских, разница в законодательствах трех частей Польши (бывшего Царства Польского, Галиции и Познани), большое количество беженцев – все эти факторы влияли на отношение польских властей к эмигрантам⁴.

После поражения Белого движения в Гражданской войне основная часть руководителей партии кадетов вынуждена была эмигрировать. В эмиграции кадеты образовали свои политические группы. Первой в начале мая 1920 г. образовалась Парижская группа кадетов – наиболее многочисленная и авторитетная, вскоре ее возглавил П.Н. Милюков. До конца 1920 г. кадетские группы сформировались также в Праге, Белграде, Берлине, Константинополе, в начале 1921 г. – в Софии и Варшаве. Группы объединяли наиболее преданных партии старых работников, поэтому они были немногочисленны, в их составе практически не было молодежи. Территориально разбросанные, они с трудом налаживали между собой связи⁵.

В начале 1921 г. в Варшаве оказалось несколько членов партии «Народной свободы». Привычка к совместной работе и потребность в общении дали возможность легко организовать небольшую общественно-политическую группу, которая являлась неотъемлемой частью кадетской партии. В состав группы входили: П.Э. Бутенко, Б.А. Евреинов, В.К. Коростовец, А.Г. Мягков, Н.А. Племянников, В.В. Ульяницкий и Н.К. Штемберг. Председателем группы был избран член ЦК партии кадетов Бутенко⁶. Своего устава группа не имела, а использовала устав партии кадетов, считая себя ча-

стью партии. Поначалу они стремились продолжать политическую деятельность. В феврале 1921 г. они разработали «тактику партии», где основным пунктом значилось свержение власти большевиков⁷.

Варшавские кадеты находились явно на отшибе партийной жизни. В редких протоколах других групп можно встретить упоминания о них. Их партийная деятельность была откровенно вялой: за четыре первых месяца существования группы состоялось всего пять заседаний. Варшавская группа собиралась крайне нерегулярно. Так, с 31 мая по 18 августа 1921 г. заседаний вообще не проводилось. Известны протоколы восьми заседаний группы. Последний протокол датирован 12 декабря 1921 г.

Судя по протоколам, заседания Варшавской группы проводились преимущественно для обмена мнениями по проблемам русского национального меньшинства, интернированных русских солдат и офицеров, обсуждалось также происходящее в России.

Первое заседание Варшавской группы партии кадетов состоялось 14 февраля 1921 г. На заседании было принято решение начать деятельность группы и сообщить об этом другим группам для установления связи. Постановили поручить Бутенко подготовить доклад о тактике партии и огласить его на следующем заседании. Ульяницкому, Мягкову и Коростовцу было предложено подготовить доклад об отношении Варшавской группы к деятельности Б.В. Савинкова и возможности сотрудничества с ним и его организацией⁸.

Зимой – весной 1921 г. Варшавская группа кадетов еще пыталась заниматься политической деятельностью. Например, параллельно с Парижской группой кадетов они решали для себя вопрос о сотрудничестве с организацией Савинкова, о сотрудничестве с интервентами, рассуждали о том, что кадеты должны стать «связующим звеном между честными борцами за свержение советской власти»⁹.

На заседании, состоявшемся 28 февраля 1921 г., был заслушан доклад Бутенко о тактике партии, а также доклады Ульяницкого, Мягкова и Коростовца об отношении группы к деятельности Савинкова¹⁰.

В Варшавской группе верили в скорое «катастрофическое падение советской власти», поэтому для группы важными был вопросы, как это падение ускорить и кто придет к власти после падения большевиков.

В докладе Бутенко «О тактике партии», принятом на заседании группы 28 февраля 1921 г., с исправлениями, внесенными в результате обсуждения в группе, ставилась основная задача: «свержение большевистской власти»¹¹.

Но члены Варшавской группы понимали, что в таком узком составе вести самостоятельную борьбу против власти большевиков невоз-

можно, поэтому в качестве идеального варианта своего развития видели создание единого антибольшевистского фронта с национальным комитетом во главе¹². Но уже тогда они вынуждены были признать, что российская эмиграция в Польше стремится не к возобновлению политической деятельности и созданию политических организаций, а к формированию общественных организаций эмиграции, направленных на оказание благотворительной помощи и прочую общественную деятельность. Один из лидеров Варшавской группы партии кадетов Бутенко отмечал отрицательное отношение многих эмигрантов к созданию каких бы то ни было комитетов, к революции, реформам: «Довольно нам комитетов; они погубили Россию»¹³.

Другой причиной невозможности активной политической деятельности, по мнению Бутенко, было отсутствие общенациональной задачи¹⁴. Перед русской эмиграцией не стояла задача освобождения России от иноземного владычества. А Советскую власть после эвакуации армии П.Н. Врангеля из Крыма приходилось рассматривать как фактическое русское правительство. «Борьба идет за свержение этого правительства и замену его другим». В среде русской эмиграции по отношению к власти большевиков – разногласия: «На одном фланге мы видим людей, борющихся против большевиков, но совершенно приемлющих их методы управления, а на другом людей, борющихся против методов управления, но приемлющих большевиков»¹⁵.

В конечном итоге Варшавская группа, установившая связь с остальными группами кадетов, пришла к выводу, что объединить всю российскую эмиграцию в Европе невозможно¹⁶.

Важным для группы являлся вопрос о сотрудничестве с Савинковым, наиболее влиятельной фигурой российской эмиграции в Польше.

Варшава с весны 1920 г. сделалась главным местопребыванием отделившегося от социалистов Савинкова и его сторонников. Дружба Савинкова с главой государства Польского Ю. Пилсудским способствовала созданию у Савинкова благоприятных условий для развития его деятельности в Варшаве, целью которой являлся приход к власти в России после падения большевиков. Благодаря значительной материальной и моральной поддержке со стороны польского правительства и прибегнув к ряду национальных уступок польскому правительству в виде признания Рижского мирного договора, Савинкову удалось создать наиболее влиятельную российскую политическую эмигрантскую организацию в Польше – Русский эвакуационный комитет, называвшийся до Рижского договора Русским политическим комитетом, а также

обеспечить себе в Варшаве крепкую основу для работы в России, направленной главным образом на пропаганду среди крестьян и в рядах Красной армии. Савинков при поддержке польского Генштаба занимался формированием вооруженных отрядов, которые затем засылались на территорию Советской Украины и Советской Белоруссии¹⁷. Необходимо отметить, что Савинков не уклонялся от сотрудничества с другими русскими политическими группами, но лишь при условии их подчинения его авторитету и его политической программе и идеологии. Интернированные в Польше русские воинские части находились в значительной материальной зависимости от Савинкова¹⁸.

Мягков выступил на заседании группы 8 марта 1921 г. с докладом, одобряющим сотрудничество с Савинковым. «Находясь здесь, в Варшаве, – говорил Мягков, – ближе к русской границе, русские не могут заниматься исключительно рассуждениями, а должны действовать. Группа Савинкова и есть такая ударная группа... Я полагаю, что к.-д. должны поддержать Савинкова, и признаю возможным работать с ним, как политически, так и в техническом отношении»¹⁹.

Другого мнения придерживался Коростовец: «Условия и формы деятельности Савинкова таковы, что они ни в коем случае не облегчают вопроса о создании России в будущем. Ему позволяют действовать лишь в тех пределах, какие необходимы для создания Великой Польши. Вряд ли поэтому можно говорить о совпадении идеологии к.-д. с идеологией группы Савинкова... Особенно вредно то, что Савинков монополизировал русское дело в Польше и борется с русскими течениями, с ним не согласными»²⁰.

Ульяницкий поддержал Мягкова: «Расхождение между Варшавской политической группой и идеологией партии к.-д. если и возникнет, то лишь в отдаленном будущем, почему нельзя не признать, что в настоящем в деятельности этой группы ничего неприемлемого для партии к.-д. не заключается»²¹.

Бутенко заявил на это: «Вряд ли можно говорить, что идеология партии к.-д. совпадает с идеологией Р.Э.К.»²². Но согласился с возможностью «технического сотрудничества с Р.Э.К.»²³, так как, по его мнению, «Р.Э.К. все-таки работает более или менее успешно в деле организации восстаний и сохранения армии»²⁴.

При этом члены Варшавской группы, не углубляясь в политические разногласия, начинали размышлять о новом, не политическом направлении своей деятельности: оказании помощи российским эмигрантам. На заседании 31 мая 1921 г. группа рассматривала вопрос об отношении к Русскому беженскому комитету в Варшаве и участии ее членов «в составе правления по выборам

24 апреля (Бутенко и Евреинова)»²⁵. Группа постановила, несмотря на значительное преобладание правых лиц в правлении комитета, «признать, что Русский Беженский Комитет [Русский комитет (Эмигрантский) в Варшаве. – С. К.], как единственную русскую общественную организацию в Польше, группа должна поддержать. Участие наших сочленов в Правлении признать желательным»²⁶.

Решением общего собрания членов русской колонии в Варшаве 27 декабря 1918 г. был создан Русский комитет в Варшаве, занимавшийся оказанием юридической и материальной помощи русским гражданам, проживавшим в Польше²⁷.

Варшавская группа условно делила эмигрантов на две группы: политиков и просто эмигрантов. Важно то, что члены Варшавской группы не исключали возможности сотрудничества с неполитической частью российских эмигрантов. По мнению Бутенко, таким людям прежде всего необходимо помочь устроить свой быт и Варшавская группа была готова в этом участвовать²⁸.

Тем временем внутри кадетской эмиграции в Европе произошел раскол. На проходившем с 26 мая по 2 июня 1921 г. в Париже «Совещании всех находящихся за границей членов ЦК партии народной свободы» была принята резолюция, осуждавшая «новую тактику» Милюкова²⁹. Милюков и его сторонники официально заявили о выходе из состава Парижской группы и образовали независимую Демократическую группу. Члены этой группы (левые кадеты, «новотактики») полагали, что «новая тактика» должна состоять в подрыве власти большевиков изнутри, снизу, а основной опорой партии должны стать крестьянство и горожане. Другая группа кадетов (правые кадеты, или «старотактики») находилась на позиции «воссоздания русской государственности сверху путем обуздания революционной стихии и насаждения сверху идей либерализма и демократии»³⁰. Из-за отсутствия средств Варшавская группа не была представлена на совещании.

О состоянии Варшавской группы на тот момент можно судить по словам, содержащимся в письме Бутенко, написанном 18 августа и адресованном Парижской демократической группе. Бутенко пишет «о переживаемом группой под влиянием местной политической обстановки и парижских партийных событий глубококом кризисе, благодаря которому заседаний группы не было с 31 мая с. г.»³¹.

На заседании 15 сентября 1921 г. члены группы слушали материалы о расколе кадетской партии в Париже, в том числе резолюцию Парижской группы в окончательном виде, принятую 19 июля; декларацию демократической группы партии народной свободы; заявление Парижского комитета партии народной свободы по поводу де-

кларации. Постановили на заседании следующее: «Ввиду важности вопроса предоставить членам группы возможность еще раз ознакомиться со всеми документами и отложить решение его до следующего заседания. Пока продолжать сноситься с обеими группами»³².

К этому времени и в Варшавской группе на почве отношения к организации Савинкова произошло крупное расхождение.

Бутенко, принимавший несколько месяцев участие в деятельности Политического комитета Савинкова, 15 сентября 1921 г. отказался работать в этой организации, а Ульяницкий и Мягков вошли без согласия группы в состав Народного союза защиты Родины и свободы, организованного Савинковым³³. «Возмущенные члены группы пытались обсудить и осудить этот поступок своих коллег на заседании 15 сентября, но те на него не явились. Больше к этому вопросу не возвращались»³⁴.

Отметим, что четверо из семи членов группы – Бутенко, Евреинов, Мягков и Ульяницкий – принимали участие в работе Русского эвакуационного (политического) комитета и Народного союза защиты Родины и свободы – организаций, подконтрольных Савинкову³⁵.

Вскоре последовала высылка Савинкова и его сотрудников в октябре 1921 г. из Польши в Чехословакию, в том числе Мягкова и Ульяницкого. Таким образом, группа, и так немногочисленная и не пополняемая новыми членами, потеряла двоих. На заседании 12 декабря 1921 г. Варшавская группа выразила сочувствие своим высланным членам.

Таким образом, ослабление темпа политической работы, которая до сих пор была активной и проходила не столько на собраниях группы в обмене мнений, сколько вовне их, побудило группу усилить свою культурную и общественную работу³⁶. Вся последующая деятельность Варшавской группы связана с Русским попечительным об эмигрантах комитетом (РПК).

Образован РПК был в августе 1921 г. для оказания юридической и материальной помощи русским эмигрантам в Польше. Финансировался Лигой Наций. Председателем правления в 1923–1925 гг. являлся Бутенко. Член Варшавской группы Евреинов также состоял членом РПК и занимал должность управляющего делами. Комитет оказывал содействие в розыске родных и знакомых, отправке на работу во Францию, переселении в Южную Америку и в других вопросах³⁷.

Вопрос о помощи российским эмигрантам стоял остро. Материальное положение большей части русских беженцев было по большей части тяжелым. Большинство тех, кто не предвидел предстоящих событий и не успел подготовиться к отъезду за пределы России заранее,

оказались практически без средств к существованию. Никаких своих ценностей большей части эмигрантов из России вывести не удалось, а если кому-то все-таки и удалось, то их хватило на небольшой период времени для проживания на чужбине³⁸. Тем не менее высокая трудоспособность, образовательный уровень, профессиональные знания и опыт способствовали трудоустройству российских эмигрантов и их интеграции в европейское общество³⁹.

Отдельные члены Варшавской группы принимали участие в благотворительной, организационной и культурной работе среди местного русского населения, отстаивая необходимость выявления ими своего лица, как национального меньшинства в Польше, в то время как правые круги эмиграции считали это ненужным и даже вредным.

Например, Бутенко являлся уполномоченным в Польше Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (РЗГК). Бутенко получал от РЗГК деньги и распределял их между РПК, Русским комитетом (Эмигрантским) в Варшаве, миссией Российского общества Красного Креста (затем – Обществом помощи русским беженцам в Польше) и другими эмигрантскими организациями⁴⁰.

Таким образом, Варшавская группа постепенно превращалась в благотворительную организацию, самой обстановкой вынужденная заниматься проблемами русской диаспоры в Польше как национального меньшинства.

Примечания

- ¹ См.: *Канищева Н.И.* Организационная структура заграничных групп конституционно-демократической партии // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998. С. 187–188; *Карпенко С.В., Робкова Е.Б.* Диверсанты и террористы // Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М., 2000. С. 460–487; *Кувшинов В.А.* Деятельность кадетских партийных организаций в эмиграции (июль 1921 – март 1933). М., 2009. С. 79–80.
- ² *Квакин А.В.* Документы по истории Российского Зарубежья из коллекции баронессы Марии Врангель Гуверовского архива США // Вестник архивиста. 2004. № 2. С. 295.
- ³ Там же. С. 293.
- ⁴ *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004. С. 42.
- ⁵ *Канищева Н.И.* Кадетская партия после большевистского переворота // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 314.
- ⁶ ГА РФ. Ф. 5841. Оп 1. Д. 1. Л. 1.

- 7 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг.: В 6 т. Т. 4: Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии: Май 1920 г. – июнь 1921 г. М., 1996. С. 187.
- 8 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
- 9 *Канищева Н.И.* Организационная структура заграничных групп... С. 187–188.
- 10 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп... Т. 4. С. 186.
- 11 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
- 12 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп... Т. 4. С. 187.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- 16 Там же. Л. 3.
- 17 *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 50–56.
- 18 Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 3–23.
- 19 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп... Т. 4. С. 264–265.
- 20 Там же.
- 21 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
- 22 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп... Т. 4. С. 266.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
- 26 Там же.
- 27 ГА РФ. Ф. 8262. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- 28 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- 29 *Канищева Н.И.* Кадетская партия после большевистского переворота. С. 316.
- 30 Там же. С. 317.
- 31 *Кувшинов В.А.* Указ. соч. С. 79–80.
- 32 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.
- 33 Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп... Т. 4. С. 286.
- 34 *Кувшинов В.А.* Указ. соч. С. 40.
- 35 *Канищева Н.И.* Организационная структура заграничных групп... С. 187–188.
- 36 ГА РФ. Ф. 5841. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
- 37 ГА РФ. Ф. 5814. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.
- 38 *Елкин А.И.* Жилищно-бытовые условия и материальное положение русских эмигрантов в Польше в 20–30-е гг. XX ст. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2012. № 1005. Сер. «Історія». Вип. 45. С. 185–192.
- 39 *Ипполитов С.С.* Указ. соч. С. 110.
- 40 ГА РФ. Ф. Р-7003. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–15.

А.М. Юдина

КОНЦЕРТЫ Д. ЭЛЛИНГТОНА В СССР КАК БАРОМЕТР СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 1970-х гг.

В статье рассматривается «джазовая дипломатия» США как подготовка визита президента Р. Никсона в СССР. Также анализируется восприятие гастролей советскими поклонниками джаза. Сделан вывод о том, что для улучшения отношений в треугольнике США–СССР–Китай культурный обмен между странами было необходимо углублять, что и сделали советские и американские политики.

Ключевые слова: СССР, США, Китай, международные отношения, дипломатия, «джазовая дипломатия», музыкальная культура, культурный обмен, гастролы, Дюк Эллингтон.

Культурные обмены между Россией и США заложили основу для дипломатических отношений между странами в начале XIX в. Они же и дальше оставались стимулом, подталкивающим народы двух континентов проявлять интерес друг к другу и понять «другого». В концепции изучения «другого» выделяются несколько глубинных уровней: изучение, познание и понимание. Однако все они строятся в соответствии с внешнеполитической повесткой дня, ощущением нации как единого целого, а также выделением социокультурных особенностей «нас» и «их», сравнением их и взаимодействием на данной основе.

«Любая настоящая музыка, будучи искусством, имеет свои основополагающие принципы, правила, приемы, нормы и способы сочинения, восприятия, а также эталоны мастерства и критерии совершенства. Их совокупность, кодифицированная в писанной школьной теории или сохраняемая действенной практикой и устным преданием, образует локальную музыкальную культуру того сообщества, внутри которого сложилась. Культура же, в свою очередь, воспитывает у его членов восприимчивость к одной лишь

“своей” музыке, заставляя ее считать высшим, а часто и единственным образцом при восприятии и оценке музыки других сообществ и культур. Так, европейцы долго считали “варварской” утонченную музыку Средней Азии, Индии, Индонезии и Китая, Кореи, Японии. Джаз стал первым успешным шагом к преодолению этого барьера, казавшегося непреодолимым. Речь идет о “блюзовых нотах” и о множестве гармонических микроинтервалов»¹. Опуская музыкально-ведческую составляющую анализа джаза, подчеркнем культурологическую проблему, скрывающуюся за сложностями восприятия «другой» культуры. Музыка обладает примерно тем же набором признаков, что и язык. Таким образом, музыка, как и язык, является структурной составляющей самоидентификации нации, чьи социокультурные ориентиры вырабатываются веками.

В период холодной войны американский народ и правительство должны были в экстренном порядке не только понять, что такое американская культура, но и представить ее миру. В классическом варианте развития нации ответы на такие вопросы выстраиваются годами, накапливаются с историческим опытом и подкрепляются социокультурными связями с другими группами. Подобные вызовы становятся базой национальной самоидентификации в будущем, но в начале своего появления они, как правило, приводят к временному кризису, на разрешение которого уходит время. Так было в США в начале 1920-х гг., с той лишь разницей, что у молодой «нации эмигрантов» не было времени на формирование «своей» культуры. Появление джаза не было встречено с восторгом белыми американцами. Кроме расового различия эта музыка несла глубокий политический бунт, отражавшийся в нарушении ритмической структуры европейской музыки. Однако к середине 1950-х гг. джаз входит в американскую жизнь. Все еще непросто, все еще предпочтение отдается белым музыкантам, но постепенно американцы «втягиваются», и Белый дом удачно использует эту возможность, чтобы продемонстрировать миру и американскую культуру, и равенство всех наций в США, и гражданскую свободу.

В идеологической войне с СССР решение США отправить «послов джаза» в коммунистические страны стало блестящей идеей, как отметили позже президент Р. Никсон, сенатор Хьюберт и другие. Началась программа «джазовой дипломатии» с долгих дебатов президента Д. Эйзенхауэра с Конгрессом в 1954 г., однако после принятия положительного решения и выделения средств в 1955 г. были выбраны самые яркие музыканты в качестве «послов джаза»².

Данная статья посвящена гастролям Дюка Эллингтона в СССР в 1971 г. Несмотря на то что это был не первый визит американ-

ских джазменов в Советский Союз, гастрольный тур Эллингтона можно считать по-настоящему знаковым. Это был настолько яркий и популярный темнокожий музыкант, что когда в начале 1960-х гг. обсуждались первые гастроли американских джазменов в СССР, его кандидатура была отклонена. Когда министр культуры СССР Е.А. Фурцева попросила Джорджа Авакяна (продюсера и директора звукозаписывающей компании в США) дать рекомендацию относительно джазовых исполнителей – кандидатов на приглашение в СССР, состоялся диалог следующего содержания. Когда Авакян посоветовал Армстронга, Фурцева ответила, что тот «слишком популярен». Когда Авакян предложил Эллингтона, она ответила, что он «слишком умен». Когда Авакян возразил, что Эллингтон – это представитель «нашего классического джазового артиста», Фурцева заявила, что «нашим людям он не понравится». Тогда Авакян предложил Гудмена и подчеркнул, что его семья эмигрировала из России. Он и был выбран Министерством культуры СССР³.

Авакян, конечно, не сказал, что семья Гудмена бежала от погромов евреев, а Эллингтон был убежденный антикоммунист. Но и Фурцева не признала, что на пластинках Эллингтона и Армстронга выросло не одно поколение как советских джазовых музыкантов, так и обычных подростков. Джаз в СССР всегда был непростой темой. Сегодня появляются исследования, пытающиеся развенчать миф о том, что джаз во времена Сталина был под запретом, поэтому остановимся лишь на том, что, как и любая попытка свободы мысли в СССР, он строго контролировался. По этой причине не только согласование лиц, приезжавших в СССР на гастроли, но и их концертная программа, график и места выступлений тщательно согласовывались с Министерством культуры.

Гудмен гастролировал в СССР в 1962 г., в то время как Эллингтон в это время путешествовал по странам третьего мира, участвуя в борьбе США за сердца и умы. Холодная война была в разгаре. Балетная труппа Большого театра часто сталкивалась с конкуренцией за публику в странах Северной Африки, так как в это же время в тех же странах находились «послы джаза». Советско-американские отношения изменили свой вектор к началу 1970-х гг. Президент Никсон стремился следовать стратегии «разрядки» и вместе с Г. Киссинджером старался наладить диалог с СССР и укрепить отношения в треугольнике США–СССР–Китай. Историк Д.В. Ларсон отмечает, что «недоверие» и «тупик» в отношениях между СССР и США прослеживались вплоть до весны 1971 г., когда было объявлено о предстоящем туре Д. Эллингтона⁴.

Данный факт не является простым совпадением. Некоторые журналисты и политологи отмечают, что культурный обмен между странами является неким всеобъемлющим барометром отношений. Поэтому в 1970-е гг. от жесткой конфронтации страны постепенно переходят к диалогу, тем не менее продолжая отстаивать свои идеологические интересы в странах третьего мира.

И в подтверждение данной теории можно отметить тот факт, что Эллингтон был ярким антикоммунистом. У него даже были сомнения относительно гастролей в СССР, однако большие деньги, а также убеждение, что через музыку он сможет донести до советских людей американскую свободу и таким образом освободить их умы, эти сомнения разрешили. А США, в свою очередь, представляли советскому народу развенчание «мифа», навязанного КПСС, о том, что афроамериканцев в США угнетают и у них нет возможностей для самореализации. Когда Эллингтон выступает, он представляет не только джаз и американскую культуру, но и достижения афроамериканцев в США, а также свободу как слова, так и действий. При этом необходимо помнить, что он был очень своенравным, плохо «слушался» куратора от Госдепартамента и охотно общался с простыми людьми во всех странах, куда приезжал.

В сентябре 1971 г. оркестр Эллингтона прилетел в СССР. Один из фанатов в аэропорту выкрикнул: «Мы ждали вас веками!»⁵

Советский музыковед вспоминал: «Гастроли Дюка Эллингтона – одно из самых ярких событий в истории советского джаза! Еще никогда не был у нас в гостях музыкант столь высокого ранга, музыкант, с именем которого связана целая эпоха в джазе. Любители музыки летели через всю страну, чтобы попасть на его концерты, стояли ночами за билетами, встречали его с оркестрами в аэропортах. Эллингтон приветствовал весь советский джаз – от патриарха Утесова до рядовых джазменов, в обстановке официальных приемов и в стонущих от восторга джаз-клубах, где “выкладывались” сменяющие друг друга советско-американские ансамбли»⁶.

Прилетел оркестр Эллингтона в Ленинград, там же и были даны первые концерты. Несмотря на крайне скромное анонсирование этого события в советской прессе, билеты на концерт было почти не достать. Официально они стоили 4–5 руб., а на «черном рынке» цена доходила до 50 руб. Однако высокие цены не остановили «голодных слушателей» и зал на 4200 мест был заполнен пять ночей подряд.

Арам Хачатурян вспоминает: «Я познакомился с Эллингтоном во время его триумфальных московских гастролей. Мы долго с ним беседовали, и он совершенно очаровал меня. Уходя с первого кон-

церта, я вдруг почувствовал, что не “насытился” на этом музыкальном пиру, что меня тянет еще раз послушать оркестр и его великолепных солистов. На другой день я снова пошел на концерт. Джаз буквально вскружил мне голову. В музыке, в музыкантах оркестра, как говорится, кипела кровь. Это по мне!»⁷

Эллингтон тоже был в восторге от советских поклонников. Они аплодировали по 10 минут, было очень много молодых людей, и они страстно желали заполучить автограф. Такое отношение подкупало, и оркестр играл по три-четыре часа каждый концерт. Такого ранее не было ни в одной стране. Когда трубача оркестра Гарольда Джексона спросили, понравилось ли ему играть в СССР, он ответил: «Это потрясающе – играть для советских слушателей. Они сходят с ума от музыки»⁸.

Кроме официально запланированных концертов были еще и «джет-сессии» в клубах. Одной из значительных для нашего исследования является закрытая ночь в джаз-клубе Камертон, организованная американским посольством. О том, где будет проходить встреча, не знали и сами музыканты, однако в клуб набилось 150 человек и всю ночь американские гости играли, чередуясь с советскими импровизаторами. Это значимо, потому что той ночью советские и американские музыканты были на равных, потому что американцы увидели, как играется джаз в СССР, и им это понравилось. Также эта ночь важна, потому что на следующий день американское посольство было официально уведомлено о том, что клуб будет закрыт как минимум на год за проведение несанкционированной «джет-сессии».

Стремление Госконцерта и Министерства культуры СССР подчинить себе стихийный джаз и любовь к этому виду музыки объяснялось страхами перед малоизвестной американской культурой, которая, придя от темнокожих рабов, отвоевавших свою свободу, стала символом американской нации. Позволение Эллингтону приехать было рискованным мероприятием, но необходимым звеном в политике налаживания диалога с США. Это был своего рода реверанс, и ответом на него послужило позволение группе Большого театра приехать с гастрольями в США, несмотря на то что ранее несколько лет это американской стороной не разрешалось.

Оркестр Эллингтона за сентябрь–октябрь 1971 г. посетил Ленинград, Киев, Минск и Москву. Везде они были встречены потрясающе тепло. Все концерты и встречи были строго согласованы с Госконцертом. Везде были проблемы с билетами, но особенно ярко это проявилось в Москве. Выяснилось, что на четыре концерта из 4400 в открытую продажу поступили только 800 билетов, а осталь-

ные были распределены среди партийных чиновников и активистов. На концертах должны были присутствовать журналисты нескольких иностранных изданий, поэтому профессор Коэн считает, что таким образом они стремились ограничить доступ поклонников на концерт, чтобы не показывать, как популярен джаз в СССР. Был большой скандал, в результате которого Госконцерт в экстренном порядке организовал дополнительное выступление оркестра Эллингтона на самой большой площадке города: на спортивном стадионе в Лужниках, где количество мест достигало 10 тыс. Несмотря на уже традиционное отсутствие рекламы концертов, все билеты были проданы.

Гия Канчели вспоминает: «Наконец, я услышал оркестр Дюка Эллингтона во время его гастролей в нашей стране. Я испытал настоящее потрясение – мне явился джаз в высшем проявлении, зажигательный, одухотворенный, мудрый! Радость моя, как музыканта, была ничуть не меньше, чем при знакомстве с симфонией Д. Шостаковича или «Весной священной» И. Стравинского»⁹.

Не просто так проводится параллель с классической музыкой, ведь для самого Эллингтона Россия была вдохновением: «Любой, кто пишет музыку, играет музыку или имеет к музыке искренний интерес, хочет приехать в Россию, я уверен, что особенно те, кто пишет музыку. Они все хотят приехать сюда, чтобы увидеть, может ли им хоть немного помочь тот воздух, которым дышали великие композиторы», – говорил музыкант в интервью для радио¹⁰.

Но и Эллингтон вдохновлял СССР. Возьмем историю советского всеми любимого музыкального гения Олега Лундстрема. Его оркестр был несказанно популярен, Лундстрем пережил «джазовые репрессии», которые начались в 1947 г., сохранив оркестр и чудом избежав ссылки, а в 1973 г. был удостоен звания заслуженного артиста РСФСР. Лундстрема называют и «одним из основоположников советского джаза», и «образцом нашего отечественного джазмена». Он внесен в книгу рекордов Гиннеса как руководитель старейшего в мире джазового оркестра. Но началось все для Лундстрема с Эллингтона, как он пишет в своих воспоминаниях: «Вот как-то (это было в 1932 году) я случайно купил в магазине пластинку с записью Эллингтона – “Dear Old Southland”. Я был ошеломлен. Я просто влюбился в эту музыку. Заполучив джазовую пластинку, я пригласил к себе друзей и показал им запись. Мой энтузиазм передался им сразу – мы совсем затерли эту пластинку. Эта пластинка сыграла роль детонатора. Она буквально перевернула всю мою жизнь. Я открыл для себя незнакомую ранее музыкальную вселенную»¹¹. Далее молодые друзья просто экспериментируют и «учатся» джазу, копи-

руя его с пластинок. И в 1934 г. в далеком городе Харбине был создан оркестр, который в 1947 г. переехал в СССР.

Гастроли Эллингтона и возможность увидеть своего кумира позволили советским поклонникам джаза убедиться в гениальности музыканта: «Эллингтон внес значительный вклад в музыку. Шеддевры Эллингтона, сколь ни скромны их масштабы, вписаны в наше время и по-своему его выражают. Эллингтон – огромный талант. Его мелодический дар, его гармонии и формы – поразительны. Это первый подлинно джазовый композитор. На всем, что он делает, лежит печать его личности, яркой творческой индивидуальности. Подумать только, 47 лет бессменно во главе оркестра! Аналогий в мире музыки просто нет», – писал А. Хачатурян¹².

Советская пресса по причине цензуры неохотно, но освещала концерты. В газете «Советская Россия» появилась статья, в которой один из подзаголовков назывался так: «Дюк Эллингтон: Я тебя люблю». А газета «Правда» сообщила о пребывании в СССР группы американских музыкантов¹³.

Но главное, эти концерты дали толчок развитию советского джаза. «Становление джаза в нашей стране строилось на таких корифеях, как Л. Утесов, А. Цфасман, А. Варламов и другие. Они много сделали, чтоб советский джаз нашел свой неповторимый путь, основанный на нашем национально-культурном разнообразии традиций и музыкальной культуры.

Вненациональной музыки нет и не может быть. Джаз не исключение. Он был национален на заре своего развития, когда его сущность выявлялась в простейших видах народной бытовой музыки... Отрыв от народной основы джаза губителен: теряется смысл его эволюции, джаз как бы самоуничтожается», – отмечал Хачатурян¹⁴. Но и любовью всей жизни Александра Цфасмана был Дюк Эллингтон¹⁵.

Джаз и гастроли американских музыкантов оказали большое влияние на становление и советской эстрады. «В годы творческого кризиса “Арсенала” (одной из популярных советских групп) в 1977–1979 годах руководитель коллектива стремился приобщить музыкантов к классическому джазу в исполнении Д. Эллингтона, Т. Монка, Х. Сильвера, смешать джаз с камерным музицированием и вылить это в некий новый стиль. Однако, справедливости исторической ради, необходимо отметить, что продержалась группа в этом направлении недолго. С приходом В. Зинчука в ансамбль группа ушла в “эстрадизацию классики”»¹⁶. Это стало новым этапом в культурной жизни советских граждан, который был бы невозможен без джазовых экспериментов и попыток понять и воспроизвести далекую музыку афроамериканцев.

В качестве выводов нужно отметить, что культурный обмен, будь то приезд американцев в СССР или советских граждан в США, был двусторонним. В 1971 г. Дюк Эллингтон открыл для себя мир советского человека. Жалуясь на еду, простоватые гостиницы и «постоянную слежку», он обожал советских слушателей, уважал советских музыкантов настолько, что договаривался о совместных проектах. Политики решили «утеплить» отношения между СССР и США за счет музыки, но только простые люди смогли сделать это по-настоящему возможным. И, безусловно, это позволило продолжить внутрикультурный диалог советской и американской интеллигенции, а также определило отношение к предстоящему визиту президента Никсона в СССР и к курсу разрядки международной напряженности в треугольнике СССР–США–Китай. Однако восприятие настолько непростой «другой» культуры было бы намного сложнее, не будь музыки.

Примечания

- ¹ *Переверзев Л.Б.* Приношение Эллингтону и другие тексты о джазе. СПб., 2011. С. 122.
- ² *Eschen P.M. von.* Satchmo Blows up the World: Jazz Ambassadors Play the Cold War. Cambridge, MA, 2004. P. 4.
- ³ *Cohen H.G.* Visions of Freedom: Duke Ellington in the Soviet Union // *Popular Music* 2011. Vol. 30. № 3. P. 300.
- ⁴ *Ibid.* P. 302.
- ⁵ *Ibid.* P. 307.
- ⁶ *Баташев А.* Панорама джаза (1970–1982) // *Советский джаз: Проблемы. События.* Мастера. М., 1987. С. 409.
- ⁷ *Хачатурян А.* Джаз – непреложная данность нашего бытия // *Советский джаз...* С. 54.
- ⁸ *Cohen H.G.* *Op. cit.* P. 308.
- ⁹ *Канчели Г.* Чувство джаза – это нечто природное // *Советский джаз...* С. 71.
- ¹⁰ *Cohen H.G.* *Op. cit.* P. 315.
- ¹¹ *Лундстрем О.* Так мы начинали... // *Советский джаз...* С. 311.
- ¹² *Хачатурян А.* Указ. соч. С. 54.
- ¹³ *Ellington D.* Music is my mistress. N. Y., 1973. P. 368.
- ¹⁴ *Хачатурян А.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁵ *Медведев А.* Александр Цфасман // *Советский джаз...* С. 343.
- ¹⁶ *Саульский Ю.* Метаморфозы «Арсенала» // *Советский джаз...* С. 249.

Н.И. Харитоновна

ПРИДНЕСТРОВСКИЙ КОНФЛИКТ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

В статье в контексте изучения Приднестровского конфликта рассматривается работа А.В. Девяткова «Перед вызовом европеизации: Политика России в Приднестровском урегулировании (1992–2012 гг.)». Наряду с анализом отдельных положений работы А.В. Девяткова, специфики его подхода к изучению периода мирного урегулирования Приднестровского конфликта определяется место монографии в русскоязычной историографии Приднестровского конфликта.

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Приднестровский конфликт, международные отношения, внешняя политика, мирное урегулирование, переговорный процесс, Европейский Союз, историография.

В историографии Приднестровского конфликта можно выделить четыре направления: приднестровское, молдавское, российское и западное (причем российское и приднестровское направления в общем следуют в одном русле, так же как молдавское и западное). В данной статье рассматривается специфика русскоязычной историографии Приднестровского конфликта и процесса мирного урегулирования, т. е. два направления – приднестровское и российское.

Наиболее полной и обширной является приднестровская историография. Можно сказать, что в Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) на разработку проблематики, связанной с конфликтом и процессом мирного урегулирования, к слову, до сих пор не завершено, брошены значительные силы. Так, в рамках Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко действует Научно-исследовательская лаборатория (НИЛ)

«История Приднестровья». Изучая историю Приднестровья и главным образом Приднестровского конфликта, НИЛ решает задачу обеспечения исторической легитимности существования Приднестровской Молдавской Республики. Дело в том, что приднестровская концепция истории возникла в условиях политического, а затем вооруженного противостояния 1989–1992 гг. и самым непосредственным образом связана с идеологическим обоснованием приднестровской государственности.

НИЛ «История Приднестровья» издает научный журнал «Ежегодный исторический альманах Приднестровья», в котором публикуются современные работы по истории, преимущественно затрагивающие процессы, связанные с прошлым Приднестровского региона. По специально разработанной и утвержденной правительством ПМР в апреле 1994 г. программе изданы работы приднестровских историков Н.В. Бабилунги и Б.Г. Бомешко «Книга памяти защитников Приднестровья» (1995 г.), под их авторством также вышли работы «Бендеры – расстрелянные, непокоренные» (1993 г.), «Дубоссары – кровоточащая рана Приднестровья» (1993 г.), «Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политологические аспекты» (1998 г.); опубликованы материалы, раскрывающие ход и последствия молдово-приднестровского противостояния 1992 г. Опубликованы сборники документов «Бессарабский вопрос и образование ПМР», «К миру через согласие», ряд статей и брошюр, монографий (например, работа президента ПМР И.Н. Смирнова «Жить на нашей земле...»), авторы которых дают собственную трактовку истоков конфликта в советской Молдавии, а также раскрывают отдельные аспекты становления ПМР, как, например, это сделано в статье И.Н. Галинского «Право приднестровского народа на обретение приднестровского государства»¹. В этих работах рассматриваются ключевые аспекты Приднестровского конфликта, специфика процесса мирного урегулирования и государственного строительства ПМР. Серьезный уровень обобщения причин, предпосылок конфликта, специфики исторического развития Приднестровского региона и других важных аспектов содержится в таких комплексных работах приднестровских историков, как коллективные монографии «Феномен Приднестровья» (2003 г.) и «История Приднестровской Молдавской Республики» (т. 1 – 2000 г., т. 2 – 2001 г.)². Приднестровские авторы А.З. Волкова, Г.П. Воловой, П.М. Шорников, А.В. Дирун в своих работах уделяют много внимания таким сторонам Приднестровского вопроса, как роль лидера Приднестровья И.Н. Смирнова в становлении приднестровской государственности, специфика

операции по освобождению Бендер, роль и место силовых структур ПМР и Молдовы в приднестровском конфликте и т. д.³

Важно иметь в виду, что тематика Приднестровского конфликта освещалась по большей части Тирасполем и Москвой. Кишинев же проявил в этом смысле крайне легкомысленное отношение к вопросу и даже некоторое безразличие, отдав Тирасполю полную свободу в толковании событий конфликта на Днестре. Единичные попытки представить иную точку зрения, претендующую на объективность, предпринимались инициативными группами и неправительственными организациями, но никак не руководством Молдовы⁴. В результате руководство непризнанной ПМР выпустило самостоятельно и при помощи России значительное количество изданий как на русском, так и на английском языках. В большинстве своем исследования приднестровских специалистов дают одностороннее толкование событий тех дней. Поэтому неудивительно, что в публикациях приднестровских авторов Кишинев однозначно выведен в качестве зачинщика, а Тирасполь позиционируется как пострадавшая в конфликте сторона⁵.

Непосредственно Приднестровскому конфликту полностью или частично посвящены монографии многих российских исследователей. Примечательны работы С.М. Самуйлова «Международные кризисы в Европе: содержание, роль Запада и политика России», в которой на основе цивилизационного подхода показываются возможные пути разрешения Приднестровского и Югославского конфликтов; К.Г. Мяло «Россия и последние войны XX в. (1988–2000)»; монография В.Ф. Пряхина «Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан)», в которых наряду с другими конфликтами на постсоветском пространстве рассмотрен и Приднестровский конфликт⁶.

Монография Г.Г. Гольдина и В.В. Митяша «ОБСЕ и Приднестровье» посвящена последовательному освещению противостояния Республики Молдова и Приднестровья в системе международных отношений на юго-востоке Европы, особое внимание уделено России и Украине как странам-посредникам и роли ОБСЕ в политическом урегулировании приднестровской проблемы, организации диалога между Молдовой и Приднестровьем с целью установления мира и безопасности в регионе⁷.

В монографии В.В. Митяша «Приднестровский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования» раскрываются истоки зарождения конфликта и поиски путей его мирного урегулирования⁸.

Приднестровскому конфликту посвящено большое количество статей в периодических изданиях России, в их числе: статьи А.Б. Богданова «Приднестровский конфликт и российские волонтеры», Г. Гольдина «Как развязать приднестровский узел?», в которых делается политологический анализ современной ситуации в приднестровском вопросе сквозь призму российских интересов; А. Васильева «Вторая Молдавская республика» и Приднестровье», где автор рассматривает внутреннюю и внешнюю политику Молдовы, раскрывает суть политики президента Молдовы П. Лучинского по отношению к Приднестровью; И. Селивановой «Приднестровский конфликт: что за этим стоит?», содержащая анализ возможных путей разрешения конфликта; сотрудников Центра геополитических исследований Института географии РАН В.А. Колосова и Д.В. Зайца «Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта»; К. Мяло «Москва – Тирасполь: необходимое объединение», в которой автор обрисовывает непоследовательность политики Москвы в отношении Приднестровья; А.В. Танаса «Приднестровское урегулирование: вопросов больше, чем ответов», где автор раскрывает некоторые аспекты переговорного процесса между Молдовой и Тирасполем при посредничестве России, Украины и ОБСЕ. Примечательны в этой связи также статьи В. Демичко, А. Кынева, Т. Матвеевой⁹, а также публикации автора данной статьи¹⁰.

Публицистический характер носят статьи российских авторов В. Муссалитина «Жемчужный осколок великой державы» или хождение за две границы к своим», Д. Балашова «Приднестровский дневник», В. Житаренко «В окопах Приднестровья», Д. Кириллова «Золотые погоны и скальпель», А. Филиппова «Русские русских в плен не берут... (к портрету генерала А. Лебеда)», Н. Конева «Одна небольшая война», И.В. Селивановой «Республика Молдова: хроника приднестровского конфликта», в которых в форме репортажей, хроник, очерков излагаются события молдово-приднестровского противостояния¹¹.

Анализ российской историографии Приднестровского конфликта и процесса его урегулирования показывает, что в целом российские специалисты в своих работах концентрируют внимание на причинах и предпосылках конфликта, его фазах, а затем на этапах и поочередно сменяющихся форматах мирного урегулирования. В основной массе работ политика России, выступившей миротворцем и гарантом, описывается в русле приднестровской историографии: подчеркивается решающая роль России и российской 14-й армии в прекращении кровопролития, характеризуются уси-

лия российской стороны в налаживании переговорного процесса и стремления усадить за стол переговоров стороны, для которых сам факт вступления в полноценный диалог был весьма непростым шагом после горячей фазы конфликта, и т. д. Ряд работ затрагивал и такой непростой аспект, как сравнение политики России в отношении разных непризнанных государств на постсоветском пространстве, и здесь авторы прямо указывают, что у России отсутствует единый выработанный подход к решению такого рода проблем на территории СНГ¹².

Принципиально новым направлением в изучении Приднестровского конфликта стало рассмотрение событий в Приднестровском регионе в контексте европейского вектора внешней политики России. Первой в данном направлении стала вышедшая в позапрошлом году монография российского исследователя А.В. Девяткова «Перед вызовом европеизации: политика России в Приднестровском урегулировании (1992–2012 гг.)»¹³ и моментально привлекавшая к себе внимание специалистов, исследующих эту весьма непростую тему. Данная работа не могла не привлечь и нашего внимания по двум причинам. Во-первых, автор настоящей статьи проживал в Приднестровье в период с 1988 по 2001 г. и стал непосредственным наблюдателем многих событий, проходивших в то время в Приднестровье, а во-вторых, сам занимается этой проблематикой и в 2008 г. защитил диссертацию на тему «Приднестровский конфликт и проблема непризнанных государств на постсоветском пространстве», а в данный момент готовит к публикации монографию, посвященную этой теме.

Необходимо заметить, что монография А.В. Девяткова вышла очень своевременно: всего лишь годом ранее в Приднестровской Молдавской Республике сменилась власть – ушел Игорь Смирнов, и его на посту президента сменил молодой и энергичный Евгений Шевчук, последние годы имевший серьезную поддержку среди населения непризнанной республики. Сам формат смены власти был весьма и весьма показателен прежде всего в контексте российской политики в регионе. Часть российского истеблишмента практически открыто поддерживала своего кандидата – Анатолия Каминского, однако этот российский проект оказался полностью провальным, а сам факт «открытого участия» России во внутренней политике Приднестровья вызвал весьма негативную реакцию не только в среде приднестровской общественности, но особенно среди политических оппонентов России в Молдове, на Украине, в Грузии, имевшей опыт противостояния в рамках электоральных процессов в признанных Россией Абхазии и Южной Осетии.

И конечно, Европейский Союз, непосредственно вовлеченный в процесс приднестровского урегулирования в качестве наблюдателя, однозначно отнесся к очередной электоральной афере в регионе, реализованной одной из российских групп интересов. Важно и то, что последние годы интенсификация переговоров вокруг приднестровской проблемы связана преимущественно с желанием Молдовы и поддерживающих ее европейских стран и структур преформатировать миротворческую операцию на Днестре: именно сейчас вокруг этого вопроса ломают копыя политики, эксперты и исследователи. С другой стороны, актуальность выхода монографии А.В. Девяткова связана с активизацией России на европейской политической сцене в последние годы. Краеугольным камнем здесь стала проблема европейской безопасности. И приднестровский вопрос в данном случае выступает как лакмусовая бумажка, показывающая реальное положение дел в регионе.

Большой интерес вызывает и формулировка темы, вынесенная в название монографии: работа посвящена исследованию российской политики в процессе приднестровского урегулирования в период с 1991 по 2012 г., проблеме встраивания миротворческого процесса в Молдове в европейский вектор российской внешней политики и в процесс интеграции в европейскую систему безопасности. Таким образом, автор предлагает взглянуть на приднестровскую проблему под новым углом зрения. При этом фактически он предлагает вывести за скобки интересы, чаяния и опыт самих жителей Приднестровья, как это в свое время было сделано политическими акторами, решавшими судьбу Приднестровья в 1992 г., на что сам автор, в частности, и указывает. По мнению автора, политический субъект под названием Приднестровская Молдавская Республика фактически стала побочным явлением, во многом издержкой в решении сложнейшей ситуации, затрагивавшей интересы большого количества государственных субъектов – России, Украины, Молдовы, Румынии, а также ЕС и ОБСЕ как структур, вовлеченных в процесс разрешения кризиса.

Данная позиция явно не пришлась по душе сторонникам приднестровской независимости, однако она может иметь сторонников в лице тех исследователей, которые выступали и выступают за максимально прагматичный внешнеполитический курс России и полагают, что формирование «серого» «приднестровского анклава» вполне отвечает интересам России с точки зрения использования максимально широкого инструментария для реализации собственных интересов на балканском и европейском направлениях. Речь прежде всего идет об интересах бизнеса, а также возможности ока-

зывать политическое давление на Молдову с целью недопущения утраты ею нейтрального статуса и встраивания в структуры НАТО в частности. Однако остается непонятным, каким образом практически в одночасье бывшая Молдавская ССР стала частью политического европейского пространства, а политика России в этом постсоветском регионе стала частью европейской политики.

Монографию А.В. Девяткова предваряет предисловие А. Макарычева, доктора исторических наук, профессора, приглашенного научного сотрудника Института Восточной Европы свободного университета Берлина, научного руководителя автора монографии. А. Макарычев в предисловии к работе ученика фактически задает определенный тон. Так, он констатирует, что попытки решения приднестровской проблемы, предпринятые одним из центров силы в одностороннем порядке, будь то Россия или Европейский союз, в целом малоэффективны (с. 4), поэтому далее решение необходимо искать в совместных усилиях (с. 5); России необходимо инвестировать государственные ресурсы в разработку инструментов «мягкой силы», без которых миротворчество и посредничество едва ли возможны (с. 7). Со всеми этими положениями можно, безусловно, согласиться. Однако если детализировать каждое из них, выяснится, что по многим позициям могут быть приняты решения, не соответствующие интересам как России, так и самого Приднестровья.

К числу положительных моментов монографии наряду с весьма оригинальным подходом к проблеме можно отнести широкую источниковедческую и историографическую базу исследования: интервью с политиками и экспертами (имена которых в единичных ссылках, правда, не указываются), материалы приднестровских, российских, молдавских и украинских СМИ, материалы делопроизводственной и актовой документации, источники личного происхождения.

Структура монографии построена по проблемно-хронологическому принципу. Первый раздел монографии А.В. Девяткова посвящен вопросу лидерства России в процессе приднестровского урегулирования (1991–2002 гг.). Здесь в центре внимания автора находятся обстоятельства, при которых Россия стала масштабным участником приднестровского урегулирования. Автор полагает, что именно усиливавшаяся в начале 1990-х гг. геополитическая мотивация стала одной из причин усложнения ситуации в Приднестровском регионе. Здесь же автор указывает, что на рубеже 1990–2000-х гг. Россия была наиболее близка к нахождению легитимного решения приднестровского вопроса в сотрудничестве с западными партнерами.

Во второй главе своей монографии А.В. Девятков описывает причины и факторы, повлиявшие на решение России поддержать статус-кво в Приднестровье в 2003–2008 гг.

Наконец, третья глава монографии посвящена автором изменившейся, новой политике России в Приднестровье. Данный раздел является ключевым: автор демонстрирует свое видение активизации политики РФ в регионе, что выразилось в уже упомянутой поддержке одного кандидата на президентских выборах в декабре 2011 г. и в оформлении так называемого Мезебергского процесса, ставшего пилотным проектом для улучшения отношений с Европейским союзом (с. 10).

Фактографическая значимость данной монографии неоспорима, она дает достаточно полное представление о событиях Приднестровского конфликта и специфике процесса его урегулирования. Работа содержит ряд выводов, представляющих научный и практический интерес, но при этом не являющихся бесспорными.

Следует отметить, что в данной научной работе раскрывается ряд интересных аспектов: наряду с новым ракурсом рассмотрения проблемы и с видением ситуации с позиции стороннего наблюдателя автор в сжатом виде весьма точно «диагностирует» состояние межгосударственной системы отношений вокруг приднестровского вопроса на каждом этапе.

Оригинальность оценок автора событий и участников конфликта в Приднестровском регионе обнаруживается в большинстве тезисов, касающихся оценки усилий приднестровской стороны не только по вопросу достижения независимости, но и защиты от агрессии. В частности, автор отмечает, что те общественно-политические силы и государственные структуры, которые сыграли ключевую роль в отстаивании независимости Приднестровья в горячую фазу конфликта, а именно Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК), женские организации, подразделения республиканской гвардии, стояли на радикальных позициях (с. 16), т. е. ровно на тех позициях, на которых стояли силы, инициировавшие вооруженные столкновения на территории Приднестровья и Гагаузии. Получается, что обороняющаяся на своей территории сторона приравнивается к агрессору, который априори руководствуется радикальной идеей и подчиняется радикально настроенным лидерам. Другое дело, что тезис А.В. Девяткова относительно того, что и в среде элит Молдовы, и в среде элит Приднестровья, как собственно и среди населения на обоих берегах Днестра, не наблюдалось единства (с. 14, 17), конечно, не является оригинальным.

Не менее интересно видение автора причин и процесса втягивания России в Приднестровский конфликт летом 1992 г. А.В. Десятков подчеркивает, что основным мотивом втягивания России выступало прекращение прямого вовлечения российских войск во внутренний конфликт, в то время как «риторика о защите прав соотечественников выполняла в этом скорее функцию оболочки» (с. 33). Так, одна из основных причин и факторов Приднестровского конфликта, указываемых автором, – присутствие на территории Приднестровья соединений 14-й армии. Здесь, ссылаясь на командующего 14-й армией генерал-лейтенанта Ю. Неткачева и полковника 14-й армии В. Чернобривого, автор указывает, что 14-я армия подвергалась нападениям молдавских соединений, волонтеров и приднестровских отрядов с целью разграбления складов и захвата вооружений для использования его в последующей эскалации конфликта (с. 19–21, 26, 27, 29). Что касается нападений приднестровских отрядов на 14-ю армию с целью грабежа, очевидцы событий опровергают данные факты, а специалисты по приднестровской проблеме утверждают, что имел место переход военнослужащих 14-й армии (где, как отмечает сам автор монографии, около половины личного состава были приднестровцы) вместе с техникой на сторону воевавшего Приднестровья. Тот факт, что высокие чины объясняли пропажу техники неправомерными действиями со стороны приднестровских отрядов, вполне объясним, но куда сложнее обосновать, почему военнослужащие покинули соединения вместе с оружием.

Автор справедливо отмечает, что Россия политически поддерживала Кишинев, что выразилось, в частности, в передаче Молдове значительной части вооружений 14-й армии на правом берегу Днестра (речь на самом деле шла не только о желании Москвы политически поддержать Кишинев – ситуация объяснялась еще и банальной неспособностью России вывести вооружения из республики), которые впоследствии и были использованы в ходе военных действий против ПМР (с. 22–23) на фоне значительной политизации Приднестровского вопроса в Верховном Совете РФ: как после бендерских событий ряд политических деятелей России открыто высказывались в поддержку Приднестровья (с. 23–24), так и много позже (с. 37). На наш взгляд, автору удалось донести до читателя ту атмосферу, в которой командованием 14-й армии принималось решение о силовой операции с целью остановить вооруженный конфликт: отсутствие четких указаний из Москвы, не желавшей брать на себя ответственность за происходящее, заставило генерала А. Лебеда действовать по ситуации в режиме «ручного управления». Отсюда и столь разнящиеся оценки тех событий (с. 28–30).

Нельзя не согласиться с автором, что Россия, Приднестровье и Молдова использовали все имеющиеся у них инструменты для вовлечения в миротворческий процесс внешних игроков преимущественно из стран Европы, однако, как отмечает автор, «ответственность за урегулирование конфликта в Приднестровье легла исключительно на Россию» (с. 32). И в полной мере справедливым можно считать вывод автора, согласно которому Россия не способствовала развитию конфликтной ситуации в Молдове и именно Россия сыграла ключевую роль в сохранении ПМР (с. 33). Автор четко и последовательно изложил все перипетии, связанные с проблемой вывода российских войск с территории Приднестровья (с. 34–44, 71–72), определения статуса Приднестровского региона, внутренней политики в Приднестровье и Молдове (с. 44–61, 82–112), где в разные годы разное руководство было настроено на компромисс даже в условиях отсутствия взаимного доверия. Однако вывод автора, согласно которому к концу 1990-х гг. добиться урегулирования не удалось не только Москве, но и ОБСЕ, в то время как Приднестровье консолидировало свою государственность, а Молдова не смогла предложить приемлемую формулу урегулирования (с. 61), нуждается в уточнении. Важно учитывать и наличие «постконфликтного синдрома», который, согласно социальным опросам, имел место по обоим берегам Днестра, и наглядный пример Гагауз-Ери, фактически бесправной автономии в составе Молдовы, и прежде всего отсутствие прочной экономической платформы для объединения. Последний фактор имеет глубокие исторические корни и связан со спецификой экономического освоения территорий сначала Российской империей, а затем Советским государством.

Важный факт, отмеченный автором: Россия жестко увязывала вывод 14-й армии с окончательным мирным урегулированием (с. 73), что подразумевало определение статуса Приднестровья, и этот подход международное сообщество считает ошибочным. И как следует из текста, автор также полагает, что «вывод войск и вооружений должен был стать не сопутствующим фактором, а одной из предпосылок урегулирования» (с. 73). Здесь необходимо отметить, и это подтверждается опять же данными социологических опросов, что население Приднестровья выступало и продолжает выступать против вывода российских войск как гаранта безопасности Приднестровья до определения статуса республики. Важно учитывать и то, что Россия до сих пор придерживается такого подхода, несмотря на то что его фактическая реализация преподносится мировому сообществу как невыполнение «стамбульских обязательств» (что в числе других причин привело к краху режима ДОВСЕ, хотя

специалисты прекрасно знают, что Россия выполнила «стамбульские обязательства» и вывела из региона вооружения, регулируемые ДОВСЕ). Это позволяет сделать вывод, что подход, особенно выпукло проявившийся на этапе максимально прагматичной политики России по отношению к Приднестровью в начале 2000-х гг., не является лишь проявлением неосмотрительного упрямства российского руководства, каковым пытается представить его автор.

А.В. Девятков в своей работе уделяет большое внимание проблеме изменения формата миротворческой операции на Днестре (с. 62–65, 75–93, 120–123). Одной из попыток разрешить дилемму «вывод 14-й армии или мирное урегулирование» стал «Меморандум Козака» (2003 г.), который предусматривал создание на территории Федеративной Республики Молдовы (в составе Молдовы, Гагауз-Ери и Приднестровья) военно-гарантийного контингента России на основе 14-й армии, что позволило бы заблокировать интернационализацию миротворческой миссии (с. 86–91). Как известно, руководство Молдовы под давлением со стороны Запада не подписало меморандум и данная попытка России решить Приднестровский вопрос фактически провалилась. Автор справедливо отмечает, что международное сообщество, сорвав подписание «Меморандума Козака», фактически игнорировало реалии (с. 92) и достижения Приднестровья на пути государственного строительства в весьма непростых условиях. Сложно не согласиться с утверждением автора, что односторонняя дипломатия России, нашедшая выражение в меморандуме, была заблокирована такими же односторонними действиями со стороны США и ЕС, предъявившими Молдове ультиматум: либо подписание меморандума, либо интеграция Молдовы в европейские структуры (с. 92).

Срыв подписания меморандума вернул переговорный процесс к нулевой отметке, однако давление Запада на Молдову, Россию и Приднестровье по поводу смены формата миротворческой миссии только усилилось. Повысилась и степень отторжения попыток расширения количества участников переговорного процесса со стороны России. Более того, как указывает автор, Россия стала использовать в диалоге с Молдовой так называемый принцип нейтралитета, предусматривающий невступление Молдовы в НАТО (с. 107, 113). Здесь же автор указывает и на другие инструменты, используемые Россией для давления на Молдову: паспортизация населения Приднестровья (с. 107), тема защиты прав соотечественников (с. 108), санкции против импорта товаров из Молдовы (с. 105–106), экономическая, финансовая и гуманитарная помощь Приднестровью и т. д. Данные меры имели эффект, и в 2006–2007 гг. перегово-

ры по мирному урегулированию Приднестровского конфликта получили новый импульс, однако, как указывает автор, ресурс политического миротворчества Москвы на 2009 г. был исчерпан (с. 111). Последнее утверждение автора, на наш взгляд, не совсем верно. Необходимо учитывать российский опыт в российско-грузинской войне 2008 г., международные последствия которой имели отрезвляющее действие на политическое руководство России, а также тот факт, что на 2009 г. у России по-прежнему отсутствовало четкое видение механизма решения конфликта. Однако российское руководство было склонно рассматривать проблему следующим образом: Москва, предоставляя некоторые гарантии, дает возможность двум конфликтующим сторонам самим определиться.

Новой попыткой дать импульс переговорам по мирному урегулированию стало прямое взаимодействие России и ЕС. Как указывает автор, в 2010 г. российский президент Д.А. Медведев и немецкий бундесканцлер А. Меркель подписали так называемый Мезебергский меморандум, увязывающий создание Комитета Россия–ЕС по вопросам безопасности с урегулированием Приднестровского конфликта, что придало процессу определенную динамику (с. 120). Автор указывает, что изменился и подход России к приднестровскому урегулированию. Так, Россия наряду с Молдовой, ЕС и США настаивает на невозможности признания ПМР, однако риторика об особом статусе ПМР пока еще сохраняется (с. 121). Более того, согласно тексту, наряду с фактическими шагами навстречу позиции Запада Россия остановила паспортизацию приднестровцев (с. 123), проявила готовность к изменению формата миротворческой операции на Днестре и выводу соединений ОГРВ (с. 122). Правда, следует отметить в возражение автору, что ключевые фигуры в российском истеблишменте и сейчас, и на момент публикации монографии четко указывают на неприемлемость изменения формата миротворческой миссии России в Приднестровье (см., например, интервью спецпредставителя президента РФ в Приднестровье Д. Рогозина газете «Коммерсант» № 71 от 20.04.2012), а сам Мезебергский процесс так и не продемонстрировал свою состоятельность как эффективный инструмент урегулирования приднестровского вопроса.

Здесь же А.В. Девятков отмечает, что договоренности в рамках Мезебергского процесса остаются нереализованными, что, может быть, связано и с ситуацией в самой России (с. 123–124). Но самое примечательное, что автор стремится представить ситуацию таким образом, что России ничего не остается, как воплотить чаяния Запада по переформатированию миротворческой операции на Днестре в жизнь: Россия меняет подход к решению приднестровского вопроса

в рамках включения в европейскую систему безопасности, понимая, что сдерживание Молдовы от сближения с Западом вряд ли возможно (с. 131–132). Автор подталкивает к мысли, что смена формата миротворческой операции и расширение числа участников переговорного процесса – наиболее приемлемый сценарий и что любое решение, найденное без непосредственного участия Запада, вряд ли будет легитимным и эффективным. Однако, по мнению большинства российских специалистов, миротворческая операция, реализуемая Совместными миротворческими силами, является эффективной. Кроме того, в подписанном 18 марта 2009 г. в Москве совместном заявлении президентов Молдавии, Приднестровья и России отмечается стабилизирующая роль действующей в регионе российской миротворческой миссии и целесообразность ее трансформации в мирогарантийную операцию под эгидой ОБСЕ только после окончательного урегулирования молдово-приднестровского конфликта. Таким образом, очевидно, что притязания Молдовы и ее западных партнеров на изменение формата миротворческой операции не являются справедливыми, а ныне существующий формат миротворческой операции отвечает современным реалиям – периоду, когда в рамках сложнейшего политического диалога решается судьба Приднестровья. Важно понимать, что в ситуации, когда проблема трансформации миротворческой операции становится камнем преткновения в отношениях Молдовы, России и ЕС, будущее миссии зависит от множества факторов, однако здесь именно политическая воля России выступает в качестве ключевого фактора.

В заключение необходимо отметить, что работа А.В. Девяткова, безусловно, претендует на новое слово в историографии Приднестровского конфликта, задавая тон новому направлению. При том, что работа А.В. Девяткова носит весьма дискуссионный характер и многие высказанные им положения по меньшей мере спорны, сам факт появления такой работы говорит о том, что проблематика Приднестровского конфликта и урегулирования чрезвычайно актуальна. И поставить точку в этом важном вопросе получится еще не скоро.

Примечания

¹ См.: *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* Книга Памяти защитников Приднестровья. Тирасполь, 1995; *Они же.* Бендеры – расстрелянные, непокоренные. Тирасполь, 1993; *Они же.* Дубоссары – кровоточащая рана Приднестровья. Тирасполь, 1993; *Они же.* Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политологические аспекты. Тирасполь, 1998; Бессарабский вопрос и образование

- Приднестровской Молдавской Республики: Сборник официальных документов. Тирасполь, 1993; *Волкова А.* Лидер. Тирасполь, 2001; *Она же.* Референдумы в Приднестровской Молдавской республике (1989–2003 гг.). Тирасполь, 2005; *Галинский И.Н.* Право приднестровского народа на самоопределение и образование суверенного государства // ЕвроАзия. 2005. Апрель; *Он же.* Приднестровье в контексте геополитического переформатирования постсоветского пространства // *Общественная мысль Приднестровья.* 2006. № 1; *Смирнов И.Н.* Жить на нашей земле. 2-е изд. Тирасполь, 2005; Приднестровская государственность: история и современность. Тирасполь, 2005.
- ² См.: *Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г., Галинский И.Н., Губогло Е.М., Окушко В.Р., Шорников П.М.* Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2003; История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 1–2. Тирасполь, 2000–2001.
- ³ См.: *Благодатских И.* Молдова и Приднестровье в поисках «своей» истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999; *Волкова А.* Лидер; *Она же.* Референдумы в Приднестровской Молдавской республике (1989–2003 гг.); *Воловой Г.П.* Кровавое лето в Бендерах. Бендеры, 1993; *Дирун А.В.* Историко-правовые основы воссоздания государственности Приднестровской Молдавской республики // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997; *Кондратович Д.Ф.* Предыстория Приднестровской Молдавской республики // Там же; *Шорников П.М.* Политико-психологические мотивации внутри национальной армии Молдовы в период вооруженного конфликта в Приднестровье // Международные и внутренние аспекты регулирования политических и социальных конфликтов в Российской Федерации. М., 1999.
- ⁴ Роль Российской Федерации в урегулировании приднестровского конфликта. Часть вторая [Электронный ресурс] // Новостная система VSESMI.RU. URL: <http://www.vsesmi.ru/news/697581/1461789/> (дата обращения: 02.05.2014).
- ⁵ См.: Государственный суверенитет Приднестровской Молдавской Республики. Тирасполь, 2006; Международное право и реалии современного мира: Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство. Тирасполь, 2006; *Общественная мысль Приднестровья.* 2006. № 1; Приднестровская государственность: история и современность; The international law and modern world realities: The Pridnestrovian Moldavian republic as a full-fledged state. Tiraspol, 2006.
- ⁶ См.: *Самуйлов С.М.* Межнациональные процессы в Европе: содержание, роль Запада и политика России. М., 1994; *Мяло К.Г.* Россия и последние войны XX в. (1988–2000). М., 2002; *Пряхин В.Ф.* Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М., 2002.
- ⁷ *Гольдин Г.Г., Митяш В.В.* ОБСЕ и Приднестровье. М., 2000.
- ⁸ *Митяш В.В.* Приднестровский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования. М., 2002.
- ⁹ См.: *Богданов А.Б.* Приднестровский конфликт и российские волонтеры // Россия и Советский Союз в локальных войнах и вооруженных конфликтах

- XX столетия. Екатеринбург, 2001; *Васильев А.* «Вторая молдавская республика» и Приднестровье // Россия XXI. 2000. № 1; *Гольдин Г.* Как развязать приднестровский узел // Власть. 2001. № 1; *Демичкий В.* Молдавия может стать федерацией // Эхо планеты. 2003. № 17; *Гросул В.Я., Гузенкова Т.С.* Приднестровье // Молдавия. Современные тенденции развития. М., 2004; *Колосов В.А., Заяц Д.В.* Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1; *Кынев А.* Приднестровский штопор // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. № 4; *Матвеева Т.* Дипломатия наводит мосты через Днестр // Международная жизнь. 1997. № 6; *Мяло К.* Москва – Тирасполь: необходимое объяснение // Наш современник. 2002. № 10; *Новикова О.О.* Приднестровье: автономия или независимость // Актуальные проблемы Европы. М., 2009. № 3; *Селиванова И.Ф.* Приднестровский конфликт: что за этим стоит? // Обозреватель. 1994. № 3–4; *Танас А.В.* Приднестровское урегулирование: вопросов больше, чем ответов // Этнопанорама. 2003. № 1–2; *Улуня А.* Приднестровье станет задачей стратегической // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 1. Непризнанные государства. М., 2006; *Он же.* Россия станет спонсором непризнанных // Там же; *Шорников П.М.* Указ. сч.
- ¹⁰ См.: *Харитонов Н.И.* Приднестровье: война и перемирие (1990–1992 гг.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 187–197; *Она же.* Атрибуты государства в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике // Государственное управление: Электронный вестник. 2013. № 37. С. 92–106; *Она же.* Возможные последствия подписания Соглашения об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом // Там же. 2014. № 43. С. 39–54.
- ¹¹ См.: *Балашов Д.* Приднестровский дневник // Наш современник. 1992. № 8; *Житаренко В.* В окопах Приднестровья. М., 1992; *Кириллов Д.* Золотые погоны и скальпель // Иртыш. 1992. № 2; *Конева Н.* Одна небольшая война // Подъем (Воронеж). 2001. № 2; *Муссалитин В.* «Жемчужный осколок великой державы» или хождение за две границы к своим // Российская Федерация сегодня. 2000. № 23; *Селиванова И.Ф.* Приднестровский конфликт: что за этим стоит?; *Она же.* Республика Молдова: хроника приднестровского конфликта // Кентавр. 1994. № 4; *Филитов А.* «Русские русских в плен не берут...»: к портрету генерала А.И. Лебеда // Посев. 1995. № 2.
- ¹² *Маркедонов С.* СНГ-2: феномен непризнанных государств на постсоветском пространстве // ЕвроАзия. 2006. Июль–август.
- ¹³ *Девятков А.В.* Перед вызовом европеизации: Политика России в Приднестровском урегулировании (1992–2012 гг.). Тюмень, 2012.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА
ВЫХОДА ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
ИЗ СОСТАВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ:
ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Статья посвящена анализу процесса преобразования Хакасской автономной области в Республику Хакасия. Выделены основные экономические и политические условия этого процесса, охарактеризованы основные субъекты, инициировавшие этот процесс, а также основные его этапы. Особое внимание уделено роли региональных органов периодической печати и национальной интеллигенции в формировании общественного мнения в вопросе о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края, в повышении политико-правового статуса региона.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Хакасия, Хакасская автономная область, Красноярский край, федерализм, периодическая печать, общественное мнение.

Вторая половина 1980-х гг. – время коренного перелома в российской истории. Модернизационные процессы, начавшиеся в этот период, кардинальным образом изменили как политическую, так и социально-экономическую сферы общества. Первоначально эти процессы затрагивали только центральную власть и две столицы. Но примерно к 1987 г. в них оказались втянуты и регионы. Одним из направлений политической модернизации советского общества стало реформирование российского федерализма. Устройство РСФСР на тот период времени имело многоуровневый характер. Автономные области и округа входили в состав более крупных территориальных образований, как правило, краев, которые в свою очередь являлись административно-территориальными образованиями РСФСР. Столь сложная система не устраивала большинство автономий, в том числе и Хакасскую автономную область.

Целью данной статьи является анализ основных направлений, способов и методов формирования общественного мнения по вопросу о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края, а также определение и характеристика основных субъектов данного политико-правового решения. В качестве исторического источника для написания данной статьи были использованы в основном газетные материалы.

На рубеже 1980–1990-х гг. круг печатных СМИ в Хакасии был небольшой. Главным образом он был представлен рядом официозов. В первую очередь это областная (позже республиканская) общественно-политическая газета «Советская Хакасия» («Хакасия»). Данное периодическое издание являлось официальным рупором региональных властей. Именно на ее страницах неоднократно высказывали свои суждения руководители региона, в том числе и по вопросу повышения его политико-правового статуса. Редакторский коллектив часто предоставлял возможность местным ученым использовать газетные страницы для популяризации своих идей. Официозность издания, которая в принципе была характерна для печатных СМИ эпохи последних лет советской власти, смягчалась публикациями критического характера. Эпоха гласности оказала влияние на редакционную политику, тем не менее критика существующего социально-экономического положения чередовалась с изданием официальных публикаций. Несмотря на некоторые недостатки, отмеченные нами, именно страницы «Советской Хакасии», впоследствии «Хакасии», стали полем для борьбы идей и взглядов. Объяснить это можно прежде всего авторитетом газеты (издается с 1930 г.) и широкой сетью ее распространения.

Помимо общественно-политической газеты «Хакасия» с января 1992 г. в Абакане стала издаваться под учредительством Абаканского совета городских депутатов одноименная газета, которая стала своеобразным рупором либеральных воззрений и средством популяризации городских проектов.

Особое место в спектре печатного медиапространства Хакасии занимала «Сибирская газета». Подписка на нее не была широко распространенным явлением, чаще всего она распространялась через пункты продажи печатных СМИ. «Сибирская газета» издавалась в Новосибирске, в качестве учредителя выступала некая «Ассоциация сибирских и дальневосточных городов».

Проблема выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края в отечественной исторической науке рассматривается с двух позиций. Первая группа историков и публицистов (Ю.А. Шпигальских¹, В.М. Чекалдина² и Н.И. Сайбораков³,

П.М. Алексеев⁴) рассматривает данный процесс как процесс повышения политико-правового статуса региона. Второй подход предполагает анализ общественных сил, деятельность которых способствовала становлению Республики Хакасия. В рамках данного направления можно выделить работы Л.В. Анжигановой⁵.

Впервые робкие попытки обоснования вопроса о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края были предприняты в 1989 г. Тогда на страницах региональных печатных средств массовой информации был опубликован ряд статей, посвященных неправомерному положению автономных областей в составе РСФСР. Данные публикации рассматривали как общие положения административно-территориального устройства РСФСР, так и статус Хакасской автономной области в составе Красноярского края. Инициаторами опубликования подобных материалов были чиновники региональных органов власти.

На страницах газет можно проследить два основных направления формирования общественного мнения по вопросу о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края.

Первое – это экономическое обоснование необходимости региональной самостоятельности. Так, начальник областного планово-экономического управления В.М. Торосов следующим образом аргументировал неправомерность политико-правового статуса Хакасии. Главную причину подобного положения хакасский руководитель видел в экономической зависимости от Красноярского края. По его мнению, обладая развитой промышленностью и будучи весьма успешна в сельском хозяйстве, Хакасия полностью экономически была зависима от краевых властей. Она не имела прав самостоятельно планировать ни экономическое развитие, ни социальное. «Сегодня невооруженным глазом видно: по своему правовому положению автономные области оказались в условиях худших, чем равноценные им по экономическому и социальному потенциалу автономные республики и неавтономные области. У нас нет главного из того, чем обладают они: мы не можем самостоятельно решать все вопросы обеспечения комплексного экономического и социального развития на своих территориях. Это связано с тем, что автономные области РСФСР находятся не только в составе союзной республики, но и в составе края, что практически лишает их экономических основных прав»⁶.

Следует обратить внимание на то, что на данном этапе вопросы экономической самостоятельности Хакасии рассматривались не отдельно, а только в совокупности с политико-правовым статусом всех автономных областей РСФСР. Это обуславливается началь-

ным этапом политической модернизации советского общества, особенно на региональном уровне.

Вторым направлением формирования общественного мнения стали попытки исторического обоснования необходимой полной автономии хакасского народа. На страницах газет были опубликованы материалы как исторического характера, знакомившие читателей с историей развития хакасской государственности, так и интервью с региональными учеными, исследовавшими данный процесс.

Если проследить исторический путь хакасской автономии, то следует отметить несколько моментов. Впервые в 1923 г. в составе Енисейской губернии был выделен Хакасский уезд. В 1925 г. в связи с перестройкой административно-территориального деления Сибири уезд был преобразован в округ, а спустя еще пять лет Президиум ВЦИК постановил преобразовать Хакасский округ в существующих границах в Автономную хакасскую область. С 1930 по 1934 г. область входила в состав Западно-Сибирского края, а с 1934 г. и после образования Красноярского края развивалась в его составе. Авторы исторических экскурсов пытались убедить читателя, что хакасский народ уже давно обладал многими элементами автономии. И только жесткие условия исторической реальности помешали Хакасии быть самостоятельным субъектом в составе РСФСР. Например, на страницах региональной газеты «Советская Хакасия» кандидат юридических наук Д.А. Митюков акцентировал внимание на разработке Конституций СССР в контексте административно-территориального устройства государства следующим образом: «Стоит напомнить, Конституция СССР 1936 г. не предусматривала вхождения автономных областей в состав краев. Проектом основного закона 1977 г. также планировалось, что автономные области входят только в союзные республики. Однако в окончательной редакции это положение было снято»⁷. История этого вопроса восходит к концу 1920-х – началу 1930-х гг. Причем вхождение автономных областей в край тогда обуславливалось не столько политическими моментами, сколько соображениями экономического районирования. В то время даже автономные республики были включены в край, но уже с 1936 г. они были выведены из их состава, и только автономные области РСФСР оставались в составе более крупных территориальных образований. В актах 1920 г. подчеркивались добровольность вхождения автономных областей в край, сохранение за ними самостоятельности в решении местных вопросов. С точки зрения юридической, на взгляд Д.А. Митюкова, «это дает основание любой автономной области ставить вопрос о целесообразности пребывания в крае»⁸.

Помимо экономического и исторического аргументов авторы данных публикаций искали обоснования выхода Хакасии из состава Красноярского края с позиции политической целесообразности. «До недавнего времени пребывание автономных областей в краях объяснялось необходимостью оказания им экономической помощи со стороны государства. Конечно, этот фактор в 1920–1930-х гг. имел реальное звучание. Сейчас большинство автономных областей могут конкурировать по своему экономическому потенциалу со многими АССР или административными областями»⁹.

В ходе дискуссии на страницах хакасских газет читателям были предложены несколько вариантов решения вопроса о повышении статуса автономной области. Во-первых, обновление статуса автономной области в рамках краевого объединения. Такое решение предполагало бы наделение области дополнительными правами по вопросам бюджета, планирования, материально-технического обеспечения. Данный вариант, по сути, являлся «косметическим ремонтом». Между тем стоит отметить, что именно по этому пути происходило совершенствование законодательства об автономиях начиная с 1977 г. Во-вторых, более решительным шагом в вопросе повышения статуса автономной области стал бы вывод ее из состава края. Так традиционно думали многие государствоведы и экономисты. Плюсы были очевидны. Прежде всего, это упрощенная структура административно-политического устройства всей РСФСР. Автономная область перестает быть своеобразным довеском в народно-хозяйственном комплексе союзной республики и наделяется всеми правами административной области в вопросах экономического и социально-культурного строительства. В-третьих, радикально думающие представители местной интеллигенции полагали, что самым оптимальным вариантом повышения статуса автономных областей стало бы преобразование в автономные республики, что дало бы широкий простор экономическому, культурному и национальному развитию не только народов, образовавших их, но и всего населения этих регионов.

Эта точка зрения была не нова, но на данном этапе модернизационного процесса политической сферы Хакасии она была несколько радикальна.

В 1989 г. на страницах региональной печати вопрос о преобразовании Хакасской автономной области в республику открыто не поднимался. Это обуславливалось достаточно сильными позициями партийного аппарата в регионе и слабой организованностью институтов гражданского общества, в том числе и национальных организаций, что в принципе соответствовало общероссийским тенденциям.

Тем не менее в Хакасии не было столь спокойно. На страницах газет высказывались аргументы против выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края. Данный факт говорит о том, что в общественном сознании идея образования Республики Хакасия имела место. Поэтому политическая и интеллектуальная элита региона должна была объяснить читателям, чем данный процесс опасен: «Противники этой точки зрения ссылаются на незначительный удельный вес коренных народов в населении автономных областей, а также малую численность всего населения в них. Эти утверждения, при всей их серьезности, сами по себе не являются бесспорными»¹⁰. Однако, по мнению Д.А. Митюкова, «преобразование автономных областей в АССР не решит ни одной из главных задач современности – задачи гармонизации межнациональных отношений»¹¹.

Но несмотря на это, уже в январе 1990 г. на пленуме Хакасского обкома КПСС в положительном ключе обсуждался вопрос о республиканском устройстве Хакасии. Наиболее активно на страницах региональных газет вопрос о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края стал обсуждаться в 1990 г. Почему именно в этот период был поднят вопрос об образовании самостоятельной хакасской автономии в составе РСФСР? Ведь еще год назад, на предыдущих выборах народных депутатов СССР, ни один из кандидатов в депутаты в своих программах даже не упомянул об этом. Участники тех событий отмечают, что даже публичные высказывания на данную тему не звучали. Впервые принародно необходимость придания статуса самостоятельного административного образования прозвучали с трибуны XXXIII Абаканской выборной конференции КПСС в ноябре 1988 г. Далее официальным признанием этой идеи стал пленум обкома КПСС, который в декабре 1989 г. высказался за хакасскую самостоятельность. Данное решение было принято с рядом оговорок. Выход Хакасской автономной области из Красноярского края был предусмотрен лишь после того, как заработает новый закон РСФСР о Хакасской автономной области. По мнению автора статьи, «решение было принято революционное, но с... оттяжкой на неопределенный срок»¹².

В 1991 г. вопрос о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края на страницах региональных газет рассматривался как вопрос уже решенный, но требующий некоторого урегулирования. Так в интервью с председателем Совета народных депутатов Хакасской автономной области В.Н. Штыгашевым в газете «Советская Хакасия» приводится следующее высказывание: «Что касается статьи 82 действующей Конституции РСФСР, то в

части автономных областей сделана конституционная поправка. Механизм этой поправки будет заключаться в следующем: будет дано поручение министерствам и ведомствам провести разделение собственности и компетенций»¹³.

Помимо объяснения правового механизма реализации принципа самоопределения хакасского народа региональные чиновники со страниц газет пытались объяснить читателям выгоды от повышения политико-правового статуса региона. В качестве примера можно привести мнение о том, что Хакасия должна получить все экономические права по управлению промышленностью региона, увеличение полномочий в сфере развития национальной культуры, образования и языка. Помимо этого, став республикой, Хакасия сможет принимать законы, которые отражали бы особенности территории, природы и национальной среды.

Одним из самых важных аргументов в данной дискуссии стал вопрос об экономических преимуществах самостоятельной Хакасии. На страницах газеты «Советская Хакасия» авторы публикаций приводили довольно-таки подробные аналитические сообщения. Так, в статье «Хакасии нужна реальная самостоятельность» приводятся следующие данные: «Производство промышленной продукции на душу населения в Хакасии составляет 4537 рублей, по Красноярскому краю – 4150 рублей, а по РСФСР данный показатель еще ниже. Прибыль в ценах 1989–1990 годов составила 470 миллионов рублей. Из этого можно сделать вывод, что экономика области может развиваться самостоятельно»¹⁴. Данную точку зрения поддержал В.М. Торосов, первый заместитель председателя облисполкома, начальник Планово-экономического управления облисполкома. По его мнению, «с точки зрения экономического и социального развития, область набрала значительный экономический потенциал, не уступающий самостоятельным регионам РСФСР. Ее территория составляет 61,9 тысяч квадратных километров, население более 600 тысяч человек, объем промышленного производства превышает три миллиарда рублей, сельского хозяйства – около миллиарда. Ежегодный объем капитальных вложений составляет 50 миллионов рублей»¹⁵.

Отмечая достижения Хакасии в экономическом развитии, он называл причины, которые тормозят дальнейшее развитие региона. «В Хакасской автономной области так же успешно пытаются решать задачи обеспечения населения социальной сферой, в том числе и количество вводимого в эксплуатацию жилищного фонда. Но вместо помощи в этих вопросах руководство края ежегодно увеличивает вывоз строительных материалов. Так, в последние годы

область произвела 150 миллионов штук кирпича в год. Однако для местного потребления краевое руководство оставило не более одной трети. То же самое касается средств для развития стройиндустрии производственного объединения «Абаканвагонмаш» и Саянского алюминиевого завода, подобная ситуация касается не только стройматериалов, но и вывоза мяса из области»¹⁶. При этом он указывал на постоянные злоупотребления со стороны краевых инстанций в распределении общественных ресурсов – финансовых, материальных, производственных и т. д.».

По мнению В. Торосова, краевые власти во главе с первым секретарем краевого комитета КПСС Г.П. Казминым игнорируют и саботируют все предложения Хакасской автономной области. Мало того, они практически шантажируют область финансовой несостоятельностью¹⁷. В частности, в качестве аргумента он привел выступление Г.П. Казмина на семинаре секретарей партийных комитетов: «Выдвигаются идеи о расчленении края путем выделения Хакасской автономной области и создания Северо-Енисейской области, краевой комитет партии придерживается следующей позиции... ни Хакасская автономная область, ни один из национальных округов не смогут, пользуясь лишь своими возможностями, не получая дотации с центра, динамично развиваться»¹⁸.

Но не стоит думать, что на страницах хакасских газет не было дискуссий. Как ни парадоксально, большинство из них возникли уже после выхода Хакасии из состава края и образования Хакасской Автономной Советской Социалистической Республики. В ряде публикаций авторы, как простые корреспонденты, так и депутат Верховного Совета РСФСР Н.Д. Огородников, ставят под сомнение столь важный шаг. Главные аргументы, которые они приводят, – непроработанность процедур повышения политико-правового статуса. В частности, не разработана процедура выбора нового органа представительной власти и смены управленческой администрации. Так, предложенный сессии Верховного Совета РСФСР проект предусматривал «автоматическое преобразование ныне действующих областных советов в Верховные Советы новообразованных республик, а также наделение их правами, предусмотренными Конституцией РСФСР»¹⁹.

Второй аргумент противников выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края, это, как ни парадоксально, – продукты питания и предметы первой необходимости. Причем этот аргумент встречается на страницах газет на порядок чаще, чем политико-правовые аспекты процесса суверенизации региона. В эпоху «великого дефицита» именно сливочное масло, которое

свободно продавалось в соседнем Минусинске (25 км от Абакана, но это уже был Красноярский край), становится объектом политической дискуссии. Вывод автора статьи состоит в следующем: «Край в отместку устроил нашей области жесткую блокаду. Но произошло ли это вдруг? Нет! О возможности подобного развития событий и в прессе, и устно предупреждали те, кто сегодня у руля и кто столь увлекательно рассказывал, как хорошо мы будем жить, выйдя из состава Красноярского края. Однако, когда столь желанную самостоятельность получили, наши областные руководители беспомощно разводят руками: дескать, мы ни при чем, во всем виноват край»²⁰.

Негативное отношение к некоторой поспешности образования Хакасской Автономной Советской Социалистической Республики во второй половине 1991 г. можно легко проследить по публикациям в региональной печати. В статье «Как образовали Хакасскую республику» автор отмечает «поспешность и сумбурность данного процесса»²¹, непродуманность принятия решений, т. е. из состава края вышли, а экономические рычаги управления (в том числе и распределение товаров первой необходимости) остались у краевого руководства. Автор статьи также ставит вопрос о проведении в Хакасии референдума или хотя бы опроса общественного мнения. Он считает, что общественность Хакасии выступила бы против выхода Хакасской автономной области из состава Красноярского края, так как в автономной области никогда не было ущемления прав коренного народа. Наоборот, хакасский этнос пользовался повышенным вниманием со стороны органов власти.

Практически сразу после образования Хакасской Советской Социалистической Республики, 9 июля 1991 г., на страницах газеты «Советская Хакасия» был опубликован ряд заметок под общим названием «Горькие плоды самостоятельности». Общее содержание их сводилось к критике сложившейся ситуации с различных позиций и призыву к руководству новоиспеченной республики с требованием ответить за свои обещания «прекрасной жизни в новом статусе»²². В качестве главного аргумента прозвучал тезис о значительном ухудшении продовольственного снабжения и в целом качества жизни населения. Некоторую политизированность этих заявлений и даже заказной характер публикации можно проследить по следующему факту. Данная статья была опубликована 6 июля 1991 г., а «де-факто» решение о выходе Хакасии из состава Красноярского края и образовании Хакасской Автономной Советской Социалистической Республики было принято 3 июля 1991 г. Вопрос, над которым стоило задуматься: реальное ухудшение со-

стояния экономики республики произошло за три дня? Или это был, говоря языком XXI в., элемент политической технологии по формированию негативного общественного мнения в республике? Конечно, определенные силы в регионе боялись изменений. Причины этого были очевидны. Новое многих пугало. И на наш взгляд, это мало связано с экономическим развитием региона, о чем часто писали на страницах газет. Как показало дальнейшее развитие, Хакасия – это достаточно динамично развивающийся субъект Федерации. На наш взгляд, главные опасения хакасской общественности, о которых не публиковались материалы в СМИ, касались межнационального вопроса. События в соседней Туве были широко известны. Поэтому региональные чиновники, осознававшие необходимость выхода из состава Красноярского края, без усталости со страниц печатных СМИ говорили о необходимости правового решения вопроса и неприемлемости политических способов борьбы.

В целом достаточно спокойно отреагировали краевые печатные средства массовой информации на выход Хакасии из состава Красноярского края. В весьма небольшой редакционной заметке в «Красноярском рабочем» сказано, что в результате продолжительных и жарких дебатов Верховный Совет РСФСР утвердил ряд законов, согласно которым на политической карте появился ряд новых республик, в том числе Хакасская Советская Социалистическая Республика – «так называется бывшая наша автономная область»²³.

Автора (или авторов) статьи в большей степени интересовало, каким образом будут урегулированы экономические связи между регионами, в частности в энергетическом секторе. Новый статус Хакасии в принципе не вызывал какого-либо ажиотажа.

Любая реализация крупного политического решения (выход Хакасской автономной области из состава Красноярского края таким являлся) требует поддержки со стороны гражданского общества. Поэтому заинтересованным политическим силам необходимо было сформулировать общественное мнение по данному вопросу. В рамках вышеуказанного процесса можно выделить три периода. Первый – конец 1988–1989 г. В это время осуществлялись первые попытки публичного высказывания по вопросу отделения Хакасии от Красноярского края, но без образования республики. Основными политическими силами стали местный управленческий аппарат и региональные партийные деятели. Главные аргументы – экономическая зависимость области от края. Наиболее активно вопрос о выходе Хакасской автономной области из состава Красноярского края обсуждался в 1990 г. Этому процессу способствовали как об-

щероссийские демократические тенденции, так и выборы, которые проводились в этот период в регионе. В результате на страницах региональных газет прошла политическая дискуссия. На этом этапе к представителям государственной власти присоединяется местная интеллигенция, главным образом национальная. Для нее характерна большая политизированность требований. Помимо экономической аргументации со страниц газет звучали призывы развивать хакасский этнос, его культуру, язык и т. д. На третьем этапе, в 1991 г., вопрос об образовании Республики Хакасии был уже решен. Но именно в этот период времени данное политическое решение подверглось максимальной критике со страниц региональных печатных СМИ.

Проблема экономической и политической самостоятельности имела объективные предпосылки. Она неоднократно поднималась на практике, особенно рельефно обозначилась в середине 1970-х гг. при обсуждении Конституции СССР и РСФСР, когда появилось немало обоснованных предложений о выходе автономных областей из состава их образующих краев и их непосредственном вхождении в состав РСФСР. Причины неприятия данных предложений носили как субъективный, так и объективный характер. Но главная из них – это позиция краевого руководства, его нежелание лишиться такого экономически сильного как в промышленном отношении, так и в сельскохозяйственном региона. Большая часть руководства Хакасской автономной области в конце 1980-х гг. понимала, что дальнейшее нахождение Хакасии в составе Красноярского края не способствует ее дальнейшему экономическому развитию, и поэтому, воспользовавшись общероссийскими тенденциями, начала борьбу за повышение политико-правового статуса региона.

Примечания

- ¹ *Штигальских Ю.А.* Становление и развитие системы государственного управления и местного самоуправления // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы. Вып. 2. Абакан, 2000. С. 13–14.
- ² *Чекалдина В.М.* Республика Хакасия в составе сибирского федерального округа // Там же. Вып. 3. Абакан, 2001. С. 61.
- ³ *Сайбороков Н.И.* Государственность Хакасии на современном этапе: состояние и перспективы развития // Там же. Вып. 2. С. 83.
- ⁴ *Алексеев П.М.* Политико-правовая модернизация в Хакасии // Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. М., 2005. С. 178.

- ⁵ *Анжиганова Л.В.* Этнополитическое развитие хакасского народа в начале XXI века // *Власть и общество.* Абакан, 2003. С. 14–20.
- ⁶ *Торосов В.М.* Хакасия: какой ей быть // *Советская Хакасия (Абакан).* 1989. 13 авг.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Штыгашев В.Н.* Как образовывали Республику Хакасия // *Советская Хакасия (Абакан).* 1991. 14 дек.
- ¹¹ *Торосов В.М.* Указ. соч.
- ¹² *Огородников Н.* За хакасскую самостоятельность // *Советская Хакасия (Абакан).* 1990. 20 янв.
- ¹³ *Штыгашев В.Н.* Жить в русле законов, а не политических страстей // Там же. 1991. 6 апр.
- ¹⁴ *Торосов В.М.* Хакасии нужна реальная самостоятельность // Там же. 11 апр.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Егоров А.* За что боролись... // *Советская Хакасия (Абакан).* 1991. 6 июля.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Егоров А.* Горькие плоды самостоятельности // *Советская Хакасия (Абакан).* 1991. 6–9 июля.
- ²² Там же.
- ²³ *Нас стало меньше* // *Красноярский рабочий (Красноярск).* 1991. 11 июля.

История и теория исторической науки

С.В. Юферова

ГУБЕРНСКАЯ РЕФОРМА ЕКАТЕРИНЫ II: ОСВЕЩЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассмотрен один из аспектов историографии губернской реформы 1775 г. Автор выявляет и сопоставляет различные точки зрения отечественных историков на характер реформы. Анализируются условия складывания конкретных исторических взглядов в определенную историческую эпоху, выясняются причины сходства и различия оценок реформы в трудах ученых на разных этапах развития исторической науки.

Ключевые слова: Российская империя XVIII в., Екатерина II, реформа, губернская реформа 1775 г., местный аппарат управления, чиновничество, историография.

Губернская реформа 1775 г. стала объектом критического рассмотрения уже в годы ее проведения в жизнь¹. За более чем двухсотлетний срок, прошедший со дня подписания акта 7 ноября, реформа изучалась и историками, и юристами. Утраченный в начале прошлого века интерес исследователей к проблемам организации управления в России XVIII столетия² в последнее время возвращается.

Впрочем, обилие работ по проблеме не привело к выработке общепринятого мнения по довольно широкому кругу вопросов. В связи с этим перед историографом встает задача понять причины различий характеристик конкретного явления в научной литературе. В настоящей работе ставится задача проанализировать историографию такого аспекта преобразования органов местного управления, как характеристика реформы 1775 г., с выявлением при этом причины разнообразия оценок.

Анализируя предлагавшееся «Учреждением» административное устройство, исследователи обычно обращали внимание на

принципы его организации. Как правило, отмечалось, что реформа базировалась на следующих основаниях: децентрализация управления³, отделение суда от администрации⁴, выборность на местном уровне⁵. Правда, указывалось и на непоследовательность проведения некоторых из этих принципов в жизнь. Так, попытки разделения властей на уровне уездов и губерний историки нередко характеризовали как формальные или декларативные⁶.

Базовым для реформы был рационально-статистический принцип нового административного деления страны, также по-разному оценивавшийся в литературе. В XIX в. исследователи указывали на искусственный характер происхождения многих новых губерний. «Отсутствие бытовой цельности области, – писал, например, А.С. Лаппо-Данилевский, – не вознаграждалось единством ее в правовом отношении»⁷.

В советской историографии в последовательном проведении данного принципа в жизнь нередко видели негативную компоненту, поскольку, учреждая новое административное деление страны, императрица сознательно (ради упрощения фискального и полицейского контроля) отказалась считаться с особенностями экономического и национального развития регионов⁸. Отголоски классового подхода к оценке деяний Екатерины II в наше время еще можно встретить в наиболее консервативной учебной литературе. Например, авторы учебника по истории для 10-го класса средней школы дают следующую емкую характеристику целей, принципов и результатов реформы: «Усиление полицейского надзора за населением».

В отрицательных оценках преобразований Екатерины II нет недостатка и в современной литературе. Однако они не заданы по умолчанию. Если исследователь находит изъяны в теории, он неизбежно найдет те же недостатки и в ее реализации. Проиллюстрируем этот вывод оценкой характера губернской реформы в работах историков наших дней. Считая, что идеи европейских просветителей, служившие основой, в частности, и изучаемого нами закона, «не просто игнорируют национальную специфику, но прямо ей враждебны», Ю.А. Сорокин увидел едва ли не национальную измену в последовательном проведении этих идей в жизнь⁹. Подавляющее же большинство историков оценивают Просвещение как передовую политико-философскую доктрину Запада. И в этом случае реформирование России на предложенных просветителями принципах признается прогрессивным для того времени¹⁰.

Кроме того, в анализе исторического материала современные исследователи не ограничены рамками оценочного подхода. Неред-

ко ученые пытаются воссоздать логику мышления исторических лиц. Так, невнимание Екатерины II к особенностям национально-исторического и экономического развития регионов А.Б. Каменский объясняет стремлением императрицы добиться наибольшего удобства управления¹¹.

Характеризуя губернскую реформу, Н.И. Павленко выделяет два ее аспекта: «технический» (реорганизацию уездной и губернской администрации) и социальный (меры по укреплению положения дворянства)¹². Воспользуемся данным делением.

Хорошо известен факт разновременного появления новых учреждений по регионам России. Медленный процесс реализации акта 7 ноября 1775 г. объясняется в литературе тем, что «правительство одновременно с реформой управления проводило давно назревшую административно-территориальную реформу»¹³.

На всех этапах развития науки исследователи отмечали, что создававшаяся на основе принципа разделения властей администрация оказалась громоздкой, а функции учреждений иногда дублировались¹⁴. М.К. Любавский даже охарактеризовал екатеринское местное управление как «трехэтажное», а всю постановку дела как «бутафорскую»¹⁵. Однако вся громоздкость акта оказалась призрачной. Как доказала Л.Ф. Писарькова, наместничество не выполняло роль надстройки над губернией, поскольку термины «губернатор» и «наместник» использовались законодателем как синонимы¹⁶.

Для характеристики «технической» компоненты реформы важным оказался и вопрос рекрутирования кадров для новых учреждений. По мнению В.А. Григорьева, на выборные должности на местах почти повсеместно, даже в столице, не хватало дворянства. Правительство просто справилось с решением этой проблемы: «Личный состав старых учреждений, очевидно, перешел в новые места»¹⁷. Это утверждение напрямую не оспаривалось. Однако данные современных исследований, на наш взгляд, противоречат выводам дореволюционных ученых. Например, И.В. Фаизова убедительно доказала появление «дворянской безработицы» после Манифеста о вольности дворянства¹⁸. А значит, вывод о повсеместном недостатке дворян в количественном плане следует уточнять.

В вопросе же о качестве чиновничества в историографии царит редкостное единодушие. По общему мнению современников и историков, и образовательный, и нравственный уровень провинциального чиновничества оставлял желать много лучшего¹⁹.

Ресурсы созданной реформой системы охарактеризовал О.А. Омельченко. «Условием функционирования этой организа-

ции..., – пишет ученый, – полагался высокий уровень административно-правовой культуры, высочайший уровень правовой регламентации... Такое стремление вступало в очевидное противоречие с традициями российской бюрократии, с общими возможностями правовой культуры российского общества»²⁰.

Таким образом, при характеристике «технической» стороны реформы в историографии господствовал скептический взгляд на екатерининские нововведения. При этом жизнеспособность созданной ею системы исследователи, как правило, оценивали довольно высоко. Самый короткий срок отмеряли немногочисленные ученые, видевшие конец екатерининской системы в новшествах времен Павла I. К числу последних относится, например, Ю.А. Сорокин, мотивирующий данную точку зрения изменением административного деления страны²¹. Гораздо более широко распространено мнение, что «Учреждение» оказалось документом большой исторической прочности, соответствовавшим потребностям абсолютистского государства в основе своей до реформ Александра II²². Впрочем, иногда время существования екатерининских учреждений продлевалось до 1917 г.²³

Противоречие между негативной оценкой административной составляющей реформы и признанием факта ее долголетия объяснить нетрудно. В подавляющем большинстве либералы по убеждениям, ученые дореволюционной России, а тем более историки советской поры не могли считать прогрессивными меры, нацеленные на сохранение самодержавия. Поэтому внимание акцентировалось на недостатках реформы. В то же время трудно было отрицать очевидный факт долговременного существования екатерининских учреждений в провинции.

Впрочем, не все российские ученые были согласны с преимущественно негативной оценкой преобразования. В.С. Иконников, например, писал: «В результате вышло, что губернские учреждения Екатерины оказались одной из наиболее удачных и наиболее прочных русских реформ»²⁴. А Э.Н. Беренц, исследовавший изменение системы государственного управления в прикладных целях (записка была представлена министру внутренних дел В.К. Плеве), указывал на сохранение значимости института генерал-губернаторов и местного дворянского самоуправления. Причем с течением времени влияние дворянской корпорации «становилось все существеннее, и органам власти приходилось считаться с местными дворянскими интересами»²⁵.

Как уже указывалось, у реформы был и второй аспект. Причем общепринятым можно считать мнение, что социальная компонента

реформы была не менее важной по сравнению с административной. Утверждалось даже, что построение акта по сословному принципу было главной идеей законодателя²⁶. Как и следовало ожидать, исследователи периода становления гражданского общества, а тем более общества всеобщего равенства не могли не считать пороком сословный принцип организации местного управления (при преобладании дворянства)²⁷.

Пороком было не только глубоко аристократическое, по мнению М.М. Ковалевского, устройство здания новой администрации, но и «распространение системы рабства» как гарантии экономических интересов занятых управлением страной дворян²⁸.

В освещении же современных историков в картине социальной составляющей губернской реформы стали видны иные краски. Так, по мнению Е.В. Анисимова, это влияние дворянской корпорации на коронную администрацию «было давно ожидаемое политическое решение, подготовленное всей предшествующей историей русского дворянства в послепетровскую эпоху». При этом решение было умело осуществлено «не как опасный своим резонансом политический акт, а как естественный этап создания новой местной системы управления»²⁹. Б.Н. Миронов выразил ту же мысль иными словами, назвав реформу компромиссом между дворянством и самодержавием³⁰. В результате же «удовлетворялись интересы местных политических элит, которые интегрировались во властные структуры и проникались чувством сопричастности к процессу управления»³¹.

Ярко выраженная социальная составляющая реформы позволяла характеризовать ее как крепостническую и феодальную³². Впрочем, подобная оценка реформе давалась и вне всякой связи с поставленными ей задачами. Так, В.Я. Гросул негодует: «Никаких покушений на крепостничество и его институты в Учреждении не усматривается»³³.

Разумеется, подобного рода филиппики не так уж часты в отечественной историографии реформ 60–90-х гг. XVIII в. Вплоть до последнего времени господствовали два подхода к анализу деятельности императрицы. Пожалуй, самым ярким образцом первого были работы В.О. Ключевского. В них екатерининские преобразования подавались «в ироническом противоречии: описание достоинств и внезапных отрицательных оценок, брошенных как бы мимоходом»³⁴. Другой окончательно оформился лишь в советское время. Обличая антинародную сущность едва ли ни каждого из деяний Екатерины, советские ученые не могли в то же время (пусть с оговорками) не отметить и имевшихся достижений. Данное наб-

людение вполне справедливо для характеристики и губернской реформы в целом, и отдельных ее элементов. Например, М.Н. Гернет признает, что статьи о тюрьмах, «конечно, предназначались не только для России, но и для заграницы»³⁵. Учитывая, что автор практически во всех поступках и проектах императрицы видел «флирт» с европейскими мыслителями, важно его признание предназначенности для России разработанного в «Учреждении» подхода к реформе пенитенциарной системы.

Подводя итоги, обратим внимание на тот факт, что, как правило, оценка конкретного исторического феномена напрямую связана с отношением к нему как исследователя, так и современного ему общества. «Субъективный элемент, – писал В.И. Герье, – будет всегда играть в ней важную роль, притом не только тот, который вносится личностью историка, но и тот, который обуславливается уровнем образования, нравственным состоянием, складом ума целой эпохи»³⁶. И вопрос характеристики губернской реформы 1775 г. не является исключением из этого правила. Исследователи рубежа XIX–XX вв. сделали значительную часть работы по разведению «научной полутьмы», в том числе и вокруг административных реформ Екатерины II. Однако в истории России последняя треть XIX – начало XX в. – время масштабного преобразования системы управления. Медлительность реформирования при завышенных ожиданиях вела к модернизации прошлого. Так, А.Б. Каменский писал об определенном влиянии политических взглядов А.А. Кизеветтера на его оценку изучаемых явлений³⁷. Убежденный в необходимости либерализации социально-экономической и политической жизни России, ученый и в губернской реформе не увидел ничего, кроме «старого вина в новых мехах»³⁸. Выводы специалистов находили соответствующее преломление в трудах популяризаторов. В редактировавшейся вел. кн. Николаем Михайловичем серии исторических портретов административные реформы Екатерины охарактеризованы как «бумажные»³⁹.

Труды российских историков и правоведов второй половины XIX в. повлияли на формирование представлений о прошлом России и у вождей российского марксизма, а, следовательно, и на приложение теории истмата к истории нашей страны в советской историографии. Кроме того, проблемы организации власти оказались на периферии исследовательских интересов советских ученых. По этим причинам оценки губернской реформы в советской историографии во многом оказались схожи с характеристикой преобразования российскими исследователями. Сближало оценки реформы и общее для историков обеих научных школ неприятие современ-

ного для ряда из них самодержавия. Сама же Екатерина II исходила из совсем иных идеалов. Среди историков у нее «однопартийцев» не было. И не случайно долгое время в науке господствовало критическое отношение к реформе.

В наше время вопросы организации управления в дореволюционной России вновь оказались актуальны. Но центр тяжести в изучении административных реформ перенесен с документа на его практическую реализацию. Формируется более взвешенный подход к характеристике как отдельных реформ, так и преобразовательной деятельности Екатерины II в целом. Речь не идет о замене отрицательных оценок положительными. И в современной литературе достаточно скепсиса. Однако в его основе в лучших трудах лежит не либеральная или классовая парадигма истории, а стремление выявить достижения и просчеты законодателя, значимость преобразований в реалиях изучаемого времени.

Примечания

- ¹ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1983. С. 92.
- ² *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. С. 314.
- ³ См.: *Алексеев А.С.* Русское государственное право. М., 1897. С. 461; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений России до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1965. С. 121.
- ⁴ См.: *Дружинин Н.М.* Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России XVII–XVIII вв. М., 1964. С. 447; *Платонов С.Ф.* Курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1995. С. 706.
- ⁵ См.: *Богословский М.М.* Учреждение об управлении губерний и Жалованная грамота Екатерины II // Три Века: Россия от Смуты до нашего времени. Т. 3–4. М., 1992. С. 532; *Чистяков О.И.* Введение // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5. М., 1987. С. 168.
- ⁶ См.: *Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 102; *Смыкалин А.С.* Судебная система российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 64.
- ⁷ *Латто-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 49.
- ⁸ *Чистяков О.И.* Указ. соч. С. 295.
- ⁹ *Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм последней трети XVIII в. Омск, 1999. С. 105.

- ¹⁰ *Хованова О.А.* Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: Опыт сопоставления // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 30.
- ¹¹ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа). М., 2001. С. 425.
- ¹² *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 178.
- ¹³ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 402.
- ¹⁴ См.: *Быкопя Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв.: Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. С. 47; *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи: XVIII – начало XX века. М., 2001. С. 52.
- ¹⁵ *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. СПб., 2001. С. 94.
- ¹⁶ *Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 405.
- ¹⁷ *Григорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910. С. 323–324.
- ¹⁸ *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 127.
- ¹⁹ См.: *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1941. Т. 2. С. 280; *Кустова Е.В.* Городское самоуправление Вятки в конце XVIII – середине XIX вв. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 135.
- ²⁰ *Омельченко О.А.* Законная монархия Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 277.
- ²¹ *Сорокин Ю.А.* Указ. соч. С. 258–259.
- ²² См.: *Сергеев О.И., Лазарева С.В., Тригуб Г.Я.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: очерки истории. Владивосток, 2002. С. 21; *Милюков П.Н.* Источники русской истории и русской историографии // Энциклопедический словарь. Репринт. Воспроизведение изд. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. Ярославль, 1992. Т. 55. С. 477.
- ²³ *Флоринский М.Ф.* Российская государственность в эпоху просвещенного абсолютизма // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 365.
- ²⁴ *Иконников В.С.* Значение царствования Екатерины II. Киев, 1890. С. 34.
- ²⁵ *Берендтс Э.Н.* О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года). М., 2002. С. 85.
- ²⁶ *Чистяков О.И.* Указ. соч. С. 167.
- ²⁷ См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 268; *Ключевский В.О.* Курс Русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 108.
- ²⁸ *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учреждений России. М., 2007. С. 112.
- ²⁹ *Анисимов Е.В.* Реформы Екатерины II // Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 175.

- ³⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2000. С. 136.
- ³¹ *Каменский А.Б.* Административное управление в России в XVIII в. // Административные реформы: история и современность. М., 2006. С. 105.
- ³² См.: *Белявский М.Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965. С. 347; *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России... С. 489.
- ³³ *Гросул В.Я.* Зарождение российского политического консерватизма // Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000. С. 31.
- ³⁴ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974. С. 553.
- ³⁵ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 5 т. Т. 1. М., 1960. С. 127.
- ³⁶ *Герье В.И.* Развитие исторической науки // Русский вестник. 1865. С. 451.
- ³⁷ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I... С. 324.
- ³⁸ *Кизеветтер А.А.* Императрица Екатерина II как законодательница: Речь перед докторским диспутом // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 280.
- ³⁹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: биографии и портреты: По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII–XIX столетий». СПб., 1996. С. 461.

А.И. Еремин

ЧЕРНОВИКИ ДОКУМЕНТАЦИИ
РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье рассматриваются методы анализа черновиков делопроизводственной документации архивного фонда Орловской мужской гимназии как источника для изучения истории повседневности России конца XIX – начала XX в. Делается вывод, что черновики документации гимназии способствуют выявлению ненамеренной информации источников о мотивации повседневного мышления и поведения авторов документов, взаимоотношениях должностных лиц в учреждениях Министерства народного просвещения.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство народного просвещения, гимназия, делопроизводство, черновики документа, исторический источник, источниковедение, повседневность, мотивация поведения.

Повседневность не существует как реальный объект. Поэтому бытуют мнения о множестве повседневностей, которые различаются больше предметными полями, чем методами их конструирования или реконструкции. Интерес сфокусирован на жизненном мире людей, ограниченных социальных группах, развертывании истории «снизу» и «изнутри»¹. Заявлены преимущества методов «устной истории», источников личного происхождения, непосредственно не выраженной в источниках информации для изучения истории повседневности. Обоснованность этих утверждений не продемонстрирована и едва ли может быть проверена ввиду недостатка источников личного происхождения в корпусе источников.

Вопрос о повседневности встроен в проблематику современных направлений социальной истории России. В исследованиях, осно-

ванных на материалах местных и низовых учреждений, приемами классического источниковедения успешно преодолеваются множественность и тенденциозность этих материалов. Примеры использования документации фондов местных и низовых учреждений для изучения как относительно новой, так и традиционной проблематики легко найти среди исследований XVIII в.² и XIX–XX вв.³ Изучение локальных массивов документации в ограниченных пространственных рамках позволяет увидеть «большое в малом», комбинировать микро- и макроисследования, актуализировать вопросы применимости общих источниковедческих методик и специальных приемов использования делопроизводственной документации разных периодов⁴.

Ясно, что источники изучения повседневности не исчерпываются делопроизводственной документацией. Важен факт устойчивого внимания к материалам делопроизводства.

Определение сохранности, состояния первичной документации местных и низовых учреждений, возможностей ее использования традиционно является первоочередной источниковедческой задачей⁵. При этом материалы учреждений образования изучены фрагментарно, преимущественно с точки зрения истории образования⁶, как источник статистических сведений. Привлекались послужные списки профессоров и алфавитные списки студентов⁷, отчеты попечителей учебных округов⁸. Сделаны только предварительные наблюдения о составе, содержании, характере информации, содержащейся в документации⁹.

Состояние документации низовых учреждений образования и ее информационный потенциал остаются невыясненными. В то же время есть устойчивый интерес к проблемам образования в обобщающих исследованиях социальной истории¹⁰, выходят работы по истории высшего образования¹¹, истории повседневности учительства¹², на новом уровне рассматривается формирование системы образования и образовательной политики¹³.

Для иллюстрации значения материалов низовых учреждений образования обратимся к освещению в литературе социальной и ментальной мотивации молодежи при выборе профессии. По этому вопросу Б.Н. Миронов, опираясь на данные материалов анкетирования, пришел к выводу, что в начале XX в. «74 % гимназистов... предпочли свободные интеллигентские профессии, среди которых на первом месте стояла профессия учителя»¹⁴.

В работе А.Е. Иванова воспроизведены данные годовых отчетов Министерства народного просвещения, согласно которым на естественный и медицинский факультеты намеревались поступать

24 % выпускников 1905 и 1906 гг.¹⁵ (количественные параметры корректируются отсылками к примерам из воспоминаний). Оказалось, что эти выводы значительно разнятся с данными отчетов гимназий. Например, 50 % абитуриентов Владимирской гимназии 1905 и 1906 гг. намеревались поступать на естественные факультеты, 10 % – на медицинские факультеты¹⁶. Указанные различия повторяются в количественных оценках социального состава, идеалов молодежи, что побуждает ставить вопрос о взаимоотношении видов источников, их компаративных и верификационных возможностях.

Таким образом, соотнесенность источников в источниковой базе эпохи способствует взаимодополнению микро- и макроподходов, где новизна подходов и эффективность методов определяются возможностью ближе подойти к историческим субъектам (акторам). Задача статьи – в развитие наших предыдущих работ¹⁷ оценить информационные и интерпретационные возможности черновиков документации, сохранившихся в фонде Орловской мужской гимназии, для выявления и изучения документальных комплексов в качестве источника изучения истории повседневности конца XIX – начала XX в.

* * *

Деятельность гимназий определялась Уставом гимназии и прогимназии 1871 г., распоряжениями министра народного просвещения и попечителя учебного округа и подлежала всестороннему документированию. Отложившаяся более чем за столетие документация гимназий хранится в фондах областных архивов, а отчетная документация и переписка отложились в фондах попечителей учебных округов, которым гимназии непосредственно подчинялись и были подотчетны.

Чтобы из массивов множественной дублируемой документации сформировать объект исследования, отобрать взаимосвязанные комплексы массовой однородной первичной документации, необходимо оценить полностью фонд, знать особенности делопроизводства в конкретной гимназии. Найти нормативные материалы по делопроизводству Орловской мужской гимназии, старые делопроизводственные описи, журналы входящих и исходящих бумаг не удалось.

При отсутствии нормативных материалов по делопроизводству для оценки особенностей комплектования и сохранности документации были сопоставлены фонды Орловской, Владимирской и Тверской гимназий. Фонды Владимирской и Тверской гимназий

сохранились плохо, фонд Орловской – сохранился полно, за отдельными исключениями. Дела не переформировывались, но были изменены их заголовки и нумерация, данные фондообразователем.

Направления деятельности гимназии отражает номенклатура дел фондообразователя. В конце XIX – начале XX в. существовало семнадцать постоянных наименований дел, из них шесть дел о сдаче различных экзаменов. Основные формы документации таковы: ежегодные отчеты директора о состоянии гимназии, сочетающие текстовые и табличные сведения, согласно законодательно определенному формуляру; протоколы педагогического совета и экзаменационных комиссий; экзаменационные работы; характеристики выпускников; документы о сдаче экзаменов; ведомственная переписка; документы родительского комитета.

Известно, что ресурс информации историко-антропологического характера содержит отклонения от предписанных делопроизводственных норм. Возникло предположение, что для отбора документальных комплексов могут использоваться черновики документации. Само их наличие в делах гимназии является делопроизводственным казусом, делающим черновики пригодными для использования в качестве интерпретирующих деталей. С большей вероятностью черновики могут отложиться в разделах о происшествиях, юбилеях, событиях, назначениях и перемещениях служащих или в делах, выходящих из сложившейся номенклатуры названий.

Обязательному хранению в гимназии подлежали черновики письменных экзаменационных работ. Сохранились черновики отчетов гимназии, журналов хозяйственных комитетов. Некоторые входящие документы использовались в качестве черновиков ответов, представляют собой аналоги отпусков документации. В делах подшиты испорченные бланки аттестатов, характеристик.

Близки к черновикам по своим функциям подготовительные материалы к отчетам, сведения о служащих гимназии, характеристики, пометы на документах, особые мнения преподавателей, заявки на приобретение книг и пособий. Скажем, в составленных преподавателями списках на приобретение литературы и пособий часть наименований вымарана рукой директора. Эти документы точнее, чем каталоги библиотек (сохранился каталог библиотеки только за более ранний период), свидетельствуют о читательских и педагогических предпочтениях преподавателей. Большинство входящих документов, практически все предписания и распоряжения попечителя Московского учебного округа имеют пометы, подчеркивания, вставки.

Черновики отчетов гимназии, как и экзаменационных работ, имеют невысокую информационную значимость. Особый интерес имеют черновые записи с множественными правками, которые могут быть отнесены к числу более важных. Такие черновики относятся к материалам об испытаниях зрелости (выпускных экзаменах) 1899, 1900, 1903 гг. и характеризуют взаимоотношения между людьми в учреждениях Министерства народного просвещения.

* * *

В 1899 г. на испытаниях зрелости в Орловской гимназии вскрылось, что тема письменной работы по латинскому языку была известна гимназистам заранее. Разбирательство, начатое по данному факту директором гимназии О.А. Петрученко, попытался прекратить гимназист Б. Запольский, направив попечителю Московского учебного округа письмо о том, что он узнал тему, подкупив сына директора гимназии. Последующее расследование происшествия, проходившее под контролем Управления Московского учебного округа, установило (и гимназист это признал), что он совершил ложный донос¹⁸.

Ход и результаты расследования представлены документацией, отобранной директором гимназии в папку с заголовком «О латинской теме, приобретенной учениками до экзаменов, и шантаже Запольского», и подшиты в дело гимназии об испытании зрелости за 1899 г.¹⁹ Так был сформирован комплекс документов в составе делопроизводственной документации Министерства народного просвещения, элементов следственного делопроизводства, частной переписки.

Свои действия при выяснении обстоятельств происшествия директор гимназии называл «дознанием, расследованием», в ходе которого он производил «допросы», «очные ставки», т. е. следственные действия. Отдельные события происшествия и расследования (очные ставки гимназистов, некоторые письма к родственникам ученика и от них, к прежнему директору, все разговоры, предварявшие появление бумаг) не были зафиксированы, о других – сохранились протоколы, объяснительные учащих, рапорты преподавателей. В отобранных материалах упоминаются документы, отсутствующие в деле, события, не подтвержденные документами.

Начать изучение документов удобнее с оценки множественных исправлений в бумагах. Правки являются тем главным, на что следует обратить внимание в первую очередь. Графические особенности черновиков, такие как изменение силы нажима пера в разных местах, интенсивность зачеркиваний, раскрывают душевное состо-

яние, в котором находился директор. Легко заметить различия в почерке, отдельные слова, выполненные более крупными буквами, свидетельствующие о том, что автор работал над текстами в несколько подходов.

Подбор и замена слов при правке текстов, особенно выстраивание синонимического ряда, показывают душевное состояние автора, субъективную оценку описываемых событий, мотивы, которыми автор руководствовался, но не хотел показывать.

Например, Петрученко подбирает слова, чтобы продемонстрировать свое отношение к происшествию. Он первоначально употребил определение «ужасного дела», затем заменил его на менее эмоциональное «крайне неприятного» и оставил почти официальное «тяжелого для меня дела»²⁰. Подобные синонимические ряды по отношению к другим событиям происшествия автору не потребовались. Графические и лексические особенности черновиков показывают, как автор овладевал своими эмоциями. Не остается сомнений, что главным для директора были личные мотивы, а не выяснение обстоятельств и подоплеку дела²¹.

* * *

Известно, что особенностью делопроизводственной документации является следование установленным нормам. Поэтому нарушение в них субординации, стиля, даже отсутствие каких-то документов позволяет получить ненамеренную информацию.

Наибольшее количество исправлений в черновиках сделано в донесениях директора попечителю учебного округа (официально в документообороте они именовались «представлениями», но окружное начальство называло эти документы «донесениями»). В них излагаются и трактуются все стадии происшествия: сообщение об обнаружении предварительного знакомства гимназистов с экзаменационным заданием, описание проведенных «дознаний», установление обстоятельств, при которых стала известна тема. Петрученко пришлось составить четыре представления, прежде чем попечитель округа П.А. Некрасов счел достаточными объяснения о якобы приобретении учениками до экзамена темы по латинскому языку и утвердил решение педагогического совета гимназии об исключении Запольского. Наиболее подробное представление – последнее, четвертое²². Оно было составлено Петрученко на основе подобранной «доказательной базы» из 20 документов. В нем выстроена последовательность происшествия и «расследования», названы события, не подтвержденные материалами «дела», и документы, отсутствующие в «деле».

Материалы переписки директора гимназии с Управлением Московского учебного округа зафиксировали стратегии и мотивы служебных действий сторон. В донесении Петрученко просил «немедленно» вызвать нарушителя в канцелярию округа, рассуждал о границах полномочий попечителя: «Приказание же Вашего Превосходительства касательно того, как поступить с Запольским, будет зависеть от окончательного выяснения вопроса о способе приобретения темы»²³.

Из Управления округа от Петрученко потребовали решить вопрос властью директора и педагогического совета. Получив отказ, Петрученко пытался настоять на своем, о чем говорят его ремарки на полученном из Управления округа распоряжении: «...Нужным считаю обратить Ваше внимание на то, что Вы не должны были отпускать Запольского из Орла до полного окончания расследования о вине как его [рукой Петрученко вписано: «А если бы не удалось расследовать вопрос и определить его вину». – А. Е.], так и его товарищей и выяснения степени наказания, которое должно быть наложено на него педагогическим советом. При этом считаю нужным разъяснить, <...> что задержка документов [рукой Петрученко вписано: «Ко мне прошение о выдаче документов до сих пор не последовало. 31 мая Совет решил поставить по поведению 3 и представить вопрос на благоусмотрение г. попечителя МУО 3 июня». – А. Е.] вне вышеуказанного порядка незаконна: документы должны быть выданы тотчас после решения педагогического совета...»²⁴.

Общим мотивом действий должностных лиц ведомства народного просвещения при проведении расследования было нежелание допустить разрастания скандала. Но способы его недопущения делились сторонам по-разному. Для начальства Московского учебного округа главным было выяснить, как стала известна тема, в зависимости от чего определить наказание виновным. Петрученко попытался свести дело к исключению Запольского из гимназии решением попечителя округа. Запольский, со своей стороны, зная нежелательность для должностных лиц в России того времени всякого сутяжничества, угрожал директору продолжением разбирательства. Активными участниками инцидента были преподаватели и гимназисты, стремившиеся избежать любых негативных для себя последствий.

* * *

Недоразумение с темой для испытаний зрелости повторилось в 1900 г., когда на утверждение в Управление Московского учебного округа была послана уже пройденная тема по греческому языку. Директор гимназии Петрученко попытался «замять» инцидент

приватным обращением к окружному инспектору. Короткий текст Петрученко начинал писать несколько раз, все перечеркивал, вставлял и зачеркивал одни и те же слова, но внятной аргументации у него никак не получалось. В конце концов он ограничился извещением, что посланная на утверждение тема по греческому языку уже была пройдена во время классных занятий, поэтому просил пакет с темами по греческому языку уничтожить и «заменить его пакетом, при сем прилагаемым»²⁵. Чтобы не предавать происшествие огласке, директор сознательно пренебрег азбучными нормами служебных взаимоотношений.

Начальство Московского учебного округа указало на нарушение субординации и потребовало подробных объяснений. Петрученко в несколько попыток – то карандашом, то ручкой – готовил черновик ответа, суть которого заключалась в том, что тема была отработана одним преподавателем, предложена другим, а спустя три дня после того, как темы были отправлены в Москву, об ошибке доложили директору. Петрученко, таким образом, пытался делать вид, что ничего особенного не произошло.

Пометы директора на поступавших распоряжениях окружного начальства, правки текстов ответов показывают, что директор гимназии Петрученко не был бессловесным исполнителем – он отстаивал свое мнение и даже пытался его навязывать начальству. В служебных взаимоотношениях главными аргументами являлось не должностное положение, а соответствие прописанному или надлежащему, равно как и умение это доказать.

* * *

Подобной, независимой, линии держался Петрученко во взаимоотношениях с Орловским губернатором и Орловским губернским предводителем дворянства. Независимость от губернских властей устанавливалась Уставом гимназии и прогимназии 1871 г., согласно которому директор гимназии назначался министром народного просвещения по представлению попечителя учебного округа, которому и непосредственно подчинялся, и перед которым отчитывался.

Орловскую мужскую гимназию в 1900 и 1901 гг. оканчивали сыновья губернатора А.Н. Трубникова. В черновике характеристики Николая Трубникова (1900 г.) классный наставник оценивал его способности как «вполне удовлетворительные», однако Петрученко вычеркнул слово «вполне», имевшее позитивное усиление²⁶. В чем была причина особой требовательности директора к гимназисту Н. Трубникову? Возможно, в том, что как нечто хорошо известное имел в виду Петрученко, когда просил

начальство учебного округа утвердить решение об исключении гимназиста Запольского: *«ввиду соображений г. начальника губернии, высказанных мне официально по другому случаю [выделено нами. – А. Е.], почтительнейше прошу означенное постановление комиссии от 1 мая утвердить»*²⁷.

В воспоминаниях А.Н. Трубникова не сказано ни слова ни о директоре Петрученко, ни об экзаменационном скандале. Независимо от симпатий или антипатий в отношениях между губернатором Трубниковым и директором Петрученко черновики указывают на то, что последний не испытывал особого почтения к должности, чину и заслугам начальника губернии и при возможности не преминул уколоть губернатора, в данном случае – оценив способности его сына.

В 1903 г. на заседании педагогического совета разгорелся спор между директором гимназии и почетным попечителем гимназии губернским предводителем дворянства М.А. Стаховичем. Стахович сначала на заседании педсовета, где остался в меньшинстве, затем в «особом мнении» пытался изменить решение о невыдаче аттестата гимназисту, уличенному в списывании: *«...Самою попытку помочь себе на экзамене справкой, или заглядыванием в книжку, или в работу соседа, словом тем, что называется списываньем и шпаргалкой, – писал Стахович, – я считаю гораздо более непослушанием, чем безнравственностью. Эти попытки получили во всех учебных заведениях такое универсальное распространение и представляется естественным, что столь важный для экзаменующихся результат от проверки их познаний является тоже зависимым от случайностей и подчинен формальности; экзамен – только внешне добросовестен, м.б. только не лицеприятным [выделенное нами отчеркнуто карандашом, напротив поставлен вопросительный знак. – А. Е.]. <...> Педагогический Совет поступает неправильно, нецелесообразно и жестоко...»*²⁸.

Петрученко продиктовал делопроизводителю текст, опровергающий утверждения Стаховича. Некоторые аргументы, видимо, самые важные на его взгляд, директор гимназии вписал собственноручно: *«Г. Почетный Попечитель находит “естественным” пользование шпаргалкой, списывание и заглядывание к соседу, другими словами он одобряет мошенничество. С этим взглядом г. ПП [почетного попечителя. – А. Е.] не согласен ни один воспитатель. Если указанное зло действительно неискоренимо, то во всяком случае оно не может стать в гимназии явлением нормальным и не может быть поощряемо властью педагогического совета. <...> Но ведь всякий злодей, всякий мошенник, всякий вор, пока не пойман,*

может слыть за честного человека; но раз его поймали, он с этого самого момента признается нечестным: он – злодей, он – мошенник, он – вор»²⁹. Особое мнение Стаховича не переубедило ни педагогический совет, ни попечителя учебного округа.

Важным обстоятельством для целостного восприятия документального комплекса является отсутствие черновиков других документов, в частности протоколов заседаний экзаменационных комиссий и педагогического совета. Аттестаты зрелости, выдававшиеся гимназиями, предоставляли их обладателям права на поступление в университеты, поэтому протоколы и решения экзаменационных комиссий и педагогических советов направлялись на утверждение в канцелярию Управления учебного округа.

На экзаменах велось обязательное протоколирование. По каждому экзамену составлялось два протокола: наблюдательной и испытательной комиссий, в составе директора, инспектора, двух преподавателей, проводивших занятия в течение года, и двух ассистентов. Письменные работы, выполненные на бланках гимназии, проверялись комиссией, итоговая оценка заверялась подписью директора и печатью гимназии. По окончании испытаний письменные работы вместе с протоколами экзаменационных комиссий и педагогического совета направлялись в канцелярии учебных округов.

В делах гимназии хранятся копии протоколов заседания экзаменационных комиссий. Согласно копии протокола испытательной комиссии по латинскому языку в 1899 г., все происходившее на заседании скрыто за трафаретной фразой «состоялся оживленный обмен мнениями», так как черновики и изложение мнений отсутствуют. Наибольшего напряжения «обмен мнений» достиг, когда пришлось соединять взаимоисключающие утверждения о том, «что вышеупомянутым ученикам перевод предложенного отрывка был заранее уже известен», но «остальным перевод предложенного отрывка заранее не был известен». На этом месте в тексте даже изменился почерк: при подготовке окончательного варианта протокола заседания комиссии возникли какие-то затруднения, связанные с отбором того, что должно было войти в протокол.

Таким образом, процесс подготовки документов показывает реалии гимназического образования, детали, скрытые и явные противоречия и конфликты, личные интересы, черты мышления и поведения в повседневной жизни, не замечавшиеся и не предназначенные для фиксации делопроизводственным формуляром.

Черновики появляются для наилучшей реализации основной социальной функции документации, но имеют межвидовые свойства, свойства источников личного происхождения.

Черновики позволяют реализовать подход «от источника»: провести отбор источников, установить связи между группами документации, очертить абрис контекста, выделить структурирующие сюжеты изучаемой проблемы, локализовать объект исследования, установить диалоги источников, выявить ненамеренную информацию.

Методически целесообразно начинать формирование комплекса делопроизводственной документации с работы над черновиками – выявлять черновики полистным просмотром и оценивать их значение в массиве документов.

Комплексный анализ документов, включая палеографическое изучение текстов, текстологический и дискурсивный анализ лексики, понятий, риторики вскрывает связи документов, упомянутых в них событий и персон.

Черновики местных и низовых учреждений являются не повторяющейся в массиве делопроизводственной документации группой документов. Прямая связь между информационным ресурсом черновиков и значением окончательного документа в системе делопроизводства отсутствует.

Черновики фиксируют основные направления тенденциозности документов, чем способствуют оценке достоверности свидетельств. Черновики первичной документации более, чем источники личного происхождения, пригодны для изучения мотивации поступков их авторов, реальных взаимоотношений должностных лиц, способов достижения личных интересов и уклонения от предписанного. Обращение к массовой однородной документации местных и низовых учреждений позволяет восполнить пробелы в источниковой базе, выработать приемы формирования изоморфной базы исследования, выявить ресурс историко-антропологической информации.

Примечания

¹ *Пушкарёва Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 9–54.

² См.: *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000; *Смиланская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики: Народная религиозность и духовные преступления в России XVIII в. М., 2003; *Серёда Н.В.* Реформа управления Екатерины II: источниковедческое исследование. М., 2004; *Коселева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004; *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006; *Борисов В.Е.* Гулящие

- люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Новый исторический вестник. 2013. № 3 (37). С. 6–26.
- ³ См.: *Кащенко С.Г.* Освобождение крестьян на Северо-Западе России. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. СПб., 2009; *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начала XX в. М., 2002; *Hock S.L.* Did Russia's Emancipated Serf Really Pay too Much or too Little Land? Statistical Anomalies and Long-tailed Distribution // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. № 2. P. 247–274; *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; *Голдман В.* Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1 (12). С. 72–92. *Кириллова Е.А.* Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей // Там же. 2013. № 3 (37). С. 72–97.
 - ⁴ См.: *Покровский Н.Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996; *Он же.* Источниковедческие проблемы истории России XX в. // Общественные науки и современность. 1997. № 3; *Он же.* О принципах издания документов XX в. // Вопросы истории. 1999. № 6.
 - ⁵ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 5–19, 108, 217, 412–414.
 - ⁶ *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX века. М., 1954.
 - ⁷ См.: *Щетишина Г.И.* Послужные списки как исторический источник о составе профессоров в пореформенной России // История СССР. 1977. № 1; *Она же.* Алфавитные списки студентов как исторический источник // Там же. 1979. № 5.
 - ⁸ *Булгакова Л.А.* Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 10. Л., 1978.
 - ⁹ См.: *Анисимов М.И.* Основные требования к анализу историко-педагогических источников. М., 1975; *Михайлова М.В.* Источники исследования истории средней школы конца XIX – начала XX в. // Советская педагогика. 1975. № 4; *Шаткина А.П.* Особенности научного использования источников по истории русской школы первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 21. Л., 1990.
 - ¹⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 324–326, 369.
 - ¹¹ См.: *Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012; *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. М., 1999. С. 7–8; *Он же.* Студенческая корпорация в России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Он же.* Мир российско-

- го студенчества: Конец XIX – начало XX века. М., 2010; *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX в. М., 2008.
- ¹² *Зубков И.В.* Российское учительство: Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ, 1870–1916. М., 2010.
- ¹³ Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012.
- ¹⁴ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 325.
- ¹⁵ *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. С. 34.
- ¹⁶ Государственный архив Владимирской области (ГА ВО). Ф. 457 (Владимирская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 194. Л. 1–2; Д. 203. Л. 1–2.
- ¹⁷ *См.: Еремин А.И.* «Шантаж, небывалый в России»: казус на испытаниях зрелости в Орловской мужской гимназии (1899 г.) // Новый исторический вестник. 2012. № 1 (31). С. 15–33; *Он же.* Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестник РГГУ. 2013. № 10. Серия «Исторические науки. История России». С. 18–42; *Он же.* Испытания зрелости в российской классической гимназии: чиновники, учителя, гимназисты, документация (конец XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 90–125.
- ¹⁸ *Еремин А.И.* «Шантаж, небывалый в России»... С. 24–25, 29.
- ¹⁹ Государственный архив Орловской области (ГА ОО). Ф. 64 (Орловская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 865 (Документы о сдаче экзаменов на аттестат зрелости... за 1899 г.). Л. 101–170.
- ²⁰ Там же. Л. 108.
- ²¹ *Еремин А.И.* «Шантаж, небывалый в России»... С. 26–27.
- ²² ГА ОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 865. Л. 150–153.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 109.
- ²⁵ Там же. Д. 888 (Документы о сдаче экзаменов на аттестат зрелости... 1900 г.). Л. 3.
- ²⁶ Там же. Л. 101.
- ²⁷ Там же. Д. 865. Л. 102.
- ²⁸ Там же. Д. 949 (Документы о сдаче экзаменов на аттестат зрелости... 1903 г.). Л. 13.
- ²⁹ Там же. Л. 15–19.

А.В. Сызранов

НОВЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СУФИЗМА В ПОВОЛЖЬЕ В XX В.

В статье в контексте изучения российского ислама рассматриваются новейшие работы исламоведов о мусульманском мистицизме – суфизме – в Поволжье. Главное внимание уделено анализу нового исследования самарского исламоведа Ю.Н. Гусевой. Оцениваются новаторские подходы автора к анализу форм и практик поволжского суфизма в XX в., мусульманского культа святых и их могил в Поволжском регионе.

Ключевые слова: Российская Федерация, Поволжье, ислам, «народный» ислам, суфизм, ишанизм, исламоведение, историография, Ю.Н. Гусева.

Исламский мистицизм, или суфизм, традиционно привлекает к себе внимание как профессиональных исследователей-исламоведов, так и образованного читателя, интересующегося культурой мусульманского Востока. Литература по истории и философии суфизма достаточно многочисленна. Большинство работ представляют собой публикации и исследования письменных памятников суфизма, биографии персоналий, анализ духовно-ритуальной практики суфийских общин в различных регионах мира, обобщающие исследования.

Изучение суфизма в Поволжье только в последнее время стало рассматриваться как важнейшая научная задача. Работы, посвященные суфизму на постсоветском пространстве¹, практически не затрагивают Поволжский регион. Тем не менее необходимо и вполне возможно научное изучение поволжского суфизма как конфессионального явления, социального института и пласта мусульманской культуры тюрко-мусульманских народов региона. Невозможно представить себе формирование татаро-башкирской культуры без влияния суфизма. Суфизм связал нерасторжимой связью мусульман Поволжья, Кавказа, Средней и Малой Азии.

В силу исторических условий ислам как религиозная система приобрел черты, отличающие его от других религий. Среди них – разнообразие его идеологических форм, обусловленное теснейшей связью ислама с духовной культурой исламизированных народов, их религиозными и культурными традициями. На огромном историко-этнографическом материале отечественные исламоведы пришли к выводу о том, что «приспособление ислама к местным традициям разных народов было причиной возникновения различных его локальных форм, под которыми следует понимать совокупность религиозных верований мусульман, независимо от того, соответствуют они предписаниям и принципам канонизированного вероучения или нет»².

В каждой стране, у каждого народа ислам обрел местные особенности. Эти особенности обусловлены специфическим историческим развитием отдельных народов, которое, в свою очередь, оказало влияние на развитие мусульманской религиозной мысли. Проникая в ту или иную этнокультурную среду, ислам, сталкиваясь с местными обычаями и традициями, подвергался их активному воздействию, что придавало ему характерные для данной среды черты. Таким образом, во всех регионах мусульманского мира ислам является сложным сплавом местных традиций, восходящих к доисламским религиозным верованиям, обрядам и культам, и классических мусульманских традиций, опирающихся на Коран, Сунну и шариат. Это явление получило в религиозноведческой литературе название «народный», «простонародный», «бытовой» ислам в отличие от ислама «официального», «классического», «ортодоксального», «нормативного»³.

При этом важно понимать, что в сознании верующих мусульман все в совокупности поверья и ритуалы, вне зависимости от их реального происхождения, представляли и предстают как истинный ислам. И действительно, домусульманские верования и обряды, обуславливающие локальное своеобразие ислама в разных регионах, подверглись настолько сильному его влиянию, что уже давно в обыденном сознании воспринимаются как мусульманские. А два выделенных уровня ислама – «народный» и «нормативный» – представляют собой части единого явления. Иными словами, нет двух разных исламов, а есть два пласта одного культурного феномена, которые тесно переплетены и активно взаимодействуют. Однако между этими уровнями ислама существуют и определенные противоречия. Так, в частности, представители «официального» ислама – мусульманские духовные лица – в целом не приветствуют культ мусульманских святых и их могил. С еще большей критикой они относятся к исламизированному шаманству.

Значительную роль в исламизации тюркского населения Поволжья сыграл суфизм (араб. «тасаввуф») – мистическое течение в исламе⁴. Мистико-аскетические настроения, положившие начало суфизму, возникли уже в раннемусульманскую эпоху. Однако формирование этого особого направления относится к середине VIII – началу IX в.⁵ Вскоре суфизм распространяется во всех мусульманских странах и объединяет самые различные мистические учения ислама. Среди идейных истоков суфизма можно также обнаружить элементы зороастризма, индуизма, буддизма, неоплатонизма⁶. Не отрицая воздействия на суфизм некоторых неисламских мистических традиций, все же более оправданно рассматривать его в качестве продукта духовной эволюции собственно ислама.

Суфийские миссионеры являлись наиболее активными распространителями ислама среди тюркских кочевников евразийских степей. Для облегчения исламизации последних суфии нередко включали в комплекс своего вероучения самые разнообразные доисламские верования и обряды кочевников, проповедовали и создавали религиозную литературу на тюркском языке, признавали право женщин на участие в религиозных церемониях. Поэтому ислам в суфийской форме был более жизнеспособен в степи, чем «ортодоксальный» ислам. Однако, с одной стороны, хоть суфизм и облегчил исламизацию кочевников, с другой – сделал ее поверхностной и неравномерной. Тюрко-мусульманские народы Поволжья вплоть до начала XXI в. сохранили доисламские по происхождению верования и обряды.

Суфийские религиозные авторитеты (шейхи, муршиды, ишаны), прославившиеся своим благочестием, глубокими познаниями и религиозными подвигами, при жизни или после смерти почитались в качестве святых, а их могилы становились объектами культа. В «народном» исламе они считались людьми, способными творить «чудеса» (араб. «карамат»), носителями «божественной благодати» (араб. «барака»), которая через них (или через посещение их могил) может быть ниспослана обычным верующим. Суфии якобы находились в непосредственном контакте с Аллахом и могли выступать в качестве посредников между ним и простыми людьми; их почитали как покровителей различных ремесел и профессий. В силу своей близости к народу, веротерпимости, аскетического образа жизни суфии часто пользовались гораздо большим авторитетом, чем представители «официального» ислама.

Дискуссии о значении и легитимности суфизма в исламе ведут свое начало практически с момента его зарождения и не утихают до сих пор. Одни богословы склонны видеть в нем пережиток языче-

ства и идолопоклонства, другие рассматривают его как важнейшую составляющую мусульманской культуры, идеологическую концепцию, способную дать ответы на насущные вопросы развития современного мира ислама и панацею от исламского радикализма.

Изучение «народного» ислама и связанных с ним суфийских традиций в отечественной науке имеет давнюю традицию. Уже в дореволюционный период в работах ряда российских востоковедов⁷ затрагивалась тема суфизма и мусульманского культа святых. В конце 1920-х – 1930-е гг. в советской этнографии появилось особое направление – изучение «народного» ислама⁸. Расцвет этнографии суфизма и «народного» ислама относится к 1960–1980-м гг.⁹

В постсоветской России «народно-мусульманский» дискурс переживает новый всплеск. Среди современных российских исследователей можно особо выделить С.Н. Абашина, В.О. Бобровникова, А.А. Ярлыкапова, А.О. Булатова, Г.А. Гаджиева, Т.С. Каландарова, В.Л. Огудина, Л.А. Чвырь¹⁰.

Определенным этапом в российском исламоведении в целом и в изучении суфизма в Поволжье в частности стали энциклопедические словари «Ислам на территории бывшей Российской империи»¹¹ и «Ислам в Поволжье»¹². Заметный вклад в изучение российского суфизма внес сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Суфизм как социокультурное явление в российской умме», прошедшей в Казани в ноябре 2006 г.¹³

Еще раз отметим, что в отечественном исламоведении и этнографии суфизм и «народный» ислам исследуется в основном на среднеазиатских и кавказских материалах. Изучение же этих форм ислама в мусульманских регионах Поволжья и Сибири практически не велось. Однако появившиеся в последнее время исследования по этим регионам показывают, что местные формы бытования «народного» ислама не менее интересны для науки¹⁴.

Лучшее тому доказательство – новый монографический труд самарского ислаоведа Ю.Н. Гусевой «Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение». Он посвящен одной из самых малоизученных проблем в истории российского ислама – феномену ишанизма как суфийской традиции Среднего Поволжья в XX в.¹⁵ На основе малоизученных материалов автором, уже обретшим известность специалистом, дается ретроспективный анализ конкретных религиозных практик форм взаимодействий суфиев и государства, делается вывод о значении и перспективах ишанизма на Средней Волге в XX в.

Сказанное выше, а также возросший интерес к проблеме суфизма, полярность оценок и скудный объем источников по дан-

ной теме – все это делает новую книгу Ю.Н. Гусевой о конкретных формах суфизма в среде тюрков-мусульман Среднего Поволжья в XX в. чрезвычайно актуальной. И нет сомнений, что она будет востребована как специалистами, так и широким кругом читателей, интересующихся историей и практикой ислама.

Монография является глубоким, всесторонним, новаторским и оригинальным научным трудом, результатом целеустремленного научного поиска, очевидной и прочной основой для дальнейших исследований. Прежде всех иных достоинств книга восполняет значительный пробел в этнической и конфессиональной регионалистике, служит существенным вкладом в интенсивно развивающиеся российскую тюркологию и историческое исламоведение.

В исследовании Ю.Н. Гусевой рассматриваются основные понятия и практика суфизма. Подробно проанализирована историографическая ситуация по данной проблематике и круг источников. Предложена авторская периодизация истории суфизма в Поволжском регионе в XX в. Основной объект исследования, ишанизм, рассматривается как особая, региональная форма ислама, тесно связанная с суфизмом и «народным» исламом и ориентированная в изучаемый период преимущественно на ритуальную и социальную деятельность. Прослеживаются влияние ишанов на социально-культурную жизнь мусульманских общин Поволжья, социально-религиозная деятельность ишанов в начале XX в., судьба ишанизма в условиях репрессивной политики Советского государства в 1920–1930-х гг., возрождение деятельности ишанов в 1940–1950-е гг. и искоренение остатков суфийской духовности в годы хрущевской антирелигиозной кампании.

Монография представляет собой законченное, логически выверенное исследование. Она вводит в научный оборот новый, яркий, до сих пор не опубликованный материал. Важнейшим достоинством исследования является широкий круг используемых источников – от архивных до этнографических, собранных автором в Нижегородской обл. Исследование сопровождается ценнейшими приложениями: фотографиями известных поволжских ишанов и святых мест, картами и духовными мистическими генеалогиями суфиев (араб. «силсила»), архивными материалами, списками персоналий и терминов.

В своей работе Ю.Н. Гусева приходит к выводу, что российская мусульманская община («умма») породила свой, особый тип ишанизма, на который влияло конкретное социокультурное пространство. Именно по этой причине нельзя, по мнению Ю.Н. Гусевой (и мы с этим полностью согласны), характеризовать ишанизм в Сред-

нем Поволжье как нечто статичное и однозначное явление. Конкретно-историческая форма ишанизма была обусловлена множеством факторов: доисламскими традициями и обрядами, системой государственно-исламских отношений в тот или иной период, влиянием иных конфессий. Деятельность ишанов достаточно явно коррелировала с теми внешними обстоятельствами, в которых она протекала, духовными запросами и ожиданиями мусульман. Ишаны были вынуждены учитывать настроение среды, в которой они существовали. В истории российского ислама ишанизм парадоксальным образом одновременно был связан как с исламской «ортодоксией» (при всей условности этого понятия), так и с религиозным обновленчеством. Этот важный вывод автора позволяет объективно взглянуть на феномен суфизма и избежать однобоких оценок и ярлыков.

В этой связи важным представляется мнение отечественного исламоведа О.Ф. Акимушкина в предисловии к известной работе английского востоковеда Дж.С. Тримингэма «Суфийские ордены в исламе». О.Ф. Акимушкин отмечает, что в настоящее время невозможно дать адекватное определение суфизма как системы, поскольку это сложное, многоплановое и мозаичное религиозное мировоззрение, охватившее весь мусульманский мир. По его мнению, суфизм – особое мистическое, религиозно-философское мировоззрение в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта духовное общение человека с Богом. Суфизм никогда не являлся стройной, четко сформулированной и строго определенной системой взглядов, а представлял собой множество течений, школ, ветвей и ответвлений, представленных целым спектром концепций и идей мистического Пути¹⁶.

Как представляется и нам, суфизму нельзя дать четкую дефиницию, обозначить его как вполне определенное социально-религиозное явление. В разных странах, на разных исторических этапах мусульманский мистицизм проявлялся в разных конкретно-исторических формах. Исследование Ю.Н. Гусевой, основанное на материалах Поволжья XX в., лишний раз доказывает данную особенность суфизма.

Ю.Н. Гусева подчеркивает, что достаточно сложно обозначить ишанизм и ишанов как единое целое, как группу лиц, которые были объединены идентичными характеристиками, однозначными отличительными признаками. Социально-религиозные роли суфиев в Поволжском регионе менялись на протяжении веков. В Средние века и раннее Новое время суфии, ишаны выступали в роли миссионеров, обращавших в ислам представителей тюркоязычных народностей. К началу XX в. поволжский ишанизм был далек от фило-

софского суфизма. Наиболее актуальными для ишанов были проведение ритуальных практик и социально ориентированные действия, прежде всего моральная, психологическая помощь единоверцам.

Ю.Н. Гусева посвящает значительное место в своей работе анализу культа мусульманских святых и их могил в Среднем Поволжье, и это вполне оправданно, так как его формирование и функционирование во многом связано с суфизмом. Связь между этими явлениями встречает аналогии и в других регионах России. Так, в совместном исследовании омских этнологов А.Г. и И.А. Селезневых и И.В. Белича прослеживается влияние суфизма на формирование религиозного комплекса сибирских мусульман (прежде всего тоболо-иртышских татар), в частности культа святых и святых мест – «астана». Авторы заключают, что имеющиеся в Сибири верования и практики, связанные с данным культом, могут быть определены как «народный» суфизм¹⁷.

Наши исследования, основанные на материалах Нижнего Поволжья, позволяют прийти к аналогичным выводам¹⁸. Именно с суфизмом, на наш взгляд, было связано формирование на Нижней Волге в эпоху Золотой Орды (XIII–XV вв.) и Астраханского ханства (XVI в.) культа мусульманских святых (среди которых было немало суфиев) и их могил – «аулья» («авлия», «эвлия»). Известно, что многие из суфиев, способствовавших распространению ислама в Золотой Орде, при жизни или после смерти почитались в качестве святых, а места их захоронений становились объектами культа¹⁹. Почитание святых могил суфийских шейхов сохраняется и в постзолотоордынских государственных образованиях (в частности, в Астраханском ханстве), а также после их падения. Большинство золотоордынских почитаемых мавзолеев в Нижнем Поволжье было забыто, однако некоторые из них продолжали почитаться. В течение второй половины XVI–XIX в. почитание нижеволжских святых могил было воспринято юртовскими татарами, татарами-переселенцами (казанскими и мишарскими), туркменами, ногайцами-карагашами и казахами. Естественно, что культ святых и их могил переосмысливался новыми тюркскими мигрантами. Старые святилища забывались, но сохранялось главное – традиция культа, а потому он пополнялся почитанием святых могил новых народов. Культ мусульманских святых и их могил на Нижней Волге является важнейшим компонентом «народного» ислама и во многом сохранил пережитки архаических верований и обрядов, связанных с анимизмом, шаманизмом, магией, культом предков. Но другим, более определяющим, механизмом формирования данного культа в регионе явился именно суфизм.

Ю.Н. Гусева оценивает современное состояние и перспективы развития суфизма на Средней Волге в XXI в. и приходит, на наш взгляд, к совершенно верному выводу о том, что сегодня остались лишь отдельные элементы суфийской традиции, в частности памятники литературного творчества и связанные с суфизмом святые места. Интерес к суфизму сегодня отмечен лишь у некоторых отдельных личностей, говорить о реальном бытовании ишанизма и связанного с ним мировоззрения не приходится. Сегодня это уже факт прошлого.

Вместе с тем культ мусульманских святых и их могил в Среднем Поволжье, по мнению автора, «будет поддерживаться настоящими и последующими поколениями с завидной регулярностью», во многом в силу своей архетипичности. И с этим мы, отдав некоторое время изучению культа мусульманских святых и их могил в Нижнем Поволжье, полностью согласны. На современном этапе очевиден все возрастающий интерес мусульманской общественности к могилам святых. Идет процесс восстановления социальной группы зрителей и хранителей святых мест, активизируется культовая деятельность на наиболее известных святых местах, многие из них реставрируются и обновляются. Таким образом, культ мусульманских святых и их могил представляет собой важное и интересное явление поволжского ислама, имеющее многовековую историю и перспективы развития, включая тенденцию к возрождению традиций почитания.

Суфизм в России – неотъемлемая часть российской истории, российской культуры, в то же время это не только предмет академической науки, но и важный фактор общественно-политической жизни. Сегодня суфизм как социальная система распространен лишь на Северном Кавказе (в Дагестане, Чечне, Ингушетии), но и у поволжских тюрков вновь появляются его ростки. Одни, повторимся, видят в его традициях способ противостояния радикальным формам ислама, другие – «языческие пережитки». Опыт прошлого и сегодняшняя ситуация требуют глубокого исследования и понимания. Этим определяется одна из важнейших задач отечественного исламоведения – объективная информация о российском суфизме. Большой и важный вклад в решение этой задачи вносит и монография Ю.Н. Гусевой.

Примечания

¹ См.: Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сборник статей памяти Фритца Майера (1912–1998). СПб., 2001; Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003; *Алескерова Н.Э.* Суфийское братство Гюлшаний. СПб., 2002; *Аликберов А.К.* Эпоха классического ис-

лама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хакаиқ» (XI–XII вв.). М., 2003.

- ² *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М., 1970. С. 139.
- ³ См.: *Гольдциер И.* Культ святых в исламе (Мухаммеденские эскизы). М., 1938. С. 109; *Басилов В.Н.* Указ. соч. С. 6; *Басилов В.Н., Снесарев Г.П.* Введение // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1986. С. 3; *Поляков С.П.* Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989. С. 69; *Мустафина Р.М.* Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане в конце XIX – XX в.). Алма-Ата, 1992. С. 3; *Чевырть Л.А.* Очередные задачи этнографического изучения ислама в Туркестане // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 126; *Она же.* Обряды и верования уйгуров XIX–XX вв.: Очерки народного ислама в Восточном Туркестане. М., 2006.
- ⁴ См.: *Васильев Д.В.* К вопросу о роли суфизма в исламизации Золотой Орды // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2003. № 6. С. 19–24; *Малов Н.М., Мальшев А.Б., Ракушин А.И.* Религия в Золотой Орде. Саратов, 1998. С. 111–112; *Сибгатуллина А.Т.* Суфийские тарика среди тюркских народов // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтническом регионе»). Ч. 1. Астрахань, 1995. С. 84–86; *Давлетшин Г.М.* Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань, 2004. С. 213–220.
- ⁵ См.: *Наушкин В.В.* Тасаввуф // Ислам: Краткий справочник. М., 1983. С. 105; *Кныш А.Д.* ат-Тасаввуф // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 225.
- ⁶ См.: *Позднев П.* Дервиши в мусульманском мире. Оренбург, 1886. С. 36, 49; *Степаняц М.Т.* Философские аспекты суфизма. М., 1987. С. 4.
- ⁷ См.: *Залеман К.Г.* Легенда про Хаким-ата // Известия Академии наук. СПб., 1898. Сер. 5. Т. 9. № 2. С. 105–150; *Гордлевский В.А.* Ходжа Ахмед Ясеви // Гордлевский В.А. Избр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1962. С. 361–368; *Он же.* Бахауддин Накшбанд Бухарский // Там же. С. 369–386; *Семенов А.А.* Бухарский шейх Баха-уд-дин, 1318–1389 // Восточный сборник в честь А.Н. Веселовского. М., 1914. С. 202–211; *Он же.* Шейх Джелал-уд-дин Руми по представлениям шугнанских исмаилитов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Пг., 1915. Т. 22. С. 247–256.
- ⁸ См.: *Андреев М.С.* Чильтаны в среднеазиатских верованиях // В.В. Бартольд: Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 334–348; *Кисляков Н.А.* Бурх – горный козёл (древний культ в Таджикистане) // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 181–189; *Лисицан С.Д.* «Святыни» у перевалов // Там же. 1936. № 4–5; *Кнорозов Ю.В.* Мазар Шамун-наби (некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Там же. 1949. № 2. С. 86–97.
- ⁹ См.: *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969; *Он же.* Под небом Хорезма (Этнографические очерки). М.,

- 1973; *Он же*. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983; *Басилов В.Н.* О туркменском «пире» дождя Буркут-баба // Советская этнография. 1963. № 3. С. 42–52; *Он же*. Культ святых в исламе; *Он же*. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992; *Он же*. Суфийская легенда о соперничестве святых // Приаралье в древности и средневековье: К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1998. С. 243–260; *Сухарева О.А.* К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 2. Ташкент, 1951. С. 159–178; *Она же*. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960; *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972; *Демидов С.М.* Туркменские овлады. Ашхабад, 1976; *Он же*. Суфизм в Туркмении (эволюция и пережитки). Ашхабад, 1978; *Рассудова Р.Я.* Культурные объекты Ферганы как источник по истории орошаемого земледелия // Советская этнография. 1985. № 4. С. 94–104.
- ¹⁰ См.: *Абашии С.Н.* Ислам и культ святых в Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 128–131; *Он же*. Потомки святых в современной Средней Азии // Там же. № 4. С. 62–83; *Он же*. «Семь святых братьев» // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С. 18–40; *Он же*. Бурханиддин-Кылыч: ученый, правитель, чудотворец? О генезисе культа святых в Средней Азии // Там же. С. 215–236; *Бобровников В.О., Сефербеков Р.И.* Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Там же. С. 154–214; *Ярлыкапов А.А.* Ногайская степь: этнос и религия сегодня // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 89–98; *Булатов А.О.* Пережитки домотейстических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала, 1990; *Он же*. Отголоски шаманства в культе святых у народов Дагестана // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С. 67–84; *Гаджиев Г.А.* Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991; *Каландаров Т.С.* Святые места Западного Памира // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2002. С. 218–239; *Огудин В.Л.* Места поклонения Ферганы как объект научного исследования // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 63–79; *Он же*. Гора Бобои-об – древняя святая гора народов северо-западной Ферганы // Подвижники ислама... С. 41–68; *Он же*. Трон Соломона: История формирования культа // Там же. С. 69–102; *Чевыр Л.А.* Очередные задачи этнографического изучения ислама в Туркестане; *Она же*. Обряды и верования уйгуров XIX–XX вв.
- ¹¹ См.: Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1–4. М., 1998–2003; Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 2006.
- ¹² Ислам в Поволжье: Энциклопедический словарь. М., 2013 (Ислам в Российской Федерации. Вып. 6).
- ¹³ Суфизм как социокультурное явление в российской умме: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 21 ноября 2006 г.). Н. Новгород, 2007.

- ¹⁴ См.: *Селезнев А.Г., Селезнева И.А.* Занге-ата и Хазыр-Ильяс: исторические и этнические аспекты распространения ислама в Сибири // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 6. С. 41–56; *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М., 2009; *Миңуллин И., Минвалеев А.* Суфизм в советском Татарстане: к постановке проблемы // *Гасырлар авазы – Эхо веков* (Казань). 2007. № 1. С. 143–150.
- ¹⁵ *Гусева Ю.Н.* Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение. М., 2013.
- ¹⁶ *Акимушкин О.Ф.* Суфийские братства: сложный узел проблем // *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе. М., 2002. С. 4–5.
- ¹⁷ *Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич В.И.* Указ. соч. С. 153.
- ¹⁸ См.: *Сызранов А.В.* Святые места мусульман Астраханского края: историко-этнографический очерк. Астрахань, 2006; *Он же.* Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань, 2007. С. 83–108.
- ¹⁹ *Малов Н.М., Мальшев А.Б., Ракушин А.И.* Указ. соч. С. 114–115.

Д.Р. Зайнутдинов

ПРОБЛЕМАТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО
РАЗВИТИЯ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
ВОЕННЫХ ДИКТАТУР В СОВРЕМЕННЫХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ПО ИСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье рассматривается изучение современными российскими историками Белого движения вопросов развития права в рамках антибольшевистских диктатур в 1918–1919 гг. Особое внимание уделяется анализу проблематики и терминологического аппарата, присущих современным исследованиям. Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения антибольшевистской государственности в историко-правовом ключе, активизации сотрудничества между историками Белого движения и специалистами по истории права.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, военная диктатура, антибольшевистская государственность, история государства и права, юридическая наука, историография.

Научно-исследовательские работы, посвященные периоду Гражданской войны в России, особенно Белому движению и антибольшевистским военным диктатурам, в большинстве своем нацелены на военно-политическую проблематику, реже – на социально-экономическую. Однако наименее изученными проблемами, на наш взгляд, являются проблемы государственного строительства в неразрывной связи с развитием правовой основы этого строительства.

Прежде всего следует сказать, что исследования Гражданской войны, написанные и опубликованные в советский период, в немалой мере составляют базу современных постсоветских трудов. Советская история государства и права в основном однообразно рассматривала вопросы становления государства и права большевистской России, преподнося деятельность большевиков единственно верной, в то

время как история антибольшевистского государственно-правового строительства описывалась как примитивная, базирующаяся на пережитках царского режима, крушение которой являлось логической закономерностью. При этом антибольшевистский лагерь представлялся не совокупностью государственных образований, а рядом занявших определенную территорию контрреволюционных военно-политических сил и группировок, часто получавших личностное обозначение, – «корниловщина», «калединщина», «деникинщина», «колчаковщина» и тому подобных¹. До конца 1970-х гг. и позже «фамилии белых генералов так и оставались символическими знаками», которые обозначали фронты, на которых одерживала победы Красная армия, и территории, занятые белыми армиями, а политические режимы, которые эти генералы возглавляли, практически не изучались².

Во время перестройки кардинальным образом изменилась ситуация в направлении исследований, посвященных Гражданской войне: возник живой интерес к проблеме антибольшевистского лагеря. Работы по этой тематике обогатились и новыми источниками, и новыми сюжетами, а также объективностью и многосторонностью подходов. И тем не менее область государственного и правового становления антибольшевистской России все еще остается малоизученной.

Нельзя не согласиться с заключением С.В. Карпенко, что «вектор» изучения государственности Белого движения... как ни покажется это кому-то обидным, разом отбросил на обочину многие работы, появившиеся в 1990-е гг., на волне почти массового интереса к Белому движению, – как «тонкие», так и «толстые», – с разной степенью придыхания живописавшие о «героизме белых воинов» и «трагедии Белой гвардии», о «тернистом пути» белых вождей, будто бы «далеких от политики», о символах и униформе белых войск... Но только не о политических режимах, законодательстве, правительствах, военном и гражданском аппаратах управления, внутренней политике, «экономическом порядке» и прочих подобных «скупных материях»³.

Тем не менее с конца 1990-х гг., а еще заметнее с начала 2000-х гг. ситуация стала выправляться.

Одна за другой в разных регионах России выходили статьи и монографии, в которых ученые-историки при изучении истории антибольшевистских сил все больше внимания стали обращать на государственно-правовые сюжеты, уделять особое внимание проблематике государственных образований Белого движения как реальной альтернативе большевистскому, советскому режиму. На

сегодняшний день политико-правовым аспектам Белого движения – то в большей мере, то в меньшей – посвящен ряд монографий и статей современных российских авторов, известных специалистов по истории Белого движения: В.Ж. Цветкова⁴, С.В. Карпенко⁵, С.П. Звягина⁶, В.Д. Зиминой⁷, В.П. Слободина⁸, Я.А. Бутакова⁹, Г.А. Трукана¹⁰, Н.С. Кирмель¹¹, В.М. Рынкova¹², П.Ф. Назырова¹³, Л.Г. Новиковой¹⁴ и других. Работам этим присущи как свои достоинства, так и недостатки. В частности, при разработке историко-правовых вопросов сильно чувствуется нехватка, а то и отсутствие именно историко-правовых знаний и подходов.

Пожалуй, дальше всех в этом направлении продвинулся В.Ж. Цветков. Серия его монографий о политических структурах Белого движения, как явствует из авторитетной оценки, данной С.В. Карпенко, впервые всесторонне воссоздала ход и трудности государственно-правового строительства на «белых» территориях. Вообще сущностной чертой Белого движения В.Ж. Цветков считает его стремление к «самоопределению» в качестве государственно-правовой альтернативы Советской власти, возникшей, как были убеждены многие белые политики и идеологи из антибольшевистского лагеря, в условиях «пренебрежения правом» со стороны большевиков, которых считали «захватчиками» власти. Впервые в отечественной историографии В.Ж. Цветков подошел к процессу формирования политических структур и политического курса Белого движения, исходя из той посылки, что оно являлось самостоятельной военно-политической общностью, но при этом – неотъемлемой частью всего антибольшевистского движения во время Гражданской войны. В своих книгах В.Ж. Цветков последовательно, по разным регионам бывшей империи анализирует прежде всего образование и деятельность центрального и местного аппаратов управления (исполнительной, законодательной и судебной властей), политико-правовой статус органов власти и управления, оценивает, что особенно ценно, степень их традиционности, правопреемственности и новаций. Кроме того, он последовательно освещает эволюцию политического курса белых правительств во взаимосвязи с изменением форм правления и государственного устройства, а также с попытками разрешения таких важных политико-правовых вопросов, как избирательная система, форма диктаторского управления, создание коалиционных органов власти¹⁵. И при этом В.Ж. Цветков, что следует отметить как особую заслугу известного ученого, ввел в научный оборот огромный фактический материал правового характера, а это, в свою очередь, значительно расширяет исследовательское поле, дает хорошие

ориентиры для тех, кто продолжит изучать историю государства и права «белой» России.

В целом же, повторимся, при разработке историко-правовых вопросов «белой» России историками сильно чувствуется нехватка историко-правовых знаний и подходов.

С другой стороны, нельзя не отметить, что тех, кто такими знаниями обладает сполна, а именно правоведов-теоретиков, мало интересуют вопросы государственно-правового становления антибольшевистской России, что, на наш взгляд, является негативным моментом в отечественной науке государства и права. А этот момент, уже в свою очередь, негативно влияет на развитие исторических знаний о Белом движении.

Ученые-историки в исследованиях, затрагивая политико-правовые проблемы, не способны подойти к ним с чисто теоретико-юридических позиций с использованием специфических частноправовых методов юридической науки. Так, специалистам, не обладающим необходимыми правовыми познаниями, сложно осознать глубину формально-юридического метода, который «является традиционным, свойственным юридической науке, выходящим из ее природы. <...> Формализм – неотъемлемое свойство права, формальный подход генетически выделил право из синкретического единства социальных регуляторов древности»¹⁶. Также им, видимо, трудно понять сущность сравнительно-правового метода, имеющего важное значение в методологии государствоведения и правоведения. Например, историк может сравнить исторические периоды в целом, но он не может подвергнуть сравнению правовые системы различных исторических типов, форм государства, отраслевое деление права, систематизацию нормативных актов и др. «Широкое внедрение сравнительно-правового метода исследований в государственно-правовую теорию может привести и приводит к появлению новых научных дисциплин, если в ходе таких исследований изучается определенная совокупность относительно самостоятельных закономерностей государственно-правовой сферы, не входящих непосредственно в предмет традиционных юридических наук»¹⁷.

Теоретиками юриспруденции, опять же повторимся, проблематика «белой» государственности практически не изучена. Из имеющихся работ весомым вкладом в историю отечественного государства и права данного периода следует считать исследования А.Н. Никитина¹⁸, В.Г. Медведева¹⁹, Г.Н. Емцова²⁰, М.М. Степанова²¹, Е.А. Козловой²².

Таким образом, заметно ощущается нехватка исследований в отечественной историографии по тематике Гражданской войны,

находящихся на стыке наук теории и истории права и государства, истории учений о праве и государстве. Так, в изучении «белой» государственности существуют две основные задачи, решение которых возложено непосредственно на юридическую науку. Первая задача заключается в необходимости формирования единого терминологического (понятийного) аппарата по содержанию таких понятий, как «белая» государственность, «белая» Россия, «белая» власть, и других, связанных с основными категориями государства и права.

Здесь нельзя претендовать на исчерпанность и неоспоримость содержания, но можно предложить следующие варианты некоторых определений вышеупомянутых понятий:

1) «белая» государственность – понятие, охватывающее образования властно-политического характера «белого» движения;

2) «белая» Россия – совокупность «белых» государственных образований, впоследствии признавших власть Российского правительства в качестве центральной;

3) «белая» власть – форма «белой» политической власти, имевшей территориальное пространство, на которое распространялся государственный суверенитет, специальный аппарат управления и принуждения с правом издания нормативных актов, обязательных для всего населения занимаемой территории.

Помимо разработки единого терминологического аппарата по содержанию вышеупомянутых понятий следует четко различать и понятия более глобального масштаба, такие как антибольшевизм, антикоммунизм и антисоветизм. Современная отечественная наука не позволяет говорить о данных понятиях как о синонимах. Категории юриспруденции и политологии наполняют их разным смыслом. Так, антибольшевизм направлен против политического движения и политики большевиков; антикоммунизм – против идеологических доктрин коммунизма, но вовсе не социализма; антисоветизм – против советского режима как вида государственного режима и формы осуществления власти, но ему не чужды ни социализм, ни коммунизм. При этом в целом ни одному из данных направлений не присуще абсолютное отрицание социализма, его отдельных учений, вариаций, идей. Ярким примером являются правые эсеры с присущей им идеологией социальной демократии и образованной государственностью под наименованием «Комитет членов Всероссийского учредительного собрания» (КОМУЧ). Так, режим КОМУЧа был антибольшевистским, антикоммунистическим и антисоветским, но он базировался на доктринах социальной демократии.

Вторая задача юридической науки состоит в том, чтобы максимально исследовать период существования «белой» государствен-

ности в соотношении с элементами теории государства и права, а именно изучить сущностные характеристики политико-правовых явлений, проанализировать правотворческую, правоприменительную и интерпретационную практику, выявить идеологические и правовые аспекты и многое другое. Требуется более глубокое изучение элементов формы государства (осуществление власти, политический режим, территориальное устройство), теории права (правотворчество, отрасли права, правосознание, правовая идеология, движение правовых идей), политико-правовых учений первой половины XX в. (консервативные, либеральные, демократические, социалистические) в историческом аспекте периода Гражданской войны в России.

Незначительное количество работ юристов-теоретиков по проблематике «белой» государственности служит ярким свидетельством пробелов в истории отечественного государства и права. При этом исследования историко-правового ракурса необходимы для обогащения исторической науки. Например, крайне важным является изучение государственно-правовой идеологии «белой» государственности как возможного базиса для становления государственности, системы права, правосознания и, безусловно, нового общества в период социальных потрясений.

Для решения указанных задач в историко-правовых исследованиях следует опираться на знаменитых юристов, теоретиков и философов права как дореволюционного, так и послереволюционного периодов, в том числе периода Гражданской войны, а также «белых» идеологов и историков, среди которых особое место занимают Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, В.М. Хвостов, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве, Л.А. Тихомиров, С.П. Мельгунов, С.Г. Пушкарев, Г.К. Гинс, А.Д. Билимович и другие.

Подводя итоги, отметим необходимость активного продолжения исследования проблематики «белой» государственности историками права, что обусловлено целесообразностью пополнения новыми знаниями не только истории отечественного государства и права, но и в целом отечественной науки. Таким образом, результаты историко-правовых исследований проблематики «белой» государственности будут способствовать, с одной стороны, окончательному пересмотру сложившегося в советский период и все еще отчасти продолжающего существовать в отечественной исторической науке представления о том, что данное образование не обладало творческим потенциалом, а сформировалось из различных политических группировок с реакционной идеологией, а с другой – помогут новому поколению историков Белого движения глубже и точнее в историко-правовом плане изучать свой объект и предмет исследования.

Работы современных историков и историков права носят намного более объективный характер, что позволяет формировать не привязанную к каким-либо идеологическим требованиям научную и учебную базу по «Теории государства и права», «Истории государства и права», «Истории политических и правовых учений», «Политологии» и «Отечественной истории». Немаловажно и то, что работы историков права обладают особой значимостью в юридической, государственной и политической практике. Сформулированные положения и выводы могут быть учтены при модернизации существующих отраслей права и выработки новых, развитии демократических институтов, увеличении роли и влияния общества в правовой и политической жизни страны, формировании правосознания и борьбы с правовым нигилизмом.

Примечания

- ¹ См.: *Иванов Н.Я.* Корниловщина и ее разгром: из истории борьбы с контрреволюцией в 1917 г. Л., 1965; *Алексащенко А.П.* Крах денкининщины. М., 1966; *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
- ² См.: *Карпенко С.В.* Проблема экономического и политического краха белогвардейских режимов в советской историографии // Вопросы становления и развития советского общества в отечественной историографии. М., 1986. С. 188–194; *Карпенко С.В.* Крах последнего белого диктатора. М., 1990. С. 4.
- ³ *Карпенко С.В.* Государственность Белого движения: из истории изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 67–68.
- ⁴ См.: *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России: 1917–1920 гг. М., 2000; *Он же.* Эволюция репрессивного законодательства белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26; *Он же.* Земская реформа правительства генерала П.Н. Врангеля (июнь – октябрь 1920 г.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1 (17). С. 198–205; *Он же.* Белое дело в России: 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; *Он же.* Белое дело в России: 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; *Он же.* Белое дело в России, 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 1. М., 2013; *Он же.* Генерал Алексеев. М., 2014.
- ⁵ См.: *Карпенко С.В.* Бесприютная армия (декабрь 1917 г. – апрель 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 168–242; *Он же.* Новый шаг в изучении государственности Белого движения // Там же. 2001. № 1 (3). С. 316–321; *Он же.* Врангель в Крыму: государственность и финансы // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 82–99; *Он же.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд. М., 2006; *Он же.* «Брать сейчас взятку – значит

- торговать Россией!»: госаппарат и чиновничество врангелевской диктатуры // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 98–112; *Она же*. Белые генералы и красная смута. М., 2009.
- ⁶ *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001.
- ⁷ См.: *Зимина В.Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997; *Она же*. Гражданская война 1918–1920 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 214–232; *Она же*. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М., 2006.
- ⁸ *Слободин В.П.* Белое движение в годы Гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996.
- ⁹ *Бутаков Я.А.* Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 г.). М., 2000.
- ¹⁰ *Трухан Г.А.* Антибольшевистские правительства России. М., 2000.
- ¹¹ См.: *Кирмель Н.С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.). М., 2007; *Она же*. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне: 1918–1920 гг. М., 2008.
- ¹² *Рышков В.М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008.
- ¹³ *Назыров П.Ф.* Аграрные отношения на Южном Урале в годы Гражданской войны. Челябинск, 2009.
- ¹⁴ *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М., 2011.
- ¹⁵ *Карпенко С.В.* Государственность Белого движения: из истории изучения // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 69–70.
- ¹⁶ *Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева.* 3-е изд. М., 2001.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Никитин А.Н.* Государственность «белой» России: Становление, эволюция, крушение. М., 2004.
- ¹⁹ *Медведев В.Г.* Политико-юридическая сущность интервенции и государственно-правовая организация Белого движения в годы Гражданской войны в России. М., 2002.
- ²⁰ *Емцов Г.Н.* Государство и право в условиях Гражданской войны. Красноярск, 2006.
- ²¹ *Степанов М.М.* Органы внутренних дел белых правительств периода Гражданской войны в России. Омск, 2002.
- ²² *Козлова Е.А.* Аграрное законодательство антисоветских государственных образований в годы Гражданской войны в России. Самара, 2012.

В.Г. Чичерюкин-Мейнгардт

К ИЗУЧЕНИЮ МОТИВАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ВОЕНСПЕЦОВ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(на примере биографии генерала В.И. Селивачева)

В статье в контексте изучения роли бывших офицеров Русской императорской армии (военспецов) в Красной армии рассматривается книга А.В. Ганина «Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России». Главное внимание уделяется анализу личности генерала В.И. Селивачева, его политическим взглядам и мотивации его социального поведения. Оцениваются итоги и перспективы изучения мотивации социального поведения военспецов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, Русская императорская армия, Рабоче-крестьянская красная армия, В.И. Селивачев, историография, А.В. Ганин.

После XX съезда КПСС участие в Гражданской войне 1917–1922 гг. на стороне красных военных специалистов, или военспецов, по тогдашней советской терминологии, перестала быть в СССР запретной темой. Бывшее до того времени «белым пятном» отечественной истории, оно стало уменьшаться, пускай и не столь быстро, как пресловутая шагреновая кожа. Исследование данной темы было ограничено рамками господствовавшей в СССР идеологии, которая, в свою очередь, должна была «направлять» исследование советских историков в определенное русло.

Исследования и публикации, освещавшие службу бывших офицеров и генералов русской армии в Красной армии в первые годы Советской власти, должны были, с одной стороны, показать, что подобное явление носило если не массовый, то довольно распространенный характер. Следовательно, этим подтверждались историческая правота «дела партии Ленина». Но в то же время бывшие офицеры и генералы не должны были затмить в массовом сознании советских граждан тот факт, что Гражданскую войну

большевики выиграли благодаря своим полководцам, выходцам из гущи народных масс. Ведь Гражданская война, согласно марксистско-ленинскому учению, есть высшая форма классово-борьбы. В ходе ее выдвинулись полководцы из рабочих и крестьян, которые разгромили «полчища» иностранных интервентов и белогвардейцев. Пролетарские полководцы разгромили врагов, которыми командовали царские генералы, имевшие академическое военное образование.

Наряду с этим после XX съезда КПСС подчеркивалось и то, что подлинными организаторами побед Красной армии над интервентами и белогвардейцами в годы Гражданской войны было коллективное руководство партии большевиков во главе с В.И. Лениным. При этом имя создателя Красной армии Л.Д. Троцкого вплоть до конца 1980-х гг. в СССР было под запретом.

Что же касается военспецов, то гражданам СССР, интересовавшимся историей Гражданской войны, как правило, было знакомо не более десяти, как сейчас сказали бы, «брендовых» имен. Это М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, Б.М. Шапошников, В.И. Шорин, И.И. Вацетис, С.С. Каменев, В.М. Бонч-Бруевич, И.П. Уборевич. И еще, может быть, два-три имени тех, кого можно было бы пусть с оговорками, но считать именно военными специалистами по их первым обер-офицерским чином, полученным еще при Николае II или при Временном правительстве. Например, А.И. Геккера, А.И. Корка, А.М. Василевского.

Новый этап в изучении этой полузапретной темы начался в эпоху перестройки. Можно с полным основанием считать исходным рубежом монографию военного историка А.Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республике Советов: 1917–1920 гг.»¹. Автор на основе многолетних архивных изысканий привел статистические данные, из которых следовало, что большинство комначсостава РККА периода Гражданской войны были бывшими генералами и офицерами Русской императорской армии. По большей части именно они занимали должности на уровне командующих армиями и фронтами, корпусами и дивизиями. И при красных полководцах безупречного пролетарского происхождения, как правило, начальниками штабов или консультантами были те же военспецы.

Таким образом, в последующие годы, после выхода в свет монографии А.Г. Кавтарадзе, стала заполняться и эта лакуна, в первую очередь написание биографий военспецов, практически неизвестных отечественным читателям, их научного и мемуарного наследия, а также разработка статистики. В первую очередь это касалось корпуса чинов Генерального штаба.

Благодаря изысканиям, предпринятым отечественными историками и исследователями за последнюю четверть века, стала складываться более ясная картина, нежели в предыдущий период (с середины 1950-х до второй половины 1980-х гг.).

Первый вывод, который напрашивается сам собой: роль военных специалистов РККА в годы Гражданской войны была весьма велика. Но опять-таки в силу причин политических на более глубокое и всестороннее изучение данной темы продолжали существовать определенные ограничения, пускай и не такие жесткие, как в эпоху культа личности Сталина.

При этом следует признать, что при написании биографий репрессированных советских военачальников, включая бывших офицеров, в изданиях 1960–1980-х гг. преобладали комплиментарный подход и стиль изложения, что можно было объяснить целым рядом причин. В конце 1980-х гг. подход к изучению и написанию биографий советских военачальников изменился. Он стал более взвешенным и объективным. Стали появляться критические пассажи. Хотя порой они могли быть не совсем обоснованными.

Но даже сегодня можно констатировать, что биографии очень многих военспецов, чьи имена ввел в широкий оборот А.Г. Кавтадзе, еще ждут своих исследователей.

На этом фоне сложно сразу вспомнить исследование, посвященное тому или иному военному специалисту, сопоставимое с рассматриваемой работой московского историка А.В. Ганина.

Как и многие другие военспецы, занимавшие высокие посты в РККА в первые годы Советской власти, бывший генерал В.И. Селивачев оказался прочно забытым на долгие десятилетия. Причины этого забвения и попытался исследовать Ганин наряду с подробным изложением собственно биографии генерала и обстоятельств ухода из жизни. Причем в данном случае помимо попытки реконструкции жизненного пути бывшего генерала, опираясь на архивные документы, у автора была редкая возможность дополнить их как дневником своего героя, так и воспоминаниями его родных и близких, хотя бы через вторые руки.

Как уже говорилось выше, после XX съезда КПСС были «возвращены» имена тех военных спецов, которые так или иначе связали себя с большевиками, с новой советской государственно-стью и если даже мечтали о военном перевороте, то только для установления военной диктатуры с поправками на те перемены, которые произошли на территории бывшей Российской империи после 1917 г. О реставрации дореволюционных порядков они не помышляли.

К таковым относят в первую очередь маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и тех высокопоставленных советских военачальников, кто был осужден вместе с ним в июне 1937 г. Однако можно предположить, что в РККА служили военспецы, которые надеялись на демонтаж советского режима в духе «непредрешенчества» вождей Белого движения, в первую очередь генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля.

Начавшийся после XX съезда КПСС процесс реабилитации затронул и тех бывших военспецов, кто был во время сталинского Большого террора 1936–1938 гг. осужден повторно. То есть осужден впервые на рубеже 1920–1930-х гг., а иногда даже в годы военного коммунизма. Лояльность этих бывших офицеров и генералов русской армии к Советской власти была в ряде случаев весьма сомнительной. Как показали сами арестованные, десятью годами раньше они не только не сочувствовали большевикам, но и были готовы принять активное участие в антисоветской деятельности, и, вероятно, такое участие в той или иной форме могло иметь место. Исходя из данного обстоятельства, с большой долей вероятности можно предположить, что среди фигурантов по делу «Весна» мог оказаться и бывший генерал В.И. Селивачев. Если бы осенью 1919 г. каким-то чудом он поправился и избежал подозрения в том, что работает на белых, шансов избежать «карающей десницы пролетарского правосудия» у него все равно практически не было бы ни на рубеже 1920–1930-х гг. и уж тем более во второй половине 1930-х гг.

Ведь утверждала на полном серьезе сторона обвинения на Третьем открытом московском судебном процессе в марте 1938 г., что двадцатью годами раньше «любимец партии» Н.И. Бухарин намеревался убить Ленина. И хорошо известен тот факт, что скончавшегося в 1936 г. командарма 1-го ранга С.С. Каменева, чью урну с прахом под залпы траурного салюта установили в нише Кремлевской стены спустя год или полтора НКВД разоблачил посмертно как участника «военно-фашистской банды Тухачевского». Поэтому органы НКВД вполне могли получить компромат на Селивачева от бывших сослуживцев по Южному фронту, например от Г.Л. Пятакова или Г.Д. Гая.

Здесь не имеет смысла пересказывать основные вехи военной службы генерала Селивачева. Они типичны для многих русских подданных, связавших свою судьбу с Русской императорской армией.

Несомненный интерес представляют дневниковые записи самого Селивачева. Особенно те, в которых он критикует изъяны армии, дает характеристики своим начальникам и сослуживцам.

Главная же интрига книги – это попытка спустя почти столетие попытаться восстановить, как прошли последние дни земной жизни Селивачева, и выяснить причину его ухода из жизни. Потомок Селивачева О. Хлестов в предисловии пишет: «Мне представляется, что Селивачев все-таки участвовал в антибольшевистском заговоре»². В то же время А.В. Ганин считает, что Селивачев «был готов поддержать любые политические силы, способные навести порядок в стране и в армии. Вполне возможно, что по этой причине он в дальнейшем поддержал выступление генерала Л.Г. Корнилова, а позднее оказался в рядах Красной армии, в отношении которой существовала надежда на обновление заржавевшего механизма страны. Уже в силу этого представляется маловероятным, чтобы в Гражданскую войну генерал стал работать на традиционалистов-белых»³. Но вот его сослуживец по кампании в Восточной Пруссии в 1914 г. офицер Генерального штаба Б.Н. Сергеевский не видел себя в рядах созданной В.И. Лениным и Л.Д. Троцким Красной армии. И это несмотря на то, что в его мемуарах, изданных в Белграде в начале 1930-х гг., содержится немало критических замечаний, порой имеющих яркую эмоциональную окраску, в адрес старой армии, ее порядков, структур и проч. То же можно сказать и о генерале Я.М. Ларионове, также участвовавшем в Восточно-Прусской операции в августе 1914 г.⁴

А.В. Ганин пытается реконструировать представление генерала Селивачева, каким ему виделся противник по фронту Гражданской войны. При этом читатель должен помнить, что его противники всего года два тому назад были его сослуживцами по фронту Второй Отечественной войны.

Автор утверждает, что белогвардейцев генерал Селивачев воспринимал как традиционалистов и по этой причине не видел себя в их рядах. Здесь можно автору возразить. Ряд современных отечественных историков и исследователей склонны считать участников Белой борьбы скорее консервативно-охранительными силами, придерживающимися или исповедующими традиционалистские взгляды и ценности. А сторонники новой, советской, государственности как раз выступали за ликвидацию традиционных ценностей. Генерал Селивачев, как следует из слов А.В. Ганина, до последних дней своей жизни был традиционалистом. То есть у него на первом месте стояли определенные морально-этические ценности. К ним относятся верность вере предков, патриотизм, традиционная семья. Именно эти черты были присущи Селивачеву. А.В. Ганин прямо об этом пишет. Бывший царский генерал и дворянин был глубоко верующим православным христианином, хорошим семьянином, патриотом. Об

этом говорит сам факт его переезда из независимой Финляндии в Петроград. Такие черты характера Селивачева показывают его как типичного традиционалиста. Что же касается переезда из Финляндии в красный Петроград, то такой шаг только на первый взгляд может показаться непродуманным и нелогичным. Ведь в то время многие здравомыслящие люди считали, что большевики продержатся у власти несколько месяцев или даже недель, настолько нелогичными были их декларации. А в самой Финляндии в начале 1918 г. произошла скоротечная ожесточенная Гражданская война.

Возвращаясь к утверждению автора о том, что Селивачеву было не по пути с его бывшими сослуживцами из-за якобы реставраторских настроений, царивших в лагере белых, не будем считать, что здесь все так просто. То, что Селивачев был профессиональным военным высокого уровня, патриотом своего Отечества, что в воинскую службу он вкладывал всего себя, не вызывает сомнения. Поэтому он мог предполагать, что после победы над красными белые восстановят русскую армию со всеми недостатками и безобразиями, которые были присущи Русской императорской армии. А именно эти вещи вызывали неприятие, если не отторжение, у кадрового военного. Тем более что с начала Гражданской войны советская пропаганда прикладывала максимум усилий к тому, чтобы создать в глазах народных масс реставраторский, в самом худшем смысле этого слова, образ белых армий. Достаточно вспомнить советские пропагандистские плакаты первых лет советской власти. На эту уловку советской пропаганды в той или иной степени мог попасться и генерал Селивачев.

Пропагандистские стереотипы эпохи военного коммунизма отложились в массовом сознании нескольких поколений граждан СССР. Возможно, этим штампам советской пропаганды мог в какой-то мере поверить и бывший генерал Селивачев. Может быть, к тому времени в его памяти стерлось обращение главковерха русской армии генерала Корнилова к русским людям, с которым он обстался в августе 1917 г. Там не было ни малейшего намека на реставрацию монархии.

Наконец, проходя службу на Южном фронте, командуя ударной группой красных войск, он мог узнать из разведсводок, из допросов пленных и перебежчиков строфу из песни Корниловской ударной дивизии:

Мы о прошлом не жалеем,
Царь нам не кумир.
Лишь одну мечту лелеем –
Дать России мир.

Поэтому трудно не согласиться с автором, который пишет: «Оснoваний любить большевиков у Селивачева не было. В 1919 г. он долгое время провел под арестом в Бутырской тюрьме по обвинению в принадлежности к подпольной объединенной офицерской организации»⁵. А коли так, добавим от себя: его участие в заговоре, составленном бывшими офицерами и генералами, служившими у красных, представляется вероятным.

Комментируя отклик на смерть бывшего генерала Селивачева, опубликованный полковником Генштаба А.А. фон Лампе, в котором есть пассаж о том, что генерал Селивачев «замарал себя изменой родному делу», автор пишет: «К сожалению для них, белые тогда еще не поняли, что на одном только страхе армию создать невозможно, а основания для службы многих бывших офицеров в Красной армии были совсем иными. К тому же говорить об измене в условиях раскола общества и отсутствия каких-либо критериев для определения, что есть в данной ситуации измена, не приходится»⁶.

Но у генерала фон Лампе, равно как и у других белогвардейцев, была своя логика рассуждений, о которой А.В. Ганин не счел нужным хотя бы вкратце упомянуть. Соратник «черного барона» под словами «измена родному делу» подразумевал служение государству Российскому.

Еще без малого четверть века тому назад известный отечественный историк С.В. Волков писал в книге «На углях великого пожара»: «Как-то доводилось видеть специальную статью “Знамена революции и контрреволюции”, где приведены наиболее типичные надписи: с одной стороны – “Да здравствует мировая революция”, “Смерть мировому капиталу”, “Мир хижинам, война дворцам”, – с другой – “Умрем за Родину”, “Отечество или смерть”, “Лучше смерть, чем гибель Родины” и т. д.»⁷. То есть знамена красных полков не были «осквернены» такими словами, как «патриотизм», «Отечество», «Родина». Следовательно, с точки зрения белогвардейцев, красные и есть изменники своему Отечеству. Тем более что к измене призывал их вождь Ленин в годы войны, которую российская пресса называла Второй Отечественной. Не говоря уже об упрямом циркулировавших слухах про связи партии большевиков с германским генеральным штабом и про германское золото.

Да, к осени 1919 г. эти слухи в известной степени потеряли свою актуальность. Но в момент захвата большевицким ВРК власти в Петрограде, в октябре 1917 г., на территории Российской республики действовала ст. 108 Уложения об уголовных преступлениях «О вооруженном мятеже с целью свержения законной власти». И, с точки зрения белых властей, ее никто не отменял.

Более того, то, что позднее стало называться советской партийно-хозяйственной номенклатурой, в годы Гражданской войны белогвардейцами рассматривалось как преступное сообщество. Со всеми вытекающими последствиями. Вольно или невольно, но бывший русский генерал Селивачев занял свое место в данном сообществе. Далее эту мысль можно не развивать.

Жаль, что автор не стал раскрывать свое видение мотивации бывших генералов и офицеров, поступивших на службу в РККА. Она была разной. Подполковник М.А. Муравьев и поручик М.Н. Тухачевский видели себя в роли Наполеона. Старики генералы, устроившиеся в военные архивы и военно-исторические комиссии, в ряде случаев рассчитывали только на паек для своих голодающих семей. Кто-то поступил на службу в РККА, руководствуясь принципом королевского мушкетера Портоса: «Я дерусь, потому что дерусь». К таким можно отнести А.И. Егорова и А.И. Геккера. От себя добавим: неважно, за что и за кого.

Кто-то уверовал или постарался уверовать в то, что в огне братоубийственной Гражданской войны рождается некая новая российская государственность. Недостатки дореволюционной России для них были очевидны. Включая недостатки ее важнейшего института – армии. Поэтому они не желали возрождения Российской империи. По крайней мере в том виде, в каком она была в канун 1917 г. Еще большее отторжение у профессиональных военных в Красной армии и в белых армиях вызывала демократическая форма правления, прочно ассоциировавшаяся с керенщиной. Недаром в те времена некоторые русские офицеры говорили: «Пусть лучше будут у власти большевики, чем керенщина».

Сама мотивация могла меняться в зависимости от военно-политической обстановки. Да еще с поправкой на регион. То есть в период наступления белых армий количество служивших в РККА военспецов, потенциальных союзников белых, могло возрасти. В то время, когда обозначался перелом в пользу красных, их число неизбежно снижалось.

Но главная интрига исследования А.В. Ганина – это события ранней осени 1919 г., когда ударная армейская группировка Южного фронта красных подверглась разгрому белыми, а также роль в этих событиях ее начальника Селивачева. Здесь может быть рассмотрено несколько версий. Но для полноты картины надо вспомнить, на фоне каких военно-политических событий происходила эта военная операция.

По времени это совпало с арестами военспецов, служивших в штабе Тульского укрепрайона.

В сентябре 1919 г. органы ЧК в Туле ликвидировали несколько контрреволюционных заговоров. Были разоблачены контрреволюционные группы среди военных работников в системе всеобуча и «шпионский центр» в Тульском отделении военконтроля. Были арестованы генерал В. Мезеус, полковник Степов (Степанов?), офицер Доссе⁸.

Еще раньше, в первых числах августа 1919 г., на сторону белых казаков перешла красная пехотная дивизия южнее Тулы. Она была сформирована из туляков. Из нее позднее была образована Тульская пешая бригада в составе Донской армии ВСЮР.

Допустим, что переход на сторону белых тульской дивизии, аресты военспецов Тульского укрепрайона и разгром группы Селивачева – случайные совпадения. Но эти малоизученные эпизоды Гражданской войны на Юге России еще ждут своих исследователей.

Также неизвестны и вряд ли станут когда-нибудь известны подлинно обстоятельства ухода из жизни бывшего генерала. Если Селивачев действительно решил уйти из жизни, то как это могло произойти? Ведь он был верующим православным христианином. Согласно христианскому вероучению, самоубийство есть тяжкий грех. Бог дал жизнь христианину, и только Бог может его жизни лишить. Самоубийство означает, что человек отвергает сей Божий дар. Правда, в 1919 г. первоиерархи РПЦ, служившие на территориях Белого юга России, сделали разъяснение. А именно: если белый воин оказался в безвыходной ситуации и ему грозит мучительная смерть от рук захвативших его в плен красных, то в такой ситуации самоубийство будет не добровольным отказом от жизни, дарованной Богом, а смертью за веру. В подтверждение своих слов архипастыри приводили примеры из житий первых христиан, оказавшихся в безвыходной ситуации и наложивших на себя руки.

Поэтому нельзя исключить версию о том, что Селивачев решил в безвыходной ситуации уйти из жизни, так как за разгром вверенной ему армейской группировки большевикам понадобится козел отпущения, а бывший царский генерал идеально подходил для этой роли. Возможно, были и еще какие-то обстоятельства, о которых мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Плюс к тому генерал был традиционалистом, и даже на смертном одре его не могла покинуть мысль о семье: если он уйдет из жизни на боевом посту в рядах РККА, его семья будет не только спасена от репрессий, но и может рассчитывать на помощь со стороны советских властей.

После захвата власти большевиками генерал А.П. Николаев сам предложил свои услуги новой власти. Он был принят на службу в

Красную армию. Весной 1919 г. штаб его бригады был разгромлен белыми. Николаев, уже комбриг РККА, был взят в плен. Не раскаялся. Был судим и повешен в Ямбурге по приговору военно-полевого суда именно как член преступного сообщества. Вдова бывшего генерала Николаева обратилась за помощью к советским властям в красном Петрограде и помощь от них получила.

Следует также отметить, что подавляющее большинство военспецов, работавших вместе с Селивачевым на Южном фронте, за исключением тех, которые перебежали к белым, в последующие годы подверглись репрессиям и мало кто из них умер своей смертью. Следовательно, бывший генерал в условиях советской действительности был обречен.

Так или иначе, книга А.В. Ганина может послужить стимулом для коллег-историков, занимающихся изучением истории Гражданской войны в России, ибо требуют дальнейших разработок не только биографии военспецов, но и такие сюжеты, как мотивация поступков «бывших» и реализация выбора той или иной стороны. И исследовательский, и читательский интерес не может не вызвать судьба того или иного человека на широком историческом фоне.

Примечания

- ¹ *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республике Советов: 1917–1920 гг. М., 1988.
- ² *Хлестов О.* Сохранивший верность России // Ганин А.В. Последние дни генерала Селивачева: Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М., 2012. С. 5.
- ³ *Ганин А.В.* Указ. соч. С. 115.
- ⁴ См.: *Сергеевский Б.Н.* Пережитое, 1914. М., 2009; *Ларионов Я.М.* Записки участника Мировой войны: 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русских армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны (составлены по дневнику и полевым документам). М., 2009.
- ⁵ *Ганин А.В.* Указ. соч. С. 127.
- ⁶ Там же. С. 183.
- ⁷ *Волков С.В.* На углях великого пожара. М., 1990. С. 59.
- ⁸ *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Памятники Гражданской войны в РФ // Посев. 2011. № 12. С. 17.

А.В. Серегин

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлен анализ современной российской историографии антибольшевистской военной эмиграции «первой волны» 1920–1930-х гг. Именно в этот период, как считают большинство историков, военная эмиграция представляла собой реальную боевую силу и была способна выступить в качестве организатора антибольшевистского фронта. Особое внимание уделено статьям, опубликованным в журнале «Новый исторический вестник», на страницах которого отражены острые дискуссии по проблеме деятельности военных союзов эмиграции, представлены различные научные концепции и точки зрения в их столкновении и взаимодействии.

Ключевые слова: русская эмиграция, военная эмиграция, антибольшевизм, Русский общевоинский союз (РОВС), П.Н. Врангель, «Новый исторический вестник», историография.

Проблема развития отечественной историографии по тематике русской военной эмиграции имеет непростую судьбу.

В советский период и речи не могло быть не только о положительных, но и просто нейтральных оценках организаций белой, антибольшевистской эмиграции, особенно ее военной составляющей – Русского общевоинского союза (РОВС) и входящих в него военных объединений. Преобладало сплошное очернение, без убедительных на то оснований отмечалось и утверждалось исключительное стремление военной эмиграции, как и политически активного слоя эмиграции в целом, к «буржуазному», «дворянскому» или «монархическому» реставраторству. Структурирование эмиграции или отсутствовало, или проводилось под сильнейшим идеологическим давлением. Так, Г.З. Иоффе в монографии «Крах российской монархической контрреволюции» выдвинул тезис об идеологии белого «непредрешенчества» как маскировки

«монархизма» и «белогвардейско-монархического» террора¹. В исследовании Г.Ф. Барихновского «Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции» деятельность П.Н. Врангеля в эмиграции рассматривается исключительно в «монархическом» ключе, а «врангелевцы» выступают как ядро монархического реставраторства². В работе Ю.В. Мухачева «Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР» вся русская эмиграция определена как «Белая» и идеологически «монархическая»³.

Период перестройки и гласности в СССР, ослабление идеологического диктата КПСС и «либерализация» цензуры отразились и на изучении и освещении истории антибольшевистской военной эмиграции. Стали возможны более взвешенный подход и более объективные оценки. Более того, тогда же сразу зародилась и апологетика военной эмиграции, для начала – частичная. С другой стороны, в обсуждение вступили политики и публицисты, что отразилось и на качестве, и на научном уровне, и на характере аргументации. Знаковым событием в этот период стал выход монографии Л.К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции», в которой он впервые разделил позиции лидеров монархической и белой, военной, эмиграции, даже выявив политический и организационный конфликт между ними⁴.

«Ревизия» марксистско-ленинских взглядов, начатая Л.К. Шкаренковым, была подхвачена Г.З. Иоффе. Так, в монографии «Великий Октябрь и эпилог царизма» он определенно отмечал начало разрыва между белыми «непредрешенцами» и твердыми монархистами уже в период Гражданской войны в России⁵. В постсоветской монографии «Революция и судьба Романовых» Г.З. Иоффе полностью снял с Белого движения в России и эмиграции клеймо монархического реставраторства⁶.

Для условий, в которых развивалась постсоветская историография, характерны полное снятие цензурных запретов и утверждение плюрализма подходов и оценок. В 1990–2000-х гг. в России была переиздана обширная мемуарная литература участников Белого движения, ставших эмигрантами, были написаны и защищены диссертации, были опубликованы сборники документов и многочисленные исследования, в которых поднимаются различные аспекты развития военной эмиграции «первой волны».

Из отечественных переизданий мемуарной литературы самым заметным стал выход в свет серии «Белое дело: Избранные произведения», которую с 1992 г. начало выпускать издательство «Голос», задумав ее в 16 книгах. Выход книг серии вызвал боль-

шой интерес не только историков, но и массовой читательской аудитории; была организована всероссийская подписка. Особым достоинством этого издания явились подробные комментарии, написанные составителем и научным редактором серии С.В. Карпенко⁷. Издательство «Голос» до 1996 г. выпустило лишь восемь книг. Еще шесть книг в начале 2000-х гг. выпустило издательство РГГУ и среди них – две книги, в которых собраны воспоминания военнослужащих армий генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля об эвакуации из Крыма и первом, турецком, периоде жизни на чужбине⁸.

В те же самые годы серьезный прорыв в вопросе публикации архивных документов был совершен выходом в свет сборника «Политическая история русской эмиграции», целый раздел которого посвящен РОВС⁹. Однако наиболее объемной и значимой публикацией архивных документов (из фондов Государственного архива Российской Федерации, архивов ФСБ и СВР), безусловно, является многотомный сборник по истории военной эмиграции «Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы», который выходит с 1998 г. по настоящее время¹⁰. Серьезную помощь исследователям оказали выпущенные творческим коллективом ГА РФ новые «Путеводители»¹¹ по фондам Русского заграничного исторического архива в Праге («Пражский архив»), в которых сдержится большое количество документов военных организаций и военных деятелей эмиграции.

Постсоветский период можно назвать «золотым веком» диссертационных работ по истории военной эмиграции, немалая часть которых была написана и защищена в РГГУ. Пионером работ по теме стал В.Ф. Ершов¹². В фундаментальные исследования вылились научные труды А.М. Бегидова¹³, И.С. Шинкарук¹⁴, В.Г. Чичерюкина¹⁵, Ю.С. Цурганова¹⁶, М.С. Соловьева¹⁷. На данный момент тема военной эмиграции достаточно полно исследована в диссертациях российских ученых.

Не меньшее значение имеют монографии российских исследователей новейшего периода, немалую долю которых также составили выпускники и преподаватели РГГУ. Безусловно положительную роль в активизации изучения военной эмиграции сыграли созданные творческими коллективами из РГГУ сборник очерков «Русские без Отечества»¹⁸ и учебное пособие «Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения)»¹⁹. В частности, в сборнике «Русские без Отечества» раскрыты спектры жизни (культурный, политический, экономический, социаль-

ный) разных социальных групп русской эмиграции, в том числе и военной²⁰.

Существенный вклад внес российский исследователь С.В. Волков серией собственных монографий²¹ и сборников мемуаров военных эмигрантов, составленных им и изданных под его редакцией, о жизни и деятельности военной эмиграции²².

По-прежнему высоки как научный уровень, так и место в историографии книг и статей по истории военной эмиграции преподавателей РГГУ В.Г. Чичерюкина²³ (о его книге «Дроздовцы после Галлиполи» одобрительно отозвался, в частности, Г.З. Иоффе в рецензии, опубликованной в «Новом историческом вестнике»²⁴) и Ю.С. Цурганова²⁵.

Определенную помощь исследователю может оказать справочник, подготовленный А.В. Огороковым²⁶, в котором представлена краткая, но не всегда систематизированная и достоверная информация об эмигрантских организациях, в том числе по военной эмиграции.

Особняком в отечественной историографии стоит дискуссия, возникающая относительно исследований В.Ф. Ершова.

Речь идет об изданной в 2000 г. совместной монографии В.Ф. Ершова и Ю.П. Свириденко «Белый террор?...»²⁷, в которой деятельность военной эмиграции оценивается в рамках модного современного российского политического тренда, связанного с реабилитацией деятельности советских карательных органов по борьбе с любыми представителями «старого режима», в том числе и с военной эмиграцией. В.Ф. Ершов одним из первых уловил изменение политической конъюнктуры в России, включив в исследование наиболее используемые в тот момент символы и понятия – «экстремизм», «террор», «терроризм», «спецслужбы», «операция по ликвидации». Содержание и тон исследования были заданы авторами уже на первых страницах исследования: «К сожалению, терроризм и политический экстремизм оставили яркий и трагический след в нашей истории, а их идейной и организационной базой стала российская белая эмиграция...»²⁸. В связи с этим вполне логичным оказалось обращение к советской историографии²⁹, в которой военная эмиграция представлялась в духе очернения и идеологического порицания. В результате в исследовании появился сильный налет политизированной публицистики, что неизбежно вызывало у образованного и компетентного читателя ощущение искусственного внедрения современной реальности в оценки прошлого.

В том же 2000 г. В.Ф. Ершов выпустил и персональную монографию, которая по основным своим «положениям и выводам» во многом повторила охарактеризованную выше³⁰.

Тезис о «белом экстремизме» и отсутствии у него социальной поддержки в СССР был подтвержден В.Ф. Ершовым и в более поздней, третьей, монографической работе – учебном пособии по спецкурсу³¹, которое, следует признать, выдержано в более объективном духе и содержит более интересный фактический материал. Это неизбежно наводит на мысль о том, что наиболее одиозные пассажи первой монографии были инициативой соавтора В.Ф. Ершова.

В противовес наметившейся публицистичности в исследованиях следует отметить позицию журнала РГГУ «Новый исторический вестник», который практически не подвержен политической конъюнктуре, прочно стоит на позициях научного историзма и объективности. На страницах журнала есть место научной дискуссии и разным точкам зрения.

Журнал «Новый исторический вестник» был основан в 2000 г. выпускниками Историко-архивного института, сотрудниками Российского государственного гуманитарного университета С.С. Ипполитовым и С.В. Карпенко. Первый взял на себя ответственность издателя, второй – обязанности главного редактора.

Задуман «Новый исторический вестник» был как научно-популярный и образовательный журнал по истории России. Центром подготовки номеров, где рецензировались и отбирались для публикации первые поступающие статьи, стала кафедра отечественной истории новейшего времени (ныне – кафедра истории России новейшего времени; заведующий – профессор А.Б. Безбородов) Историко-архивного института РГГУ. Первыми авторами стали ученые и выпускники РГГУ, позже ряды авторов пополнились преподавателями других высших учебных заведений, сотрудниками научно-исследовательских институтов, музеев.

Выходя в первые годы нерегулярно (в 2000 г. – два номера, в 2001 г. – три, в 2002 г. – три), «Новый исторический вестник» тем не менее быстро приобрел известность благодаря интересной, зачастую острой тематике публикуемых материалов, их высокому научному уровню, введению в научный оборот ранее неизвестных архивных документов, хорошему литературному стилю статей и, наконец, умению совместить научно-исследовательские задачи с учебными. Рубрика «В помощь изучающим отечественную историю», в которой печатались лекции преподавателей РГГУ по истории России, а также различные учебно-методические материалы, стала «визитной карточкой» журнала. Опубликованные в ней материалы помогали преподавателям, студентам вузов и абитуриентам.

Оба основателя журнала, издатель и главный редактор, активно исследовали историю антибольшевистской России: С.В. Карпенко – Белое движение на юге России в 1918–1920 гг.³², а отчасти и историю российской военной эмиграции³³, С.С. Ипполитов – антибольшевистскую эмиграцию в Европе в 1920–1930-х гг.³⁴, а отчасти и историю «Белой» России в годы Гражданской войны³⁵. Естественно, это не могло не сказаться на тематике публикуемых в журнале материалов.

Особо отметим второй и третий номера журнала, вышедшие в 2000 и 2001 гг., которые получили единое тематическое название – «Две России». В них впервые была предпринята попытка представить сравнительно-исторические исследования по истории Советской России и российского зарубежья. Среди опубликованных в них статей следует выделить статьи Е.А. Широковой об эмигрантском «Дневнике» генерала А.А. фон Лампе³⁶ и Н.Д. Егорова о противостоянии, противоборстве между разведкой РККА и организациями военной эмиграции³⁷.

Яркой особенностью журнала, еще одной его «визитной карточкой» стала рубрика «Антибольшевистская Россия» – единственная в постсоветской исторической периодике. Впервые она появилась в 2001 г., что имело свою предысторию. Своим появлением она обязана двухлетней (2000–2001 гг.) работе коллектива историков РГГУ под руководством С.В. Карпенко над темой «Электронные ресурсы по российской эмиграции 1920–1940-х годов», поддержанной грантом РГНФ. Для публикации статей, которые впоследствии должны были послужить содержанием диска и сайта «Зарубежная Россия», в журнале и была создана специальная рубрика начиная с № 1 (3) за 2001 г., которая поначалу называлась «Материалы для сайта “Зарубежная Россия”». Уже в первых номерах в этой рубрике появились интересные материалы по истории военной эмиграции – Е.А. Широковой о деятельности А.А. фон Лампе³⁸, С.В. Карпенко о П.Н. Врангеле³⁹ и А.И. Деникине⁴⁰.

Не остался журнал в стороне и от обсуждения монографий В.Ф. Ершова. В номере, где впервые появилась рубрика, названная «Антибольшевистская Россия», появилась и другая – «Книга, достойная обсуждения». В ней и была опубликована подборка рецензий (В.Л. Телицын, В.А. Авдеев, А.Б. Езеев) на монографию «Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг.». Опубликовав ее, редакция организовала, по сути, крайне редкое в исторической периодике событие – заочное обсуждение книги, когда три рецензента по-разному оценили ее достоинства и недостатки. В частности, А.Б. Езеев справедливо отмечал удач-

ное раскрытие В.Ф. Ершовым роли советских спецслужб в вопросе подавления активности военной эмиграции, но при этом остро критиковал автора за чрезмерную активность в навязывании темы экстремизма, в навешивании ярлыка экстремистов на русских военных эмигрантов, а также на слабую источниковую, архивную базу исследования⁴¹. В частности, А.Б. Езеев высказал мысль, которая и по сей день, очевидно, не утратила своей актуальности: «Общее же впечатление от книги состоит в том, что, видимо, рано еще создавать обобщающие труды по истории военной эмиграции: деятельность многих организаций и судьбы многих людей настоятельно нуждаются в дальнейшем изучении и выяснении, многие источники, опубликованные и архивные, используются пока весьма поверхностно и, большей частью, лишь иллюстративно, а то и вовсе не использованы, многие проблемы материального, политического и нравственного порядка требуют глубокого осмысления и переосмысления»⁴². Все три рецензента призывали к научной дискуссии, которая и по сей день ведется на страницах «Нового исторического вестника» на высоком научном уровне.

В заключение хотелось бы отметить, что тема военной эмиграции неисчерпаема и многогранна, в ее раскрытии возможно множество подходов и методов. И чем больше выходит новых работ, тем шире раскрывается горизонт новых направлений исследования этой темы.

Примечания

- ¹ *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 309.
- ² *Барихновский Г.Ф.* Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. Л., 1978. С. 10, 17.
- ³ *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 37.
- ⁴ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 39–40.
- ⁵ *Иоффе Г.З.* Великий Октябрь и эпилог царизма. М., 1987. С. 237.
- ⁶ *Иоффе Г.З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 348.
- ⁷ *Езеев А.Б.* Белое дело // Москва. 1994. № 6. С. 152–153.
- ⁸ См.: Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. Кн. 12: Казачий исход; Кн. 13: Константинополь – Галлиполи / Под ред. С.В. Карпенко. М., 2003.
- ⁹ Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 7–70.

- 10 Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: Документы и материалы. Т. 1, кн. 1: Исход; Т. 1, кн. 2: На чужбине; Т. 2: Несбывшиеся надежды; Т. 3: Возвращение; Т. 4: У истоков «Русского общевоинского союза»; Т. 5: Раскол; Т. 6: Схватка. М., 1998–2013.
- 11 См.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999; Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М., 2004.
- 12 См.: *Ершов В.Ф.* Российская военная эмиграция 1921–1939 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Он же.* Российское военно-политическое зарубежье: 1920–1945 гг.: организация, идеология, экстремизм: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000.
- 13 *Бегидов А.М.* Военно-учебные заведения российской эмиграции в 1920–30-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- 14 *Шинкарук И.С.* Военная периодика российской эмиграции 1920–30-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- 15 *Чичерюкин В.Г.* Русские эмигрантские воинские организации в 1920–1940-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- 16 *Цуганов Ю.С.* Российская военная эмиграция в Европе, 1939–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- 17 *Соловьев М.С.* Деятельность организации великого князя Николая Николаевича, Русского общевоинского союза, Братства русской правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х – начале 1930-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- 18 *Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов.* М., 2000.
- 19 *Пивовар Е.И., Герасимова Н.П., Голотик С.И., Евсеева Е.Н., Ершов В.Ф., Инполитов С.С., Карпенко С.В.* Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М.; Гёттинген, 1994.
- 20 См.: *Дробязко С.И., Ершов В.Ф., Карпенко С.В.* Офицеры и командующие // Русские без Отечества. С. 72–171; *Дробязко С.И., Карпенко С.В.* Казаки и атаманы // Там же. С. 172–261; *Карпенко С.В., Робкова Е.Б.* Диверсанты и террористы // Там же. С. 432–487.
- 21 См.: *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства: Офицерский корпус России в революции, Гражданской войне и на чужбине. М., 2002; *Он же.* Русская военная эмиграция. М., 2008.
- 22 См.: Исход Русской армии генерала Врангеля из Крыма. М., 2003; Русская армия в изгнании. М., 2003; Русская армия на чужбине: Галлиполийская эпопея. М., 2003; Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005; Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005.
- 23 См.: *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002; *Он же.* Манштейн Владимир Владимирович (1894–1928) // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 185–188.

- ²⁴ *Иоффе Г.З.* [Рец.] *Чичерюкин-Мейнгардт В.Г.* Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002 // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 233–234.
- ²⁵ См.: *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001; *Он же.* Белоэмигранты и Вторая мировая война: попытка реванша, 1939–1945. М., 2010.
- ²⁶ *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации, 1920–1990 гг. М., 2003.
- ²⁷ *Ершов В.Ф., Свириденко Ю.П.* Белый террор?: Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000.
- ²⁸ Там же. С. 4.
- ²⁹ См.: *Кичкасов Н.* Белогвардейский террор против СССР. М., 1928; *Исаев И.А.* О политической идеологии праворадикальных группировок в русской эмиграции 20–30-х гг. // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982.
- ³⁰ *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000.
- ³¹ *Ершов В.Ф.* Российская военно-политическая эмиграция в 1920–1945 гг. М., 2003. С. 23.
- ³² См.: *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). 3-е изд. М., 2006; *Он же.* Белые генералы и красная смута. М., 2009.
- ³³ См.: *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов (численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 75–85; *Карпенко С.В.* Судьба «Записок» генерала Врангеля // Новый Журнал (Нью-Йорк). 1997. № 207. С. 213–232; *Он же.* Врангель и эмиграция в 1920 г. // Российское зарубежье: итоги и перспективы изучения. М., 1997. С. 7–9.
- ³⁴ См.: *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания: Константинополь. Берлин. Париж: Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. М., 1999; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М., 2004.
- ³⁵ См.: *Ипполитов С.С.* Деятельность благотворительных организаций в белом тылу и в эмиграции в 1918–1922 гг. // Российское зарубежье. С. 31–32; *Ипполитов С.С., Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста (1917–30-е гг.) // Очерки антибольшевистской эмиграции 1920–1940-х гг. Вып. 4. М., 2002. С. 127–141; *Ипполитов С.С.* Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 56–68; *Ипполитов С.С., Минаев В.В.* «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты // Там же. № 3 (37). С. 27–45.
- ³⁶ *Широкова Е.А.* Генерал А.А. фон Лампе и его дневник: взгляд на военную эмиграцию // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 70–81.

- ³⁷ *Егоров Н.Д.* Разведка Красной армии против белой эмиграции // Там же. 2001. № 1 (3). С. 12–38.
- ³⁸ *Широкова Е.А.* Фон Лампе Алексей Александрович (1885–1967) // Там же. С. 186–189.
- ³⁹ *Карпенко С.В.* Врангель Петр Николаевич (1878–1928) // Там же. С. 219–231.
- ⁴⁰ *Карпенко С.В.* Деникин Антон Иванович (1872–1947) // Там же. 2002. № 1 (6). С. 91–106.
- ⁴¹ См.: *Телицын В.Л.* [Рец.], *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000 // Там же. № 2 (7). С. 262; *Авдеев В.А.* [Рец.], *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000 // Там же. С. 262–263; *Езеев А.Б.* [Рец.], *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000 // Там же. С. 263–265.
- ⁴² *Езеев А.Б.* [Рец.], *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000.

ИСТОРИКИ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1920–1940-е гг.: ПАТРОНЫ И КЛИЕНТЫ

Впервые в отечественной историографии на основе широкого круга источников разбирается феномен отношений «патрон–клиент» и их проявление в советской исторической науке. Показываются конкретные примеры отношений «патрон–клиент», специфика этих отношений в советском обществе, их влияние на сообщество профессиональных историков, на развитие исторической науки.

Ключевые слова: советская власть, партия большевиков, историческая наука, научная дискуссия, историография, В.И. Ленин, В.М. Молотов, И.В. Сталин, А.И. Яковлев, И.И. Минц, Е.В. Тарле.

Советская историческая наука являлась частью советского общества и культуры. Одним из явлений, получивших в то время широкое распространение, стали отношения «патрон–клиент». В особенности это касалось мира ученых и работников свободных профессий. Крупные партийные деятели оказывали им поддержку, покровительствовали и помогали в трудную минуту. Феномен патроната возникает в условиях, когда другие социальные механизмы (юридические, бюрократические, политические и т. д.) работают неэффективно либо в одностороннем порядке, защищая интересы только государства и правящей элиты. Стоит отметить, что и в Российской империи такие отношения были не менее широко распространены. Ведущим деятелям искусства и культуры нередко покровительствовали сами члены императорской фамилии, да и не только они.

К сожалению, специальных работ, посвященных клиентелистским/патронажным отношениям в советском обществе, до сих пор

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

© Тихонов В.В., 2014

немного¹. В частности, данной проблемы в общих чертах касалась Ш. Фицпатрик. По ее наблюдениям, «среди советской элиты патронажные отношения встречались на каждом шагу»². Покровительство того или иного крупного чиновника над деятелем науки или культуры было взаимовыгодным: один получал опору во властных структурах, другой – неформальную, но не менее приятную славу мецената. В качестве покровителей людей творческих профессий выступали многие представители советской элиты. Достаточно вспомнить имена В.И. Ленина, А.В. Луначарского, И.В. Сталина, С.М. Кирова, Н.К. Крупской, М.И. Калинина. Как показали исследования, активно в роли патрона выступал и В.М. Молотов³.

Часто представители интеллектуальной элиты выступали в роли просителей перед перечисленными выше партийными деятелями. Ш. Фицпатрик разделяет просьбы клиентов на три категории: «1) о каких-либо благах и услугах; 2) о защите; 3) о вмешательстве в профессиональные споры»⁴. В системе отношений «патрон–клиент» складывалась и собственная иерархия. Так, можно выделить патронов высшего уровня, к которым относились ведущие партийные и государственные деятели, и патронов среднего уровня – чиновников и общественных деятелей рангом ниже. «Патроны среднего уровня сами являлись клиентами, чья эффективность как патронов часто зависела от доступа к их собственным патронам наверху»⁵. В анализе взаимоотношений клиента и патрона важно учитывать и то, что статус самого патрона был не всегда устойчив: он мог подняться по служебной лестнице, а мог и потерять все влияние.

Очевидно, что специфические социальные отношения, сложившиеся в 1920–1940-е гг., пронизывали и среду профессиональных историков вне зависимости от их квалификации, статуса и отношения к власти. Конечно же, историки не являлись самыми желанными объектами для патронирования: деятели искусства были куда более популярны. Но и среди историков это явление наблюдалось. Изучать феномен патроната крайне сложно, поскольку отношения носили неформальный характер и, как правило, не афишировались. Тем не менее известны некоторые случаи.

Так, историк Алексей Иванович Яковлев (1878–1951), ученик В.О. Ключевского, крупный специалист по русской истории XVI–XVII вв., выходец из семьи известного чувашского просветителя И.Я. Яковлева, был хорошо знаком с В.И. Лениным и его братом Д.И. Ульяновым еще по симбирской гимназии. После прихода большевиков к власти он получил неофициальный статус «находящегося под покровительством Ленина»⁶. Пользуясь сво-

им положением, он многое сделал для помощи своим коллегам в годы Гражданской войны. Так, после ареста некоторых служащих Румянцевского музея, где тогда работал А.И. Яковлев, только его личное ходатайство к Ленину помогло их освободить. Вот как этот случай описывает другой историк, Ю.В. Готье: «Вчера были, между прочим, арестованы кадеты, собравшиеся в кадетском клубе: в том числе З.Н. Бочкарева и Юрьев, служащие в нашей Румянцевской библиотеке. Сегодня Яковлев был у Ленина для их освобождения и, кажется, добился успеха. Характерен разговор, который, как передал Яковлев, произошел между ними. Ленин: “Мы арестовали людей, которые будут нас вешать”. Яковлев: “Не эти, а другие будут вас вешать”. Ленин: “Кто же?”. Яковлев: “Это я вам скажу, когда будете висеть”»⁷.

Он неоднократно решал вопросы материального снабжения Румянцевского музея⁸, помогал различным деятелям культуры. В частности, ему обязаны философ И.А. Ильин, которого благодаря настойчивым просьбам А.И. Яковлева выпустили из ЧК, а также друг – историк С.В. Бахрушин, освобожденный после личного ходатайства А.И. Яковлева перед В.И. Лениным⁹. Приходилось искать защиты и для собственного отца, который сталкивался с неприятностями в Симбирске¹⁰.

О.М. Медушевская вспоминала, что в научной среде ходило своеобразное предание об одном разговоре В.И. Ленина и А.И. Яковлева. Якобы В.И. Ленин спросил у историка, к какой партии он принадлежит. Тот ответил, что ни к какой, но ближе всего ему идеи партии кадетов. «Какая жалость, – сказал Ленин, – я-то думал, что вы хотя бы социал-революционер!»

А.И. Яковлеву покровительствовал не только Ленин. В.М. Молотов помог А.И. Яковлеву с публикацией его монографии «Холопство и холопы в Московском государстве XVI–XVII вв.». Об этом сообщил сам ученый на совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г., где его ругали в том числе и за эту книгу: «Книга была представлена в Институт истории в готовом виде в конце 1934 года [ошибка: Институт истории СССР был создан в 1936 г. – В. Т.], как раз когда начались обвинения против Института истории, что он не дает исследовательских работ. Книга пролежала без всякого движения полностью 1939, 1940 год, причем рецензенты, которых Институт фактически по своему усмотрению выбирал, они высказались за напечатание этой книги. Рецензентами являлись академик Готье и академик Веселовский [ошибка: С.Б. Веселовский стал академиком в 1946 г. – В. Т.]. Два года пролежала эта работа в шкафу. Когда начался третий год и я увидел, что она пролежит 3 и 4 года,

я написал Вячеславу Михайловичу Молотову письмо. Он просил прислать текст книги. Я текст этой книги послал. Кто читал книгу, я не знаю, но они решили напечатать ее в 1941 году. Когда книга получила апробацию столь высокого источника, она была немедленно отправлена в набор, пройдя соответствующую рецензию при наборе»¹¹. Очевидно, что выступавший не только сообщил присутствовавшим о предыстории появления его труда, но и недвусмысленно намекнул на особое покровительство высокого патрона.

А.И. Яковлев, как это уже было видно, пользуясь своими связями с властью имущими, сам нередко играл роль покровителя и помощника. Причем, учитывая время, в котором социальные роли резко менялись, приходилось покровительствовать и тем, кто еще недавно сами являлись его учителями в науке и могли оказать покровительство. Так, именно Яковлев, пользуясь своими связями, хлопотал за то, чтобы его учителю, академику М.К. Любавскому, находившемуся после «Академического дела» в ссылке в Уфе, разрешили вернуться в Москву¹². Но все хлопоты оказались тщетными.

Широко известно, что покровителем академика Евгения Викторовича Тарле (1875–1955) выступал сам И.В. Сталин. Это придавало ученому особый вес в глазах общественности. Историк, прошедший через «Академическое дело», ссылку и травлю в печати, дорожил таким покровительством, платя ему блистательными работами, игравшими не последнюю роль в формировании нужной идеологии. Среди историков ходили злые слухи о том, что якобы Тарле говорил: «Сказали бы, что танцевать»¹³.

Впрочем, не стоит забывать, что нередко «вождь народов» играл со своим «придворным историком» в жестокие игры. Так, в 1951 г. в журнале «Большевик» была опубликована статья директора Бородинского музея С.И. Кожухова, в которой он утверждал, что Е.В. Тарле принижает роль Кутузова в Отечественной войне 1812 г. Е.В. Тарле написал Сталину письмо с просьбой посодействовать публикации ответа на обвинения. Сталин помог. В «Большевике» был опубликован ответ, но в редакционной заметке указывалось, что в дальнейшем историк исправит допущенные ошибки. Вероятнее всего, вся эта история была инициирована самим Сталиным¹⁴.

Сталин покровительствовал и старейшему историку России Роберту Юрьевичу Випперу (1858–1954). По наблюдениям Б.С. Илизарова, Виппер был самым любимым историком вождя¹⁵. В особенности ему импонировала его монография «Иван Грозный», вышедшая в 1922 г. В ней Грозный был показан великим правителем, который возглавлял крупнейшую державу своего времени. После прихода большевиков к власти историк эмигриро-

вал в Латвию. После ее присоединения к СССР, по свидетельству историографа Б.Г. Сафронова, лично знавшего знаменитого историка, к Випперу была выслана делегация во главе с Е.М. Ярославским: «В Россию он вернулся, получив гарантию, что его не тронут за нападки на Советскую власть»¹⁶. Ученому было сообщено, что Сталин восхищается его книгой, и ему были обещаны всяческие блага. В 1943 г. его избрали академиком АН СССР. Его старые монографии об Иване Грозном были немедленно переизданы в переработанном виде, послужив основой для переосмысления роли царя в русской истории. Официальная кампания по «реабилитации» Ивана Грозного началась как раз с переездом Виппера в СССР, и это не случайность¹⁷.

С феноменом патроната мы имеем дело и в случае с противоборством между Б.Д. Грековым и сторонниками концепции рабоче-владельческого характера социально-экономического строя в Древней Руси¹⁸. В исторической науке против всеильного Б.Д. Грекова открыто выступать не решались, поскольку академик мог повлиять на судьбу любого историка, в особенности сотрудника академических институтов исторического профиля, поэтому такая оппозиционная группа возникла среди историков-юристов. В нее входили Серафим Владимирович Юшков (1888–1952), Борис Иванович Сыромятников (1874–1947) и Серафим Александрович Покровский (1905–?), работавшие в Институте государства и права АН СССР. Чувствовать себя в полной безопасности им позволяло то, что институт возглавлял А.Я. Вышинский, который, очевидно, мог защитить их от влиятельного противника (на это намекала еще Н.А. Горская¹⁹).

Нельзя, правда, сказать, что все трое отличались повышенной научной принципиальностью и человеческим благородством. Юшков, автор оригинальных исследований в области истории Древнерусского государства и права, имел тяжелый и склочный характер. Историк Е.Н. Кушева так охарактеризовала его: «В общем он был неудачником, и это очень отразилось на его характере (или неудачи были связаны с его характером)»²⁰.

Юрист С.А. Покровский в свое время прославился тем, что в 1927 г. Сталин написал гневную отповедь в его адрес, назвав «нахальным невеждой»²¹. Все же, несмотря на арест в 1934 г., он к концу 1930-х гг. стал довольно заметной и даже скандальной фигурой в среде, связанной с исторической наукой. Былые прегрешения заставляли постоянно демонстрировать повышенную идейную бдительность. А.А. Зимин называет его в своих воспоминаниях «гангстером пера» и «подонком»²². Его неоднократно обвиняли в доносите²³.

Б.И. Сыромятников, историк-юрист с дореволюционным стажем, активный участник либерально-просветительского движения начала XX в., после революции нередко шел на компромиссы с властью, приспособлялся²⁴.

Именно они некоторое время играли роль единственного оппозиционного центра Грекову и его концепции. Греков также всеми силами стремился дискредитировать ненавистных ему «рабовладельцев». Даже после смерти Б.И. Сыромятникова (ум. в 1947 г.) в годы борьбы с космополитизмом (1949–1950 гг.) он обвинял историка-юриста в непатриотической позиции, дискредитируя тем самым его концепцию²⁵.

Примером сложных отношений патронажа является и случай с известным историком и социологом Б.Ф. Поршневым. Стоит предварительно сказать, что у Поршнева сложились крайне тяжелые отношения со многими представителями сообщества советских медиевистов. Произошло это по разным причинам. Одни не могли ему простить чрезмерного увлечения абстрактными теориями и пренебрежительного отношения к коллегам, которых он называл «крохоборами»²⁶, другие видели в нем конкурента в борьбе за лидерство²⁷. В 1950 г. за книгу «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» (М.; Л., 1948) ему присудили Сталинскую премию 3-й степени. Учитывая, что медиевисты и специалисты по раннему Новому времени получали Сталинские премии крайне редко, это позволяло ему претендовать на особое положение в их среде. Одно время он даже заведовал сектором Новой истории Института истории АН СССР, при этом будучи специалистом по более раннему периоду. Очевидно, из-за амбиций он вступил в конфликт с секретарем партийной организации Института истории Н.А. Сидоровой, женщиной крайне властолюбивой²⁸. По каким-то причинам не сложились у него отношения и с заместителем директора, антиковедом С.Л. Утченко. Против Поршнева организовывались постоянные внутриинститутские кампании, его обвинили в том, что он развалил работу вверенного ему сектора²⁹. 10 января 1952 г. комиссия, возглавляемая старым большевиком А.П. Кучкиным, вынесла свой вердикт: «Освободить Б.Ф. Поршнева от заведывания сектором, как явно не справившегося со своими обязанностями»³⁰. Ему предложили уйти из института по собственному желанию. Он даже подал заявление об уходе в связи с переутомлением. И именно тут Поршневу постарался ввести в игру имеющиеся у него связи, точнее пригрозил возможностью их использования.

Подробности неординарного события в жизни института можно обнаружить в письме С.Л. Утченко, написанном на имя влия-

тельного А.М. Митина, занимавшего тогда пост заведующего сектором Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б). В нем он утверждал, что Поршневу, явившись к нему, заявил, что он передумал уходить из института и хотел бы включить в его план работы свою монографию, посвященную Тридцатилетней войне³¹. Естественно, Утченко сослался на работу комиссии, которая проверяла сектор Поршнева, заявив, что без ее выводов он решать вопрос не может. Очевидно, что заместитель директора лукавил. Комиссия уже дала негативное заключение, так что итог был ему заранее известен. Далее события развивались следующим образом: «После этого Б.Ф. Поршневу вышел, но через несколько минут вернулся и в присутствии сотрудника т. Тифлисовой А.Д., которая в это время находилась в комнате, заявил: “Очевидно следует сказать все до конца. Советую Вам еще раз подумать над предложением, т. к. оно исходит от Александра Максимовича Митина”»³².

Итак, Поршневу попытка задействовать своего патрона, точнее его авторитетное имя. Теперь нельзя однозначно сказать, был ли это блеф или действительно Митин покровительствовал историку. Тем не менее Утченко принял единственно верное решение в данной ситуации. Уже на следующий день он послал письмо самому Митину с изложением сути дела. В нем он сознательно напирает на то, что Поршневу распространяет «нелепые слухи» о своих особых отношениях с Митиным. Кроме того, «обращаю Ваше внимание на то, что эти методы шантажа и мистификации со ссылками на мнение ответственных работников ЦК ВКП(б) являются определенной системой поведения Поршнева»³³. Так, по словам Утченко, Поршневу повел себя неправильно, заявив на открытом партийном собрании, что против него идет спланированная травля. «Это выступление вызвало единодушное возмущение коммунистов и беспартийных. Тем не менее, лично мне Поршневу говорил, что это его выступление было “психологически подготовлено” беседой с Ю.А. Ждановым [сын А.А. Жданова; в 1950–1952 гг. занимал ответственные посты в системе Агитпропа ЦК КПСС. – В. Т.]...»³⁴, – сообщает автор письма. В заключение письма Утченко резко осудил Поршнева, давая понять высокопоставленному адресату, что эта фигура крайне нежелательна в институте: «Б.Ф. Поршневу, как человек сильно скомпрометированный, – а он скомпрометирован и как научный работник, и как руководитель сектора, – делает попытку спасти свою репутацию и потому с одной стороны стремится любой ценой очернить и оклеветать Институт и отдельных его работников, а с другой стороны пытается мистифицировать общественное мнение в самом

Институте безответственными ссылками на высказывания работников Отдела науки ЦК ВКП(б)»³⁵.

Серьезный конфликт был решен на самом верху. В служебной записке, направленной Г.М. Маленкову и составленной сотрудниками Агитпропа А.М. Митиным, Г. Кавериним и М.Д. Яковлевым, указывалось, что решение о снятии Поршнева с должности заведующего сектором является в целом верным, но при этом его оставили в должности старшего научного сотрудника³⁶.

История Б.Ф. Поршнева – это яркий пример не только существования феномена патроната, но и механизмов его функционирования. Возникает естественный вопрос: были ли заявления Поршнева блефом или действительно он пользовался реальным покровительством? Думается, что заявления Поршнева были правдивы. Об этом свидетельствует и то, что в конце концов он все же был оставлен в институте, т. е. был найден определенный компромисс, а он вышел из истории с меньшими потерями, чем мог. Но почему же тогда Митин не защитил своего протеже? Дело в том, что Поршнев нарушил главное требование отношений «патрон–клиент»: он публично хвастался своими особыми связями, тем самым подставляя своего покровителя под удар, поскольку тот должен был в силу положения оставаться над схваткой и не иметь личных симпатий. Поршневу следовало бы напрямую обратиться к своему патрону, тогда скорее всего решение дела было бы значительно проще.

Выше уже говорилось, что «патрон–клиентские» отношения выстраивали иерархию патронов и клиентов. До этого описывались взаимоотношения историков с представителями высших эшелонов власти, теперь рассмотрим случаи патронирования внутри самого сообщества профессиональных историков.

Наиболее ярким примером является И.И. Минц (1896–1991). Исаак Израильевич имел тесные связи с верхушкой большевистской партии. Такие отношения возникли не на пустом месте. Еще в годы Гражданской войны он служил в коннице Буденного, дружил с Ворошиловым, был знаком с Горьким. В мирное время такие связи очень помогали. Идеологам он был нужен для научно обоснования верной интерпретации советской истории. Минц внимательно следил за конъюнктурой и нередко предчувствовал ее повороты. Академик Ю.А. Поляков охарактеризовал его следующим образом: «Минц больше чем кто-либо другой выражал веяния эпохи, всегда следуя линии Коммунистической партии и успешно поворачиваясь в соответствии с ее поворотами»³⁷. Будучи с 1931 г. ответственным секретарем Главной редакции «Истории Гражданской войны в СССР», он часто встречался со Стали-

ным. В 1942 и 1945 гг. Минц был удостоен Сталинской премии, в 1946 г. стал академиком АН СССР.

К 1940-м гг. И.И. Минц занимал практически монопольное положение в изучении истории советского общества. Он возглавлял наиболее крупные исследовательские проекты, авторские коллективы учебных пособий, заведовал кафедрами сразу в нескольких ведущих образовательных учреждениях. Его ученики (среди них наиболее заметную роль играли Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина, И.М. Разгон) вели занятия по истории советского периода во всех престижных вузах Советского Союза. Сложилась своеобразная пирамида, на вершине которой находился Минц, ставивший на все ключевые места своих учеников и близких сотрудников.

Очевидно, что в случае с Минцем мы имеем дело с выстроенной лестницей «патрон-клиентских» отношений. Сам Минц имел покровителей в верхушке партии, в свою очередь, он создавал систему зависимых от него людей и своих учеников в важнейшей для того времени области исторических исследований – истории советского общества.

Но фигура Минца – это еще и наглядный пример того, что патрон мог в любой момент оказаться в немилости, и тогда вся система рушилась. В годы борьбы против «буржуазного объективизма» и «безродного космополитизма» историк, в том числе и как представитель еврейской национальности, оказался под ударом, лишился ключевых постов и на некоторое время вынужден был уйти в тень. Кстати, разгром «группы Минца» возглавил историк А.Л. Сидоров, который также сформировал вокруг себя группу зависимых от него «клиентов»³⁸. Во время погромных собраний 1949 г. он обвинял Минца в том числе и в том, что тот сплотил вокруг себя группу единомышленников и учеников, которые монополизировали изучение и преподавание советской истории, превратив своего учителя в «непогрешимый авторитет в вопросах советской истории». «Результатом такой активности, – утверждал А.Л. Сидоров, – была полная бездеятельность в многочисленных учреждениях и бесплодие в научной работе...»³⁹. Впрочем, спустя годы Минц постепенно начал возвращать утраченные позиции. И вновь не обошлось без связей и патроната: «Все 1950-е годы Минц лишь поднимался с колен... Но шаг за шагом, используя связи с П.Н. Поспеловым, Б.Н. Пономаревым, М.Б. Митиным, Г.Ф. Александровым... контакты с министрами и другими видными партийными и государственными чиновниками, Минц начал выходить из опалы»⁴⁰.

Стоит отметить, что в данном случае примеры можно множить: практически вокруг каждого крупного ученого складывалась си-

стема патронажных взаимосвязей. Кто-то ее формировал целенаправленно, где-то она возникала естественным путем. Таким образом, отношения «патрон – клиент» имели место и в среде советских историков середины XX в., являясь частью взаимоотношений номенклатуры и интеллигенции. Широко такие отношения были распространены в национальных республиках, где местные партийные функционеры тесно были связаны с интеллектуальной элитой. Например, покровителем известного казахского историка Е.Б. Бекмаханова являлся первый секретарь ЦК ВКП(б) Казахстана М. Абдыкалыков⁴¹.

В случаях с историками необходимо учитывать и еще одно явление. Дело в том, что историческая наука признавалась важнейшим участком идеологического фронта, а выпускники исторических факультетов часто оказывались на партийной работе. Их охотно использовали в учреждениях, ответственных за идеологию. Часто карьерная траектория менялась и партфункционеры возвращались в науку. Но связи оставались. Поэтому в случае с историками (думаю, мы вправе распространять это наблюдение на все гуманитарные и общественные дисциплины) можно наблюдать феномен «сращивания» профессионального сообщества и партийной элиты. Это явление требует специального изучения и осмысления.

Примечания

- ¹ См.: *Rigby T.H.* Political Elites in the USSR: Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot, 1990; *Gill G.* The origins of the Stalinist Political System. Cambridge, 1990. P. 315–316; *Kaplan V.* Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival // *Revolutionary Russia*. Vol. 26. 2013. №. 2. P. 97–127.
- ² См.: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 210; *Она же.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2008. С. 134.
- ³ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 215.
- ⁴ Там же. С. 217.
- ⁵ Там же. С. 227.
- ⁶ *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 217–220.
- ⁷ *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 158.
- ⁸ *Коваль Л.М.* Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 231.
- ⁹ *Александров Г.А.* Алексей Иванович Яковлев – историк, археограф, педагог // *Вопросы истории*. 2003. № 8. С. 154.

- ¹⁰ Александров Г.А. Жизнь и деятельность И.Я. Яковлева в документах архивов и библиотек: 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 66–70.
- ¹¹ Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 381–382.
- ¹² Последние годы жизни академика М.К. Любавского: письма М.К. Любавского А.И. Яковлеву // История и историки: историографический вестник. 2008. М., 2010. С. 391–404.
- ¹³ Генелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2006. С. 15.
- ¹⁴ См.: Троицкий Н.А. Евгений Викторович Тарле // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 535–536; Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 330–331.
- ¹⁵ Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива: К историософии сталинизма. 4-е изд. М., 2012. С. 52.
- ¹⁶ Илизаров Б.С. «От книги проф. Вишпера об Иване Грозном можно ожидать многого» // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания. М., 2012. С. 555.
- ¹⁷ Perrie M. The cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. N. Y., 2001. P. 85, 92–99.
- ¹⁸ См.: Тихонов В.В. Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008. С. 95–110; *Он же*. Забытые страницы советской историографии: дискуссия Б.Д. Грекова и Б.И. Сыромятникова о характере социально-экономического строя Киевской Руси // Исторический ежегодник – 2012. Новосибирск, 2012. С. 34–45.
- ¹⁹ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 122.
- ²⁰ Е.Н. Кушева – Б.А. Романову, 4 сентября 1952 г. // Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2010. С. 266.
- ²¹ Сталин И. О лозунге диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в период подготовки Октября. Ответ тов. С. Покровскому // Вопросы ленинизма. 9-е изд. М., 1933. С. 255–262.
- ²² Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 43, 70.
- ²³ Генелин Р.Ш. Указ. соч. С. 96.
- ²⁴ Тихонов В.В. Историк «старой школы».
- ²⁵ Архив РАН (АРАН). Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 207. Л. 2.
- ²⁶ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 25.
- ²⁷ См.: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005. М., 2005. С. 72–89; *Они же*. Б.Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) // Французский ежегодник 2007. М., 2007. С. 34–54.
- ²⁸ См.: Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 40; Стам С.М. Моя жизнь, друзья и наука // Средневековый город. Вып. 17. Саратов, 2006. С. 59.

- ²⁹ Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 784.
- ³⁰ Там же. Л. 48 об.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 34.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 34 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 64.
- ³⁷ *Поляков Ю.А.* Ровесник эпохи // Отечественная история. 2004. № 4. С. 144–152.
- ³⁸ См.: *Некрич А.М.* Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. С. 304–305; *Тихонов В.В.* «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // «НВ: Исторические исследования»: Электронный журнал. 2013 № 2 (http://e-notabene.ru/hg/article_701.html); *Иоффе Г.* Как я был «безродным космополитом» // Новый исторический вестник. 2010. № 3 (25). С. 99–100.
- ³⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 23.
- ⁴⁰ *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты: (Воспоминания историка). Кн. 2. М., 2011. С. 130.
- ⁴¹ *Сарсеке М.* Бекмаханов. М., 2010. С. 171.

Г.Н. Ланской

ЖУРНАЛЫ РГГУ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О ПРОШЛОМ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА

В статье впервые анализируются публикации в журналах РГГУ о развитии Историко-архивного института РГГУ в советский период. Анализируются очерки о формировании и развитии в институте научно-педагогических школ. Одновременно большое внимание уделено мемуарным биографическим очеркам о профессорах и преподавателях МГИАИ – Историко-архивного института РГГУ.

Ключевые слова: Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), профессура, научно-педагогическая школа, преподавание, педагогическое мастерство, воспоминания, историографический источник.

Формирование научно-педагогических школ и связанных с ними традиций историографического творчества всегда основывается не только на формировании новых знаний, но и на осмыслении накопленного в различных предметных областях исследовательского опыта. Поэтому публикуемые на протяжении последнего десятилетия в журналах Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) статьи, очерки и воспоминания об истории Историко-архивного института, ставшего организационной основой для создания РГГУ, имеют несомненную практическую и познавательную ценность.

Среди них отчетливо выделяются три группы историографических источников.

В первую группу входят многочисленные статьи о тех профессорах и преподавателях, которые работали в Историко-архивном институте со второй половины 1940-х до 2000-х гг. Данные публикации, обычно написанные учениками и коллегами этих педагогов, содержат ценные сведения о педагогической деятельности, о

психологических качествах педагогов. Во многих случаях личные свидетельства сочетаются с анализом значимости научных трудов, созданных бывшими профессорами и преподавателями Историко-архивного института. Необходимо подчеркнуть, что на протяжении последних лет в РГГУ предпринимаются значительные и плодотворные усилия по изучению сложившихся в нем традиций развития исторического и в целом социально-гуманитарного знания и творчества людей, олицетворяющих эти традиции. В связи с этим следует упомянуть о многочисленных конференциях, посвященных памяти или юбилеям выдающихся ученых и педагогов, а также издание в 2009 г. специального сборника научно-биографических исследований¹, ставшего заметным историографическим фактом.

Ко второй группе относятся статьи о тех профессорах и преподавателях, которые продолжают в настоящее время работать в РГГУ и вносят заметный вклад в развитие изучаемых ими областей научного знания. Для этих работ, написанных ближайшими коллегами данных авторов, характерно сочетание ретроспективного подхода, предполагающего рассмотрение пройденного исследователями творческого пути, и феноменологического подхода, применение которого позволяет осмыслить индивидуальный вклад данных исследователей в изучение сохраняющих свою актуальность проблем. Историографические источники данной группы разделяются на юбилейные и не связанные с юбилейными датами научные очерки, что влияет на жанровую принадлежность и композиционную структуру данных текстов.

Третья группа публикуемых в журналах РГГУ статей о прошлом Историко-архивного института наименее велика по объему и включает в себя работы, посвященные отдельным сложившимся направлениям развития научной и образовательной деятельности в институте. Значение относящихся к данной группе работ заключается в том, что их авторы вводят в исследовательскую практику многочисленные и, как правило, ранее не публиковавшиеся источники по истории института. Анализ данных источников сочетается в рамках композиционной структуры статей с личными впечатлениями и наблюдениями авторов об ученых и педагогах, деятельность которых нашла отражение в выявленных архивных документах. Среди публикаций данной группы наиболее характерными являются статьи М.П. Мохначевой² о развитии историографического образования и исследований по истории исторической науки в МГИАИ, а затем и в Историко-архивном институте РГГУ.

Каждая из обозначенных трех групп историографических источников имеет свою типологическую специфику и, исходя из нее, может являться объектом использования для изучения истории Историко-архивного института. В частности, согласно этой специфике, входящие в данные группы статьи относятся к жанрам биографической и проблемной историографии, отличающимся друг от друга в научно-методическом отношении. В то же время рассматриваемые источники дополняют друг друга по содержанию, давая (иногда даже в рамках одного текста) целостное представление о конкретном авторе как о человеке (объекте мемуарного творчества), так и представителе определенной традиции, школы научно-исследовательского творчества. Для получения такого представления, очевидно, необходимо применять целый комплекс методов исторического исследования, включающий в себя ретроспективный и компаративный методы, а также метод контент-анализа.

Классифицируя публикации журналов РГГУ о прошлом Историко-архивного института не с типологической, а уже с объектно-тематической точки зрения, можно четко разделить статьи, посвященные представителям и во многих случаях создателям крупных научно-педагогических коллективов и образовавшихся в данных коллективах исследовательских школ. При этом наибольшее число историографических источников посвящено истории и представителям бывшей кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, в настоящее время разделенной на кафедру источниковедения и кафедру вспомогательных исторических дисциплин, а также кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций. В меньшей степени в рамках публикаций журналов РГГУ исследована история кафедр документоведения, архивоведения, всеобщей истории³, хотя и применительно к ним уже созданы глубокие по содержанию и имеющие большую научно-практическую значимость статьи.

Основы изучения истории кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин были заложены еще в 1980-е гг., к началу которых в качестве самостоятельного исследовательского направления, прежде всего благодаря творчеству А.Т. Николаевой⁴, сложилась практика изучения истории источниковедения. Во второй половине 1980-х гг., в условиях перестройки, развитие МГИАИ и переосмысление опыта его становления в советский период, как и изучение истории развития его коллектива и научных школ, приобрели новый импульс. Он заключался в появившейся возможности введения в научный оборот и частичной публикации многих источников, отразивших, в первую очередь, уникальный опыт раз-

вития института под руководством представителей НКВД СССР в период конца 1930-х – первой половины 1950-х гг. В результате было подготовлено новаторское по форме и богатое по содержанию учебное пособие Л.Н. Простоволосовой и А.Л. Станиславского⁵, до сих пор не имеющее аналогов. Связанный с подготовкой и публикацией данного пособия опыт изучения прошлого развития Историко-архивного института, а также опубликованные в 1990–2000-е гг. работы Т.И. Хорхординой⁶ по истории института оказали заметное влияние на содержание и концептуальную направленность статей, публиковавшихся по рассматриваемой проблематике в периодических изданиях РГГУ.

Сущность данного влияния заключалась, с одной стороны, в том, что повсеместно распространявшиеся ранее знания исторического характера (отражавшие, в частности, традиционную для историографии периодизацию развития архивного дела в России) и технологического характера (например, о выработке подходов к организации хранения архивных документов) дополнились гуманитарными знаниями. В этом смысле нельзя не согласиться с утверждением в статье Е.И. Пивовара, А.Б. Безбородова и С.В. Карпенко⁷ о том, что в своих работах Т.И. Хорхордина достигла сочетания технологического и гуманитарного подходов в освещении развития «науки об архивах», в том числе в стенах Историко-архивного института. Подобное сочетание позволяет понять, как конкретные ученые участвовали в происходивших изменениях развития архивного дела и архивного образования и как влияли на их деятельность менявшиеся исторические условия Советского и затем Российского государства. Кроме этого, гуманитарный – биографический – подход чрезвычайно редко встречался и мало представлен в архивоведческих трудах, что объясняется прежде всего ограниченностью имеющейся документальной базы.

В данном контексте знаменательной для издательской деятельности РГГУ стала подготовленная Т.И. Хорхординой публикация в журнале «Вестник РГГУ» автобиографии Е.В. Старостина⁸, написанной им незадолго до смерти для юбилейного издания к 20-летию РГГУ.

С другой стороны, публикации 1990 – первой половины 2000-х гг. по истории Историко-архивного института привели к формированию критического подхода к изучению влияния советской эпохи на развитие исследовательской деятельности. Данный подход проявлялся многоаспектно, находя отражение в восприятии связи дореволюционной и послереволюционной историографических традиций, в оценке влияния так называемых периодов оттепели и застоя

на формирование и развитие творчества советских историков, в определении новых возможностей исследовательской деятельности, которые возникли у профессоров и преподавателей РГГУ в условиях демократизации гуманитарного знания.

Проблематика соотношения старой – дореволюционной – исследовательской школы и творчества советских историков в стенах МГИАИ наиболее полно отразилась в статьях, посвященных истории кафедры вспомогательных исторических дисциплин. Обосновывая возможности получения точного исторического знания в процессе субъективного анализа и интерпретации источников, О.М. Медушевская в своей посмертно опубликованной статье⁹ доказывала, что данная возможность, предполагавшаяся на философско-историческом уровне, была реализована лучшими представителями отечественной исторической науки первой половины XX в., в том числе ее учителем А.И. Андреевым. Эти исследователи продолжали, в свою очередь, историографические традиции работ А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова и других авторов, противостоя тем самым своими конкретно-историческими работами исследовательской практике, внедрявшейся придерживавшимися марксистско-ленинской методологии советскими учеными. В дальнейшем уже М.Ф. Румянцева в своих статьях¹⁰, также опубликованных на страницах «Вестника РГГУ», показала, как О.М. Медушевская вначале при изучении отдельных видов источников и теоретических проблем источниковедения, а затем в публикациях 1990–2000-х гг. провела связь между дореволюционными и более поздними исследованиями, выдвинув в качестве особого объекта изучения когнитивную историю. Именно в контексте данной, сформулированной на теоретико-методологическом уровне в период второй половины 1990–2000-х гг., до недавнего времени определялась специфика научно-педагогической школы Историко-архивного института в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Вопросы влияния менявшихся, главным образом с точки зрения уровня воздействия государственной идеологии на формирование исторического знания, внешних условий на творчество советских ученых нашли подробное решение в статьях В.И. Дурновцева¹¹, посвященных жизни, взглядам и творчеству В.А. Муравьева, долгое время возглавлявшего кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В.И. Дурновцев, с одной стороны, проследил несомненное влияние, которое оказывали непродолжительные события периода оттепели вплоть до начавшейся в 1967–1968 гг. частичной реабилитации сталинизма и особенно

демократические процессы 1990–2000-х гг. на расширение проблематики исторических и в том числе историографических исследований. С другой стороны, в его статьях убедительно показано, что опыт деятельности в условиях хотя бы относительной творческой свободы формировал у В.А. Муравьева и некоторых других авторов способность внутренне сопротивляться особенно реакционному идеологическому давлению и продолжать заниматься духовно близкой научной проблематикой.

Сходные тенденции поиска тем для свободного осмысления даже в жестких рамках формационного подхода прослеживали также авторы очерка о Н.И. Басовской, опубликованного в журнале «Новый исторический вестник» в 2001 г.¹² Особенностью данного очерка является то, что в нем видна непосредственная связь между стремлением советских ученых к творческой свободе в научной сфере и их усилиями по созданию новых форм подготовки своих учеников. В частности, авторы показали значение деятельности кружка истории древности и Средневековья, так же как в других многочисленных публикациях¹³ был отражен существенный вклад в формирование научно-педагогической школы Историко-архивного института кружка источниковедения, бессменно возглавлявшегося С.О. Шмидтом.

Тема подготовки высококвалифицированных специалистов в Историко-архивном институте, обеспечивавшейся независимо от менявшихся особенностей развития советского и затем современного Российского государства, широко представлена в публикациях журналов РГГУ. Большая заслуга в ее раскрытии на примере работы со своими учениками профессоров и преподавателей кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций (прежде всего Н.П. Ерошкина, а также А.Д. Степанского и Т.М. Смирновой), а также руководившей многие годы кафедрой документоведения профессора Т.В. Кузнецовой принадлежит Т.Г. Архиповой. В своих статьях и биографических очерках, основанных во многом на личных воспоминаниях¹⁴, она продемонстрировала характерную для лучших образцов мемуарных источников связь между своей личной биографией и качествами людей, которые оказали благотворное и важное влияние на ее становление как ученого, на ее жизнь. Благодаря такому подходу более полно, чем в традиционных научно-исторических источниках, формируются личностные портреты ученых и педагогов с их психологическими особенностями, культурными предпочтениями, формами бытового поведения.

Большое значение имеют высказанные Т.Г. Архиповой наблюдения об особенностях методической деятельности бывших

профессоров и преподавателей Историко-архивного института. В частности, в очерке, посвященном Н.П. Ерошкину, она пишет о том, как он использовал в рамках лекций фрагменты из источников личного происхождения и художественной литературы, тем самым одновременно углубляя и делая еще более легковоспринимаемыми тексты лекций¹⁵. Также ею отмечается значительное внимание, уделявшееся им проведению семинарских занятий, в ходе которых студенты выступали с докладами и нередко – в том числе, на основании рекомендаций Н.П. Ерошкина и обязательных выступлений оппонентов из числа представителей студенческой группы – определяли тематику своих дипломных, а иногда и диссертационных исследований¹⁶.

Т.Г. Архипова также отмечает педагогический и методический талант Т.М. Смирновой, показывая академичность и фундаментальность проводившихся ею занятий. Большой интерес представляет рассказ о том, как Т.М. Смирнова создавала учебные пособия¹⁷.

В воспоминаниях о Т.В. Кузнецовой Т.Г. Архипова представляет ее значительный вклад в развитие Историко-архивного института и прежде всего в создание программ подготовки специалистов в области документоведения и документационного обеспечения управления для обучения студентов как в головном вузе, так и в его региональных филиалах. Параллельно с этим она отмечает уникальность проявленного Т.В. Кузнецовой еще в первые годы профессиональной деятельности интереса к проблематике делопроизводства, к созданию научно-методического обоснования этой широко распространенной сферы деятельности. Т.Г. Архипова подчеркивает, что итогами реализации данного интереса стали и подготовка многих аспирантов, и создание журнала «Делопроизводство»¹⁸.

В целом в своих мемуарных очерках Т.Г. Архипова показала прекрасные примеры сочетания профессиональной и психологической оценки работы профессоров и преподавателей Историко-архивного института, что позволяет рассматривать ее статьи и очерки и как научно-исторические, и как мемуарные историографические источники.

Авторы публиковавшихся в изданиях РГГУ статей об истории института недостаточно уделяли внимания характеристике и оценке деятельности его бывших руководителей. Как правило, эта деятельность рассматривается как своеобразный – благоприятный или негативный – фон работы профессоров и преподавателей. Поэтому среди выявленных историографических источников особое место занимают воспоминания В.В. Минаева¹⁹ о возглавлявшем МГИАИ в 1976–1986 гг. Н.П. Красавченко.

В них неразрывно сочетаются сведения о биографии Н.П. Красавченко (прежде всего в период его участия в руководстве партизанским движением и в ходе подготовки так называемого московского дела); наблюдения об особенностях его административной и преподавательской работы; мемуарные свидетельства самого автора воспоминаний о личном общении с Н.П. Красавченко при организации деятельности комсомольских агитбригад. Основанные на собственных наблюдениях и высказываниях самого Н.П. Красавченко, воспоминания В.В. Минаева воспринимаются как личностно-психологический и притом полностью аргументированный фактами развития МГИАИ очерк, имеющий большую историческую ценность.

Таким образом, благодаря имеющимся публикациям изданий РГГУ современный читатель может получить представление как о фундаментальных научно-педагогических традициях и школах Историко-архивного института, так и о различных жанрах их историографического изучения. Поэтому дальнейшее изучение этих публикаций, а также подготовка и публикация статей об оказавшихся пока за рамками исследовательского внимания ученых и преподавателях имеют несомненное значение как с методической, так и с просветительской точки зрения.

Примечания

- ¹ Учителя учителей: Очерки и воспоминания. М., 2009.
- ² См.: *Мохначева М.П.* Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ // Вестник РГГУ. 2009. № 4. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 23–47; *Она же.* Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ: Статья вторая // Там же. 2010. № 7. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 56–83.
- ³ *Ауров О.В., Журавлева В.И., Шарова А.В.* Наталия Ивановна Басовская: штрихи к портрету ученого и педагога // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 3–14.
- ⁴ См.: *Николаева А.Т.* Вопросы историографии русского источниковедения XVIII–XX вв. М., 1970; *Она же.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII–XX вв. М., 1976.
- ⁵ *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1990.

- ⁶ Хорхордина Т.И. Крона и корни: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991 гг.). М., 1997; *Она же*. Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М., 2003.
- ⁷ Пивовар Е.И., Безбородов А.Б., Карпенко С.В. Т.И. Хорхордина и новое историческое архивоведение // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 50.
- ⁸ Старостин Е.В. Автобиография // Вестник РГГУ. 2011. № 12. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 291–294.
- ⁹ Медушевская О.М. История науки как динамический процесс: К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Там же. 2008. № 4. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 312–328.
- ¹⁰ Румянцева М.Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Там же. 2009. № 4. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 12–22; *Она же*. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской: Статья вторая // Там же. 2010. № 7. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 11–28.
- ¹¹ См.: Дурновоцев В.И. Виктор Александрович Муравьев: историк в зеркале историографии // Там же. 2011. № 12. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 261–275; *Он же*. Время, пространство, события в жизни и творчестве историка: воспоминания В.А. Муравьева // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 6–32.
- ¹² См.: Ауров О.В., Журавлева В.И., Шарова А.В. Указ. соч.
- ¹³ См.: Шмидт С.О. Сергей Михайлович Каштанов в Историко-архивном институте // Вестник РГГУ. 2012. № 21. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований». С. 201–209.
- ¹⁴ См.: Архипова Т.Г. Александр Давидович Степанский: друг и коллега // Новый исторический вестник. 2010. № 1 (23). С. 5–10; *Она же*. Вспоминая Татьяну Вячеславовну Кузнецову // Там же. 2012. № 1 (31). С. 6–14; *Она же*. Николай Петрович Ерошкин: человек и ученый, определивший мою судьбу // Там же. 2010. № 2 (24). С. 110–123; *Она же*. Вспоминая Татьяну Михайловну Смирнову // Там же. № 1 (23). С. 138–143.
- ¹⁵ Архипова Т.Г. Николай Петрович Ерошкин. С. 115–116.
- ¹⁶ Там же. С. 113.
- ¹⁷ Архипова Т.Г. Вспоминая Татьяну Михайловну Смирнову. С. 142–143.
- ¹⁸ Архипова Т.Г. Вспоминая Татьяну Вячеславовну Кузнецову. С. 8, 12–13.
- ¹⁹ Минаев В.В. Вспоминая Красавченко // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). С. 167–183.

Abstracts

M. Chernichenko

INFLATION AND INFLATION PANIC IN THE REAR OF GENERAL A.I. DENIKIN'S TROOPS AS REFLECTED IN THE ECONOMIC JOURNALISM OF THE "WHITE" SOUTH OF RUSSIA (1919)

The article analyses materials on economic topics published in major newspapers circulating on the territory occupied by General A.I. Denikin's troops. The main attention is drawn to the information and assessments used in the articles which concerned increased prices for goods and services. The press coverage of price growth issues is seen as a factor of increased inflation expectations and inflation panic in Denikin's rear.

Key words: Russian Civil War, White Movement, A.I. Denikin, A.I. Denikin's government, financial policy, money circulation, inflation, inflation expectations, inflation panic, periodical press, economic journalism.

V. Chicheriukin-Meyngardt

ABOUT STUDYING MILITARY SPECIALISTS' MOTIVATION AND BEHAVIOR DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

In the context of studying the role of the former officers of the Russian Imperial army (military specialists) in the Red army the article examines the book by A.V. Ganin "The Last days of General Selivachev: Unknown pages of the Civil war in the South of Russia". The main attention is paid to analysis of the personality of General V.I. Selivachev, his political views and motivations of his social behaviour. The author of the article evaluates the results and prospects of the studying military specialists' motivation and behaviour.

Key words: World War I, Russian Civil war, Russian Imperial army, Worker-Peasant Red Army, V.I. Selivachev, historiography, A.V. Ganin.

A. Eremin

THE DRAFT DOCUMENTATION
OF THE RUSSIAN CLASSICAL GYMNASIUM
OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES
AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

The article considers methods of analysis of rough copies of documentation of the archive fund of Oryol Men's gymnasium as a source for studying the history of everyday life of Russia in the late XIX – early XX centuries. It is concluded that the rough copies of the documentation of gymnasium assist in the identification of unintentional information about motives of everyday thinking and behavior of the authors of the documents, the relationship between officials in the Ministry of education.

Key words: Russian Empire, Ministry of Education, gymnasium, paperwork, rough copies, historical source, source studies, everyday life, motivation for behavior.

S. Karpenko

THE DISRUPTION OF RAILWAY TRANSPORT
AND FUEL CRISIS IN GENERAL P.N. VRANGEL'S
TAURIAN PROVINCE: FACTORS AND INTERACTION
(APRIL – NOVEMBER 1920)

The article analyses the state of railways and railway operation in the rear of General P.N. Vrangel's Russian Army in its interrelation with fuel crisis. It highlights economic, political, military and other factors causing the disruption of railway transportation and exacerbation of fuel crisis, with the connection between the collapse in the railway service and the fuel crisis in the Taurian province in April – November 1920 being underlined.

Key words: Russian Civil War, Taurian province, P.N. Vrangel, Government of the South of Russia, Russian Army, military dictatorship, railway transport, fuel, supply, economic crisis, inflation, speculation, corruption.

N. Kharitonova

THE TRANSNISTRIAN CONFLICT:
NEW APPROACHES TO THE STUDY
OF ITS PAST AND PRESENT

The article deals with contextual analysis of the study of Transnistrian conflict by A.V. Devyatkov “Before calling Europeanization: Russia’s policy in the Transnistrian settlement (1992–2012)”. Along with the analysis of certain provisions by A.V. Devyatkov, specificity of her approach to the study of the period of peaceful settlement of the Transnistrian conflict, the author defines the place of the monograph in the Russian historiography of the conflict.

Key words: Pridnestrovian Moldavian Republic, Republic of Moldova, Russian Federation, Transnistrian conflict, international relations, foreign policy, peaceful settlement of conflicts, European Union, historiography.

E. Kirillova

THE NEW ECONOMIC POLICY
AND THE NEW HOUSING POLICY:
FROM HOUSE COMMITTEES OF THE POOR
TO HOUSING COOPERATIVES
(PETROGRAD, THE BEGINNING OF THE 1920s)

The article considers the changes took place in the sphere of urban housing management of Soviet Russia during the NEP. On the example of Petrograd (Leningrad) special attention is paid to the organization and economic activities of housing cooperatives, their relationship with the city authorities. It contains analysis of the effectiveness of housing cooperatives as a form of housing management.

Key words: New Economic Policy, Petrograd (Leningrad), Executive Committee of Petrograd (Leningrad) Provincial Soviet, Department of municipal economy, housing policy, house committees of the poor, housing cooperatives.

S. Kosterin

FROM THE HISTORY OF THE WARSAW GROUP
OF THE CONSTITUTIONAL-DEMOCRATIC PARTY:
THE TRANSITION FROM POLITICAL ACTIVITY
TO CHARITY (THE BEGINNING OF THE 1920s)

In the article on the basis of documents of the former Prague archive elucidated the history of the Warsaw group of the Constitutional-democratic party in the early 1920s. The main attention is paid to the activities of the Warsaw group among Russian immigrants in Poland. The conclusion is that in the process of their practical work the Warsaw group cadet party evolved from a political organization in a public one.

Key words: Russian emigration, Poland, The constitutional democratic party (constitutional democrats), The Warsaw group of cadets, political organization, social activities, charitable activity.

G. Lanskoj

RSUH JOURNALS AS A HISTORIOGRAPHICAL
SOURCE ABOUT THE PAST OF THE INSTITUTE
FOR HISTORY AND ARCHIVES

In the article are firstly analysed the publications in the journals of RSUH about the development of Institute for History and Archives of RSUH in the Soviet period. The author analyzed the reviews about the creation and development in the institute of scientific pedagogical schools. At the same time the big attention is attracted to memorial biographical articles about the professors of Institute for History and Archives of RSUH.

Key words: Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities (RSUH), professors' society, scientific pedagogical school, teaching, pedagogical art, memories, historiographical source.

A. Lavryonova

RANKS OF THE GENDARME CORPS
IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN REVOLUTIONARIES

The article analyses the memories of the Russian revolutionaries of their relationship with the Corps of Gendarmes ranks within the basic procedures in force in the institutions of the political police and the prison system in Russia in the late XIX – early XX centuries. Particular attention is paid to the attitude of the revolutionaries to the existence of the political police as a public institution. It also analyses their understanding of the inviolability of the person concept and the perception of behavior and ethics of police.

Key words: Russian Empire, the political police, the Gendarme Corps, gendarme, revolutionary, political prisoner, interrogation, search, arrest, jail, security of the person.

E. Nesterova

JAPANESE COMMERCIAL AGENT IN VLADIVOSTOK
SEWAKI HISATO: RANGAKUSHA'S LIFE IN THE LAND
OF THE RISING SUN AND ON THE OUTSKIRTS
OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY)

Building on the data from foreign language's literature and sources, the article reconstructs the life of Sewaki Hisato, a Japanese bureaucrat and intellectual who became the first commercial agent of Japan in Vladivostok. The kind of microhistorical analysis employed allows us to expose the complexities of the modernization Japan went through just before and during the Meiji restoration, as revealed in the life track of a person. The analysis suggests that, beginning right after establishing diplomatic relations with Russia, Japan paid much attention to the Russian Far East, as seen in assigning a some of the rare officials that were familiar with foreign languages and European culture to this region.

Key words: Russian Empire, Japan, Far East, Russian Far East, Vladivostok, Russian- Japanese relations, foreign trade, commercial agency, commercial agent, Sewaki Hisato (Tezuka Ritsuzo).

A. Seregin

RUSSIAN MILITARY EMIGRATION: FROM HISTORY
OF THE RESEARCH IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article analyses of contemporary Russian historiography of anti-Bolshevik military emigration of “first wave” in 1920–1930s. In this period, in views of most historians, military emigration was the real fighting force which capable to be organization of anti-Bolshevik front. Particular attention is paid to the articles published in “The New Historical Bulletin” in the pages which reflected active debates about activities of military unions in emigration, present various point of view in its confrontation and interaction.

Key words: Russian emigration, military emigration, anti-Bolshevism, Russian All-Military Union, P.N. Vrangal, “The New Historical Bulletin”, historiography.

A. Syzranov

NEW DOMESTIC RESEARCH ON THE HISTORY
OF SUFISM IN THE VOLGA REGION IN THE XX CENTURY

In the article in a context of studying of the Russian Islam the latest works researchers of Islam about Muslim mysticism – Sufism – in the Volga region are considered. The main attention is paid to the analysis of the new research of Samara researcher of Islam Yu.N. Guseva. Innovative approaches of the author to the analysis of forms and the practice of Volga region Sufism in the XX century, a Muslim cult of sacred and their graves in the Volga region are estimated.

Key words: Russian Federation, Volga region, Islam, “national” Islam, Sufism, Ishanizm, Islam studies, historiography, Yu.N. Guseva.

V. Tikhonov

THE HISTORIANS AND THE SOVIET POWER
IN 1920S – 1940S: PATRONS AND CLIENTS

The phenomenon relations “patron–client” and their manifestation in the Soviet historical science were researched on a wide range of sources for the first time in Russian historiography. In article were

shown concrete examples of the relations of “patron–client”, the specificity of these relations in Soviet society and the influence of these relations on the community of professional historians on the development of historical science.

Key words: Soviet power, Bolshevik party, historical science, scientific discussion, historiography, V.I. Lenin, V.M. Molotov, I.V. Stalin, A.I. Yakovlev, I.I. Mintz, E.V. Tarle.

N. Timofeeva

EGIPTOLOGIST V.I. AVDIYEV: UNKNOWN DOCUMENTS ABOUT HIS WAY IN SCIENCE

Highlights the creative path of the Soviet scientist V. Avdiyev and its influence on the formation of the Moscow school of Egyptology in the 1930–1970s based on materials from Archive of the Russian Academy of Sciences. Unique epistolary heritage of V. Avdiyev gives an idea of the everyday scientist and relationships within the scientific community in the context of Soviet reality.

Key words: V.I. Avdiyev, USSR Academy of Sciences, Museum-Institute of Classic East, Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, oriental studies, Moscow School of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences Archives.

B. Tsyretarova

SANITARY-EPIDEMIC SITUATION AND EPIDEMIC CONTROL IN BURYATIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

On the basis of archival documents are considered sanitary and epidemic situation in Buryatia in the Great Patriotic War. There are shown causes of illness among the population of the republic. Particular attention is paid to the work of sanitary facilities, anti-epidemic measures and health education of the population, which were carried out by medical and sanitary institutions of Buryatia.

Key words: Buryatia, Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, the Great Patriotic War, health, health business, State Sanitary Inspection, epidemic control measures, education and outreach.

E. Tyshta

A STUDY OF HISTORICAL EXPERIENCE
OF THE KHAKAS AUTONOMOUS REGION SECEDING
FROM THE KRASNOYARSK REGION: THE PERIODICALS
AND FORMATION OF THE PUBLIC OPINION

This article analyses the transformation process Khakassia Autonomous Region in the Republic of Khakassia. The author explores the major economic and political conditions of the process, describes the main actors who initiated this process, as well as its main stages. Particular attention is paid to the role of regional bodies of the periodical press and the national intelligentsia in shaping public opinion in the autonomous region of Khakassia output from the Krasnoyarsk Territory, increasing political and legal status.

Key words: Russian Federation, the Republic of Khakassia, Khakassia Autonomous Region, the Krasnoyarsk Territory, federalism, the periodical press, and public opinion.

A. Yudina

D. ELLINGTON'S CONCERTS AS A BAROMETER
OF SOVIET-AMERICAN RELATIONS
IN THE BEGINNING OF THE 1970s

The article considers Jazz Diplomacy of the USA as a preparation step of the visit of President Nixon in the USSR. The perception of the tour by the Soviet jazz fans is also analyzed in the article. The conclusion that for the improvement of the relations in the triangle USSR–USA–China the cultural exchange is necessary to deepen is drawn, what was done by the Soviet and American politicians.

Key words: USSR, USA, China, international relations, diplomacy, Jazz diplomacy, musical culture, cultural exchange, tour, Duke Ellington.

S. Yuferova

PROVINCIAL REFORM OF CATHERINE II:
INTERPRETATION IN THE DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

This article deals with one aspect of the historiography of Catherine's Provincial reform, namely its nature. Author analyses the condi-

tions of the appearance of specific historical views at different period of our history. The author also identifies and compares different views of historians on the nature of the reform, clarifying the reasons for the similarities and distinctions in estimates of the reform at different stages of development of historical science in Russia.

Key words: Russian empire of XVIII century, Catherine II, reform, Provincial reform of 1775, local authorities, officialdom, historiography.

D. Zaynutdinov

THE ISSUES OF THE STATE AND LEGAL DEVELOPMENT
OF ANTI-BOLSHEVIK MILITARY DICTATORSHIPS
IN MODERN DOMESTIC RESEARCH ON THE HISTORY
OF THE WHITE MOVEMENT

The article deals with the study of modern Russian historians of the White movement issues of development of law under the anti-Bolshevik dictatorship in 1918–1919. Particular attention is paid to the analysis of issues and terminological apparatus inherent in modern research. It is concluded that the need for further study of the anti-Bolshevik states in the historical and law manner, to enhance cooperation between historians of the White movement and specialists in the history of law.

Key words: Russian Civil war, White movement, military dictatorship, anti-Bolshevik statehood, history of state and law, jurisprudence, historiography.

Сведения об авторах

Еремин Александр Иванович – кандидат исторических наук, докторант Историко-архивного института РГГУ, eremin_a62@mail.ru

Зайнутдинов Динар Рафаилович – старший преподаватель Института социальных и гуманитарных знаний (г. Казань), knight_1988@mail.ru

Карпенко Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ, skarpenk@mail.ru

Кириллова Елена Анатольевна – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), yahook7@gmail.com

Костерин Сергей Владимирович – аспирант Историко-архивного института РГГУ, kosterin-sergey2014@yandex.ru

Лаврёнова Анна Михайловна – аспирант Историко-архивного института РГГУ, lavyonova@mail.ru

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета документоведения и электронных архивов Историко-архивного института РГГУ, gri_lanskoii@list.ru

Нестерова Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент РГГУ, blb1@mail.ru

Серегин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, преподаватель РГГУ, aleksseregin@yandex.ru

Сызранов Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент Астраханского государственного университета, a_sizranov@mail.ru

Тимофеева Наталья Сергеевна – аспирант РГГУ, timofeewww@gmail.com

Тихонов Виталий Витальевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, tihonovvitaliy@list.ru

Тышта Елена Владимировна – кандидат политических наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан), tyshta@mail.ru

Харитонова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, natahari@yandex.ru

Цыретарова Баярма Бабасановна – кандидат исторических наук, доцент филиала РГГУ в г. Улан-Удэ, bayarma7a@rambler.ru

Черниченко Марина Юрьевна – директор Музея истории медицины Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, cher_@inbox.ru

Чичерюкин-Мейнгардт Владимир Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ, vladmeinhardt@yandex.ru

Юдина Алена Михайловна – аспирант РГГУ, aljona.yudina@gmail.com

Юферова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, kidarida@mail.ru

General data about the authors

Chernichenko Marina Yu. – director, Museum of History of Medicine, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, cher_@inbox.ru

Chicheriukin-Meyngardt Vladimir G. – Ph.D. in History, associate professor, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vladmeinhardt@yandex.ru

Eremin Alexander I. – Ph.D. in History, doctoral candidate, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, eremin_a62@mail.ru

Karpenko Sergey V. – Ph.D. in History, associate professor, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, skarpenk@mail.ru

Kharitonova Natalia I. – Ph.D. in History, lecturer, Lomonosov Moscow State University, natahari@yandex.ru

Kirillova Elena A. – postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg), yahook7@gmail.com

Kosterin Sergey V. – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, kosterin-sergey2014@yandex.ru

Lanskoy Grigory N. – Dr. in History, professor, dean, Faculty of Documentation and Technical Archives, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gri_lanskoi@list.ru

Lavryonova Anna M. – postgraduate student, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, lavryonova@mail.ru

Nesterova Elena I. – Ph.D. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, blb1@mail.ru

Seregin Alexander V. – Ph.D. in History, lecturer, Russian State University for the Humanities, aleksseregin@yandex.ru

Syzranov Andrey V. – Ph.D. in History, associate professor, Astrakhan State University, a_sizranov@mail.ru

Tikhonov Vitaliy V. – Ph.D. in History, senior researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, tihonovvitaliy@list.ru

Timofeeva Natalia S. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, timofeewww@gmail.com

Tsyretarova Bayarma B. – Ph.D. in History, associate professor, Russian State University for the Humanities (Ulan-Ude branch), bayarma7a@rambler.ru

Tyshta Elena V. – Ph.D. in Politics, associate professor, Khakas State University (Abakan), tyshta@mail.ru

Yudina Alena M. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, aljona.yudina@gmail.com

Yuferova Svetlana V. – Ph.D. in History, kidarida@mail.ru

Zaynutdinov Dinar R. – senior lecturer, Institute of Social Sciences and Humanities (Kazan), knight_1988@mail.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.Н. Панкова*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 15,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 133

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru